

Глава 651- 652

Освещенный мерцающим светом дешевого жужжащего монитора, я сижу за столом, подперев подбородок рукой, и делаю то, что нужно сделать. Миллион и одно я сидят вот так, занимаются миллионом и одним разными делами, но почему-то все равно, за исключением нескольких выдающихся случаев. Не верьте этой лжи, думайте о своих близких, продолжайте сражаться добрым сражением, смелость восторжествует, йадда, йадда. Больше всего я сосредотачиваюсь на усталых имперских воинах, сражающихся на передовой, их выносливость истощена, а дух ослабевает, даже несмотря на то, что вся «нетерпеливая» Небесная энергия в этом районе только и ждет своего шанса на связь. Хотя я не заманивал его сюда для этой цели, он действительно помогает, хотя оскверненные воины получают дополнительную Небесную энергию так же, как и имперцы.

Имперский и Оскверненный, на самом деле две стороны одной медали, хотя никто в Империи не хочет признавать это, кроме членов Братства, и даже они не все это выяснили. Я тоже, честно говоря, не потому, что не могу этого понять, поскольку у меня, кажется, есть какая-то форма ограниченного всеведения, а в основном потому, что я не могу заставить себя достаточно заботиться, чтобы попробовать. Что я получу, потакая своему любопытству? Даже если моя конечная цель не состояла в том, чтобы существовать в ничтожестве, я не сохраню никаких знаний об этом опыте после выхода из него, потому что человеческий разум не предназначен для обработки огромного объема информации, которую я обрабатываю в настоящее время, чтобы не говоря уже о понимании этого. В эту самую секунду Я просматриваю миллион и один разные направления мысли, в то время как вся важная и необходимая информация просто появляется у меня в голове в тот момент, когда она мне нужна, как если бы она была там все время, а я только вспоминаю. Каким бы пронизательным и интересным это ни было, это в лучшем случае временное явление, ничем не отличающееся от того, что произошло после того, как я помог Пинг Пин подняться до Божественности, и, честно говоря, безмерный размах всего этого не впечатляет меня во второй раз.

Таким образом, я настроился на поставленную задачу. Пустота внутри и пустота снаружи, чтобы я мог найти ничтожество и забвение. Эта работа здесь - средство для достижения цели, последнее усилие любви и эмоций, изгнанное изнутри, чтобы не осталось ничего, что могло бы загрязнять ничто, которого я так отчаянно желаю.

Мои естественные души раскрывают тысячи историй, разбросанных по собранным армиям, историй, которые я изо всех сил стараюсь подтолкнуть в правильном направлении. Возьмем, к примеру, случай Натальной Души 65 931, охранник из Корпуса Смерти Вуд Девяносто Восьмой, бывший Жёлтый и сейчас умирающий, её кишки разлились по всей земле, и сознание медленно исчезло. Я пытаюсь научить ее, как исцелять ее смертельные раны с помощью панацеи, и, если это не удастся, делаю все, что могу, чтобы она не поддалась ужасающему страху и одиночеству, которые были с ней всю ее жизнь. Рожденная в рабстве, она только

недавно научилась надеяться на лучшую жизнь, надежду, зажженную Сонг и мной, но, увы, надежду, которая скоро может быть угасла.

Надежда - ложь, но ради Сонг, ради Желтой я сделаю все возможное, чтобы помочь ей выжить. Более того, я хочу, чтобы она выжила, я хочу, чтобы она была счастлива и свободна, но ограниченное всеведение - это не всемогущество, как бы я ни хотел, чтобы это было иначе. Как бы мне ни хотелось исцелить ее сам, я не могу ничего сделать с собирающейся здесь Небесной энергией, не проснувшись, чтобы увидеть, правда все это или фальшивка. Этого не происходит, поэтому я могу только помочь другим научиться использовать Небесную энергию самостоятельно.

Идея приходит в голову мне, первому мне, идею, которую я передаю своим Натальным Душам. Учите больше людей Панацеи, потому что, если достаточное количество людей знает секрет, это уже не секрет. В этом ключе Natal Soul 668 391 находит Ли Ти Гуая, который шепчет ему на ухо, и обнаруживает приятный сюрприз, скрывающийся в уме человека. Хотя он и не был калекой в общепринятом смысле, когда он не мог двигать конечностями, его инвалидность была вызвана им самим. Преследуя свою мечту разработать лекарства для закаливания тела, Тайи Чжу Шэнь неправильно рассчитал дозировку, и лекарство проникло в кости Тие Гуая. В малых дозах это было бы хорошо, но после того, как TieGuaі пропитался этой ванной в течение полных двадцати четырех часов, он стал другим человеком, чьи кости не могли выдержать его полный вес без перелома. «Железный костыль» был дарован ему титулом,

Однако в течение многих лет выздоровления он никогда не прекращал своих исследований в области закалки тела, и теперь его знания во многих отношениях превзошли знания его наставника. Однако Тайи Чжу Шэнь - гордый человек, которого ТайГуай любит как отец, и он не хочет больше оскорблять гордость этого человека. Он считает, что это его вина, что его младшие братья, дьявольский дуэт Тао Цзы и PingGuo, были деформированы, потому что он не стал говорить, когда подумал, что нашел ошибку в записях своего наставника. Однако я знаю правду и что ни ТиеГуай, ни ЧжуШен не были правы, но за прошедшие с тех пор десятилетия именно Ученик нашел правильный ответ.

«Закалка тела», - шепчу я TieGuaі на ухо, - «вовлекает как внутреннее, так и внешнее. Подобно тому, как дом должен быть построен на прочном фундаменте, тело должно быть укреплено изнутри. Сначала кровеносные сосуды, затем органы, затем кости, сухожилия, мышцы и, наконец, кожа - это истинный Путь к совершенствованию тела, шаг за шагом. Завершите работу своего наставника, и только тогда вы сможете стереть позор с его наследия ».

В то же время я оставляю объяснение Панацеи в его мыслях, как и со многими другими Воинами на этом поле битвы. Еще одно желание существования исполнено и изгнано, и слишком многим еще предстоит уйти.

Natal Soul 435 158 через панику говорит об имперском дворянине, кавалерийском офицере по имени Кога, знатном шёлковом штанах, который готов испачкать указанные штаны дерьмом и мочой. Простой лейтенант, он оказался под командованием сотни всадников из-за безвременной смерти своего капитана и чувствует себя ужасно неадекватным для этой работы. Все, что ему действительно нужно сделать, это наблюдать за майором Чу Синь Юэ, чтобы получить его сигналы, но он вне себя от беспокойства, потому что он чувствует, насколько важной будет эта битва, и Призраки чувствуют его слабость. Таким образом, уже некоторое время не может найти Баланс, но, хотя я не знаю, что говорят Призраки, я знаю, что ему нужно услышать. «Ты тренировался для этого», - говорю я ему, противодействуя Спектрам, пытающимся его нервировать. "Ты знаешь что делать. Держите глаза открытыми, выполняйте приказы и, несмотря ни на что,

Воодушевленный этой беседой, Кога находит Равновесие и чувствует, как Энергия Небес наполняет его Ядро. Следуя приказам Синь Юэ, он ведет своих всадников преследовать группу всадников гаро. В завязавшейся драке ему перерезает горло один из диких зверей, но не раньше, чем Кога убивает Чемпиона, возглавляющего их, что позволяет его дисциплинированным наездникам с относительной легкостью расправиться со своими несоординированными противниками. Единственный сын и наследник, Кога оставляет после себя двух богатых, но престарелых родителей, которые любили его всем своим сердцем, и его последние мысли о них и о том, как он надеется, что они знают, что он тоже их любит.

Я надеюсь, что они тоже знают, и эта надежда превращается в еще одну Натальную Душу, которая исчезает с единственной целью - убедиться, что его родители знают любовь своего сына.

Каждый раз, когда он закрывает глаза, Лан И видит свою жену Руо-Руо. Он борется в надежде вскоре снова увидеть ее, человека, поглощенного своим горем, который продолжает бороться, потому что не знает, как жить без этого. Оскверненный забрал у него свою возлюбленную, женщину, которая дала ему радость и цель, поэтому он хочет отнять у них все, что может, но они не чувствуют потери, как он. Их волнует не их смерть, а только тоска и страдания, которые исходят от их действий, потому что они сошли с ума от шепота Призраков. Ненависть к Оскверненным только помогает в деле Призраков, и Натальная Душа 297 не знает, как ему помочь.

Пока я не нахожу что-то в воспоминаниях Яна, всплывающее на поверхность ее разума, когда я, главный я, напоминаю ей о том, кто она и откуда пришла. «Ты не ненавидишь бешеную собаку», - говорю я Лан И. «Вы просто положите это. Ненависть только портит память Руо-Руо, тогда как вместо этого тебе следует лелеять ее ».

Холодное, замороженное сердце Лан И крошится и крошится, обнажая слабость, на которой его противник быстро извлекает выгоду. «Форма Богомола - Рука Копья», - произношу я, и, как хороший солдат, он без колебаний подчиняется. «Завершить: Форма оленя - пронзить горизонт». Защищающий удар

превращается в смертельный удар, и я чувствую удовлетворение Лан И, но сейчас нет времени праздновать. Его копье ищет другого врага, но на этот раз ему не хватает жгучей ненависти, которая когда-то вела его, и остается только неутомимая цель, чтобы подтолкнуть его. Он воин народа и солдат Падающего дождя, поэтому он не дрогнет, пока дышит.

Это моя работа, и чем больше я делаю, тем лучше у меня получается дистанцироваться от связанных с ней чувств, но я не могу лгать и говорить, что я не заинтересован. Некоторые истории привлекают меня больше, чем другие, как, например, история Лю Сюаньдэ, Императорского отпрыска, который стал моей правой рукой в вопросах финансов. Когда он подал надежды в вопросах тактики и командования, я повысил его до своего военного совета в надежде, что он станет способным генералом. Этот человек - знаток боевых искусств, который ни разу не поднял руку в гневе, но он обладает острым интеллектом, поразительным пониманием логистики, ловкой способностью читать местность и использовать ее в своих интересах и, что наиболее важно, жгучее стремление добиться справедливости в отношении Имперского клана. Не кровью и пламенем, а через законы и реформы, странный и необычный образ мышления для человека из этого мира.

Хотя он никогда не участвовал в битвах, он участвовал в войнах, и ему это не понравилось. Во время своей первой и единственной кампании он служил квартирмейстером в отряде охранников Корпуса Смерти, направленном для подавления небольшого восстания. По крайней мере, ему так сказали, но после того, как пролилась кровь и осела пыль, он остался другим человеком. В ходе кампании ничего не складывалось, поэтому он блестяще решил собрать все воедино. В конце концов он обнаружил, что восстание было не восстанием против Империи, а восстанием в знак протеста против ужасающих условий труда и жизни в приграничном фермерском городке. Люди там были Имперскими Наследниками только по названию, ничем не отличавшимся от крестьян внешних провинций, и, возможно, к ним даже более жестко относились члены Имперского Клана. фамильярность порождает презрение. Эти крестьяне были освобождены от Дани, что позволяло им сохранять своих сыновей и дочерей, независимо от того, сколько поколений они отделили от Императора, и многим приходящим в упадок дворянским семьям было трудно это проглотить. Поскольку такие тонкокровные семьи стояли на второй ступени общества, они могли вынести свое разочарование только на нижних крестьян, что Лю Сюаньдэ хорошо знал, потому что он сам был отпрыском в девятом поколении, который должен был предложить своим детям к императору.

Тем не менее, он и его семья не забывали о них, в отличие от другой семьи, имя которой он отказывался даже вспоминать, потому что оно было вычеркнуто из записей клана Имперским мандатом. Эта семья поддалась отчаянию и набросилась на крестьян, живущих под их юрисдикцией, обращаясь с ними как с рабами и движимым имуществом, которое нужно использовать и выбрасывать, и после месяцев жестокого обращения крестьяне предсказуемо восстали. Семья послала за помощью, и Корпус Смерти вошел, убив или схватив всех до последнего мужчины, женщины и ребенка, включая благородную семью, которая положила начало этой цепи событий.

Это было несправедливо в глазах Лю Сюаньдэ. Не все участники заслужили смерть или рабство, выжившие отправлены в тренировочные лагеря Корпуса Смерти, и когда он попытался поднять этот вопрос и добиться справедливости для оставшихся в живых, его изгнали из Королевских Стражей и заставили вернуться в свою семью со стыдом. . Хуже всего было то, что никто не соглашался с его решениями, даже родители, которых он так любил. Их больше беспокоила потеря лица и то, как он разрушил свои шансы жениться, факт, который он находил крайне обескураживающим. Приезд в дальние провинции даже не был его идеей, это было последнее отчаянное усилие его родителей, надеющихся, что он сможет сделать себе имя и спасти своих детей от Мандата дани.

Ход, за который он благодарен, потому что он встретил Falling Rain.

Лю Сюаньдэ не нуждается в помощи для поднятия духа, но он становится генералом, поэтому Natal Soul 195 помогает ему понять и разгадать тонкости командования на поле боя. Он уже придумал несколько улучшенных формаций, которые имперцы могли бы использовать с большим эффектом, а также режимы тренировок для воспитания настоящих солдат, как боевых воинов, так и простых людей. Хуан Шаотянь - нынешнее громкое имя в тактике, и последние несколько тысяч лет он был известен благодаря своей книге «Три стратегии охоты», но как только Лю Сюаньдэ выпустил «Искусство войны», название, которое я предположительно передал он, я верю, он навсегда изменит облик войны.

В этом он видит средство для достижения цели, потому что, если простолюдины научатся эффективно сражаться с Воинами-Боевыми, тогда баланс сил изменится в их пользу. Они не только составляют основу экономики, но еще и крестьян намного больше, чем воинов-воин. Пока божества не участвуют, битва на истощение идет в их пользу, что может привести только к хорошему в будущем. Справедливость для всех, конечная цель Сюаньде, потому что в его глазах все люди рождаются равными.

На другом конце спектра Натальная Душа 847 386 занята Оскверненным Импералом, простолюдином по имени Сантош. Чуть более года назад он прожил тяжелую, но хорошую жизнь, работая по восемнадцать часов в день на золотом руднике, принадлежащем клану Матарам. Не все это было потрачено в шахте, поскольку клан Матарам хорошо относился к своим рабочим, особенно к тем, кому они доверяли достаточно, чтобы работать в своих самых прибыльных владениях. Пока он работал, у него было достаточно еды и воды, и по крайней мере четверть своего рабочего дня он проводил в перерывах в отдыхе, чтобы предотвратить травмы или истощение, и единственный раз, когда он видел, как выскакивает хлыст, был пойманный рабочий. пытается украсть. Хорошая работа, с учетом всех обстоятельств, хотя это означало, что Сантош никогда не мог покинуть шахтерский город, пока вся жила не будет вырублена, но все же это было лучше, чем альтернатива. Вот, его семья жила хорошей жизнью, в безопасности от воров и головорезов, в то время как его дети получили бесплатное образование, чтобы они могли лучше служить клану Матарам в качестве вассалов в будущем. Буквы и цифры станут их будущим обменом, лучшей жизнью, чем он мог когда-либо мечтать, и за это Сантош будет вечно благодарен клану.

Затем пала Стена Плача, а через несколько дней Оскверненные нашли шахтерский городок.

В этом виноват Имперский клан, по крайней мере, так решил Сантош. Имперцы были причиной, по которой ему пришлось смотреть, как умирает его жена. Имперцы несут ответственность за то, что он был вынужден сделать со своими детьми. Имперцы оставили Запад, бросили людей, которые в них больше всего нуждались, и за все это и многое другое им пришлось заплатить. Императору нужно было заплатить, страдать, как страдал Сантош, плакать, умолять и кричать, как он, и только тогда весы правосудия уравновесятся.

«Что насчет грехов клана Матарам?» - спрашиваю я, выбирая самый подходящий момент, чтобы вмешаться, когда его усталый разум успокаивается после долгой напряженной встречи. «Их враги годами прочесывали Западную провинцию в поисках скрытых лагерей, подобных вашему, так как же Оскверненные нашли его так быстро, всего через несколько дней после падения Стены? Любопытно, как клан Матарам не сражался с Оскверненными, когда каждый мужчина, женщина и ребенок присоединились к Врагам в прямом восстании Империи. Подумай, и правда откроется».

Несмотря на мои усилия, Сантош не будет слушать, не потому, что он неспособен к здравому смыслу, а потому, что верить в обратное означало бы взять на себя ответственность за свои собственные действия, что привело бы к его гибели. Этот человек едва цепляется за здравомыслие ногтями, и дальнейшее продвижение заставит его сдаться, но, тем не менее, 847 386 человек продолжают попытки. Внутри Сантоша есть кое-что, чего еще можно достичь, та часть, которую он держал закрытой в прошлом году, его сокровенное «я», которое больше всего любит и дорожит своей женой и детьми. Эта его часть умирает медленной смертью, потому что у нее нет причин жить, но все же я должен попытаться, потому что, если я смогу вырвать одну душу из хватки Врага, я бы назвал это успехом. Я никогда не мог понять, почему я не мог очистить истинного Оскверненного, но теперь я понимаю. Сами Оскверненные не хотят очищаться, крепко цепляясь за ложь, в которую они так отчаянно нуждаются. Потребуется значительные усилия, чтобы преодолеть их самоотречение, и если вы сделаете так много, то это может нанести непоправимый вред человеку, в котором они участвуют, но я должен попытаться.

В конце концов, именно поэтому я здесь. Так что я могу избавиться от всех своих надежд и сожалений, прежде чем разорвать связи с миром смертных и кануть в небытие. По этой причине Natal Souls с 2 по 68 заняты потаканием моим питомцам, которым действительно не нужно внимание. Этих болванов нелегко напугать или, по крайней мере, они способны справиться со стрессом, но я не хочу, чтобы они грустили, когда я уйду, хотя я ничего не могу сделать, чтобы это остановить. Аури, Пинг Пинг и мама Бун переживают самое ужасное: они не могут и не хотят понять, что я пытаюсь им сказать, что я уезжаю, но их все равно будут любить и заботиться. Они жадные маленькие звери, которые хотят всего лучшего, взять то, что я им обещаю, и при этом держать меня рядом, чтобы любить, потому что именно так они устроены. Банджо и Балу тоже недовольны, но, по крайней мере, они готовы принять это, в то время как Джимджам раздражен этим больше, чем я мог предположить. Он противный кот, но все равно любит меня, и теперь он

чувствует себя немного потерянным, когда знает, что я уезжаю. Саранхо не понимает, но она принимает это, самый умный котенок, который все еще помнит любовь своей матери и оплакивал ее много ночей назад, но нашел большую часть той же любви от Сонг.

Что касается остальных моих питомцев, они действительно не понимают, что происходит, кроме Забу и Рока. Эти двое будут оплакивать меня, но они уже проиграли раньше, и жизнь продолжается. Честно говоря, я бы хотел, чтобы все мои питомцы были такими, как они, потому что тогда я мог бы отдыхать спокойно.

Я хочу попрощаться со многими другими людьми и животными, но даже с миллионом и одной Натальной Душой, работающей в тандеме, я могу сделать лишь так много. Сейчас на сцене семь миллионов человек, и почти треть из них - животные, и хотя некоторые могут утверждать, что успокоение лошади, быка или лебеды не так уж важно, я не могу изменить то, кем я являюсь по сути. Если я вижу кого-то в беде, я чувствую себя обязанным помочь, потому что сочувствие - это адское бремя. Только по этой причине у меня есть Натальные Души от 18 545 до 26 342, и все они охватывают Имперских Нерегулярных Войск, бедных, напуганных простолюдинов, которые находятся здесь только потому, что верили в меня. Вдохновляющая аура песни помогает успокоить их нервы, но демоническую ауру нелегко поколебать, и все мои усилия напрасны.

Пока один человек, сын сапожника по имени Яжу, не вступает на поле битвы и без моей подсказки кричит: «Карета легата!»

Ликсиан, фермер, который мечтал о славе до приезда сюда, повторяет призыв, вспоминая, насколько счастливой была его семья, когда его старик привел их к границе и поселился на их новой ферме. «Легат! Спасите легата! »

Шодо, Вен На, Огум Чувон, Су Цзя, Тэнго, Минору и сотни других Неправильных Отрядов подхватывают эти крики, и вместе, без подсказки со стороны меня или моих Натальных Душ, все они набираются храбрости и массово атакуют Оскверненных. Как бы я ни хотел сказать, что они сделали это без страха, я лучше, чем кто-либо другой, знаю, насколько напуганы эти бедные люди, но все же они бросаются на клинки Врага, безрассудно рискуя своей жизнью из-за ошибочной веры. Демоны быстро расправляются с этими простыми смертными, но это не заставляет их останавливаться и отступать, потому что они мои самые горячие сторонники, более фанатичные, чем мог быть даже Боши. «Я буду в порядке, - пытаюсь я им сказать, - с легатом все будет в порядке. У него есть много боевых воинов, которые охраняют его, и многие скрытые эксперты ждут своего часа. Все, что вам нужно сделать, это отойти в сторону,

И все же Нерегулярные солдаты сражаются, потому что считают, что обязаны мне жизнью, и более чем счастливы тратить их. В панике я убеждаю Пинг Пина присоединиться к битве и склонить чашу весов сил - идиотский ход, который разжигает спор между Божествами. В этом проблема ограниченного

всеведения; Я знаю все, но я не могу видеть будущее и ничего не знаю, пока не подумаю. Теперь я знаю, что Емету обдумывает, хотят ли они начать атаку, чтобы убить сладкий Ping Ping, поскольку они могут легко заявить, что они просто уравнили поле. Око за око, Божественность за Божественность, заметный изъян в моем плане, который я, даже со всеми своими знаниями, не знаю, как исправить. Было бы лучше, чтобы Пинг Пин не действовала, так как теперь у Врага есть шанс изучить ее силу, но нет лекарства от сожаления, даже для такого могущественного человека, как я. К счастью, Враг не предпринимает никаких действий, чтобы обострить ситуацию, частично потому, что Пинг Пинг не демонстрирует такой большой силы, но также потому, что их беспокоит нарастающий шторм над головой, шторм, цель которого даже я не могу божественный. Тем не менее, вражеские божества могут ощущать силу, заключенную внутри, и не знают, кто несет ответственность, а это означает, что они будут действовать осторожно и не поднимать головы, чтобы не стать первыми в своем роде, которые упадут на этом поле битвы.

Все это время Нерегулярные солдаты продолжают умирать толпами, как бы я ни умолял или умолял их отступить. У них этого не будет, потому что они скорее умрут, чем увидят, что мне причинят вред. Эти храбрые души ни разу не колеблются, и ни разу они не пожалеют о смерти во имя меня, потому что верят, что их дело так же, как они добровольно отдают свои жизни за единственного человека, который, по их мнению, действительно заботится о них.

Мне.

Разбитое сердце здесь почти так же плохо, как потеря всех моих близких, но нерегулярные войска побеждают в огромном количестве. Трудно оставаться отстраненным, наблюдая за людьми, готовыми умереть ради меня, хотя все остальное, что я делал, было легче. Мама, Альсанцет, Ян, Мила, Сонг и милая Лин-Линь, общение с моими близкими, побуждает меня проснуться и присоединиться к ним, но страх сдерживает меня, как всегда. Что, если они на самом деле не живы? Что, если я снова обманываю себя? Что, если я открою глаза только для того, чтобы ботинок со стальным носком снова встретил меня? Что, если Чжэнь Ши действительно убил их, и я вернулся в Цитадель, столкнувшись со всеми людьми, которых я подвел? У меня столько уровней, что я с трудом могу уследить за тем, что реально, а что воображается. Это хорошо. Это к лучшему. Я сделаю все, что смогу, попрощаюсь, и погружусь в вечный сон, не потревоженный никакими испытаниями и невзгодами. На самом деле, это не идеально, это далеко не так, так как многое еще предстоит сделать, но если я отложу это сейчас, у меня, возможно, никогда не будет другого шанса. Мне больно оставлять людей, которых я люблю, и больно, что я не могу попрощаться с папой, Тадуком, Луо-Луо, Чароком, близнецами, Хусолтом, Бошуи, Мафу и многими другими, но они не здесь, и я не могу до них добраться, так что тут ничего не поделаешь. Я бы хотел щелкнуть пальцами и уничтожить Оскверненную армию, но мне не только не хватает способностей отсюда, если я вернусь в бодрствующий мир, я могу обнаружить, что у меня вообще никогда не было способностей, и что я просто обманываю себя здесь, в пустоте. У меня может не быть другого шанса. Мне больно оставлять людей, которых я люблю, и больно, что я не могу попрощаться с папой, Тадуком, Луо-Луо, Чароком, близнецами, Хусолтом, Бошуи, Мафу и многими другими, но они не здесь, и я не могу до них добраться, так что тут ничего не поделаешь. Я бы хотел щелкнуть пальцами и уничтожить Оскверненную армию, но мне не только не хватает способностей отсюда, если я вернусь в бодрствующий мир, я могу обнаружить, что у меня вообще никогда не

было способностей, и что я просто обманываю себя здесь, в пустоте. У меня может не быть другого шанса. Мне больно оставлять людей, которых я люблю, и больно, что я не могу попроситься с папой, Тадуком, Луо-Луо, Чароком, близнецами, Хусолтом, Бошуи, Мафу и многими другими, но они не здесь, и я не могу до них добраться, так что тут ничего не поделаешь. Я бы хотел щелкнуть пальцами и уничтожить Оскверненную армию, но мне не только не хватает способностей отсюда, если я вернусь в бодрствующий мир, я могу обнаружить, что у меня вообще никогда не было способностей, и что я просто обманываю себя здесь, в пустоте.

Нет идеального ответа, но это мой ответ. Я потрачу свои последние минуты на то, чтобы сделать мир лучше, научив своих друзей и товарищей лучше использовать свои сильные стороны, вселив сомнения в их врагов и, наконец, попросившись. Как только я сделаю все, что в моих силах, я уйду, зная, что они справятся без меня, потому что я слишком слаб и боюсь продолжать, как есть. Я всегда им был. В первый день, когда я проснулся в загоне рабов, я не был предназначен для этого мира. Я не создан для этой жизни. Если меня ждут только испытания и невзгоды, то мне и всем, кого я знаю и люблю, будет лучше, если я потеряю себя в забвении.

И я продолжаю свою работу. Омытая своим Благословением, Мила сияет ярко, как солнце, но ее лучезарная улыбка затмевает даже это, когда она сеет хаос на поле битвы, сражаясь лицом к лицу с могущественными демонами в доспехах и сдерживая себя. Ее сердце колотится от радости, когда я шепчу сладкие пустяки, ее настроение поднимается моим присутствием больше всего на свете. Далее, Хуушалу нужна рука, поэтому я напоминаю ему, что он не человек и не волк, а человек по своей сути, что ему еще предстоит выяснить. Сказать ему ничего не изменит, потому что он видит себя полуживотным или получеловеческим, но у каждого есть свои слабости и внутренние конфликты, так почему бы быть полуживотным, делая его менее человеческим? Как только он поймет это и примет правду, его бремя уменьшится, но до тех пор все, что я могу сделать, это поддержать его.

Легко забыть, когда все, что вы видите, - это его грубая внешность, но внутри Хуу большой мягкий человек. Он дорожит нашей дружбой, и наше отчуждение было для него тяжелее, чем для меня, но он справится с этим. Когда бушует ярость битвы, он не требует от меня помощи, не то чтобы он меня выслушал, даже если бы я попытался. Фунт за фунтом, он может сравниться с Оскверненным вождем с относительной легкостью, но Витар - хитрый воин, который пережил множество битв с врагами сильнее его, поэтому иметь дело с Хуу - почти пустяк. Поэтому я обращаюсь к его более темной натуре, призываю его затянуть эту битву и насладиться обменом на то, чем он является, и нахожу, что Витар, ненавистный Оскверненный, который калечит и мучает ради смеха, глубоко заботится о своих соплеменниках. Не так, как я забочусь о гражданских, а как командир, заботящийся о своих солдатах. Между ними нет любви, но он не будет безрассудно тратить свою жизнь, как этого хочет Чжэнь Ши, и я бью железо, пока горячо, и вбиваю клин между Витаром и Объединителем. Я прорабатываю ту же мысль в умах каждого присутствующего Оскверненного Вождя и Защитника, напоминая им обо всех обещаниях, данных им Объединителем, и о том, как он не заботится ни об их жизнях, ни о жизнях их соплеменников.

В отличие от моих героических иррегулярных отрядов, Оскверненные не верят ни во что, кроме своих собственных, и они привыкли слушать Призраков. Увы, не все достаточно заботятся о будущем, и многие слишком обезумели от крови, чтобы даже обращать внимание, но девятнадцать вождей прислушиваются к моим предупреждениям и начинают выводить свои племена с поля битвы. Судя по их гноящемуся недовольству, Чжэнь Ши ждет грубое пробуждение, поскольку его племенные помощники возвращаются на Запад и начинают вырезать собственные королевства вместо того, чтобы маршировать на войну, как хорошие марионетки, которыми они были. Это выиграет время для имперцев, но сколько, даже я не знаю, поэтому все, что я могу сделать, это продолжать попытки.

Многие из моих союзников не нуждаются в помощи, стойкие воины, такие как Хунджи, Бинеси, Гурда и Турсинай, но другим нужно немного подтолкнуть в правильном направлении. Живое пламя Тенджина прекрасно созерцать, но его сила оставляет желать лучшего, потому что сам он не понимает пламени. Они должны питаться, чтобы расти, и, хотя он сам может дать только определенное количество ресурсов, одно из преимуществ Огня состоит в том, что его не волнует, что он потребляет, пока есть топливо. Что касается Insights, то это небольшое прозрение, но это все, что ему нужно, чтобы выпустить Жар-птицу и запустить ее глубоко в глотку Демона. Проходят секунды, и Демон падает, всего за несколько мгновений до того, как Жар-Птица выходит из монстра, еще больше, чем прежде, поглотив то, что дало Демону жизнь. На флангах Ву Гам испытывает собственное понимание. Ему, Благословение Земли похоже на высокую гору, могучую и неотразимую, но тяжелую и неподвижную. Дело в том, что Земля всегда движется у нас под ногами, что-то, что полулисица может ощущать, но никогда полностью не осознавала значение этого.

Под вашими ногами заключена сила, сила только и ждет, чтобы ее высвободили. Все, что вам нужно сделать, это бесплатно.

Земля прорывается, когда перед Ву Гамом открывается трещина, небольшая трещина размером 1,23 метра в длину и 27 сантиметров в самой толстой части, но тем не менее трещина. Встревоженный тем, что он только что открыл, возбудимый молодой человек отправляет свои находки Чудаку Гэму, человеку, который является его отцом во всем, кроме крови и имени. Старший Воин быстро схватывает и, не теряя времени, направляет всю свою Ци на одну атаку. Его посох поднимается, затем падает, врезаясь глубоко в землю у его ног, и земля раскалывается на настоящую трещину, более чем в восемнадцать раз превышающую размер У Гама. 43 Оскверненных воина и шесть демонов падают, только стены смыкаются вокруг них и превращаются в мясную пасту, когда Экцентричный Гэм освобождает свою власть над землей.

Несовершенное применение, но с небольшой практикой и надлежащей настройкой, он может однажды таким же образом отправить на смерть сотни, если не тысячи Воинов. Предполагая, что он преодолет свое желание смерти, гонится за силой ради силы и подвергает свою жизнь опасности, потому что чувствует себя виноватым за то, что выжил, тогда как многие из его братьев и сестер, которых он воспитывал, как и свои собственные, не смогли.

На всем поле битвы я изо всех сил стараюсь помочь вдохновить воинов Империи, но даже этого едва ли хватит. Нога Милы соскальзывает, вынуждая ее заблокировать атаку, которой лучше всего избегать, которая в процессе ломает ей плечо. Сосредоточенная на том, чтобы поймать свой рикошетный щит, Ян чуть не теряет голову из-за оскверненного воина, но Кён вмешивается, прежде чем я успеваю ее предупредить, и спасает положение. Хуу несколько раз чуть не погиб, сражаясь со своим оскверненным противником, но я могу дышать спокойно, зная, что старый волк защитит его. Цянь борется и раскрывает все, чему он научился, но я чувствую, что этого все равно будет недостаточно, и направил его мать на свою сторону, заставив ее руку и нарушив ее планы на будущее - планы, которые я только сейчас реализовал. Имперская армия едва держится, когда наконец прибывает подкрепление,

Если Отец мог искушать даже ученика живой легенды, какая надежда была на кого-то еще?

Несмотря на то, что я знал обо всех ужасных издевательствах, которые совершил Хидео, и о том, что все это было спровоцировано мелкой ревностью, я не могу не посочувствовать его участи. Часть его знает, что он делает неправильно, и, несмотря на все его ошибки, я пытаюсь сказать ему, что еще не все потеряно, но искушение надеждой только отталкивает его. Он слишком высокого мнения о себе, чтобы даже признать свои ошибки, поэтому легче подорвать его доверие к людям, которые говорят ему, что все, что он делает, правильно. Скрытие от правды не избавляет от нее. Он всегда будет здесь, просто ожидая, что вы вспомните, урок, который я слишком быстро отбрасываю в Пустоту. «Монах тоже лжет», - шепчу я, уже забыв о мгновенной панике. «Он наблюдал за твоим падением в безумие и ничего не сделал, чтобы просветить тебя, потому что Лезвие Бритвы - это не Истинный баланс, а контролируемое безумие.

Ладно, я не совсем нейтрален и, возможно, был немного жестче, чем необходимо, но я видел, что он мечтал сделать с Ло-Луо и что он сделал с бедным Эри-Химэ, поэтому я не мог сдерживаться. В конце концов, я все еще человек, а это ложка дегтя, которую я все еще пытаюсь исправить.

Хидео сопротивляется, поэтому я стараюсь изящно напомнить ему об отце, который любил его, но это не имеет никакого эффекта. Я обращаюсь к его разуму, говоря ему: «Благородный восьмеричный путь - это не сила, а цель и намерение. Какая у тебя цель? Каковы ваши намерения? Искать силы? Почему? Почему ты ищешь силы? »

Мои вопросы доводят его до крайности, как я и знал, и в момент слабости я возвращаю домой все, что он уже знал или должен был знать, если бы думал об этом. Мицуэ Хироши был истинным наследником Дзюичи, теперь в этом не было никаких сомнений. Дзюичи любил Хироши как сына, а Хидео как внука, и всегда хотел только самого лучшего для них обоих. «Почему ты хочешь силы, Мицуэ Хидео?» - спрашиваю я, пока он борется с правдой, которую так старался игнорировать. «Лучше просить прощения. Открой глаза и посмотри правду, которую ты так тяжело отрицал ».

После того, как он заставил его обратить внимание на спрятанных Призраков, разум Хидео почти отключился, и обсуждать больше нечего. Видя его борьбу, я понимаю, насколько жесток и неумолим этот мир на самом деле, и у меня больше нет желания быть его частью. Несмотря на все мои попытки опустошить себя, сейчас я не ближе к своей цели, чем когда начинал, и вполне могу отстать еще больше, чем раньше. Происходит так много всего, столько людей умирает, а эмоции улетучиваются, что я не могу избавиться от всего этого. Чем больше я узнаю, тем больше чувствую, и все это накапливается у меня в груди, как вода, толкающая плотину, но рано или поздно вода выйдет за пределы и обрушит плотину на землю внизу.

Поворачивая экран вверх, чтобы смотреть на облака, я удивляюсь, почему шторм еще не высвободил свою ярость и наткнулся на мое собственное прозрение. Сейчас это кажется таким очевидным, это чудо, которого я никогда раньше не замечал, но я никогда не был самым острым орудием в сарае, как бы я ни называл себя ученым. Энергия Небес движется к эмоциям. Почему? Потому что наши эмоции - это чистейшая форма нашего существования. Мысли - продукт ума, но эмоции - продукт души, и именно эту связь, эту связь Божественные Энергии ищут и подчиняются, независимо от морали или принадлежности. Во многих отношениях наши души переплетены с Небесной Энергией, одна неотличима от другой, магией, которая берет базовые молекулы и преобразует их в живых, дышащих, думающих существ. Вот почему мне нужно очистить себя от эмоций, потому что, пока они у меня есть, внутри меня будет Небесная Энергия, не позволяющая мне достичь истинного забвения. Я знал что, но теперь я знаю почему, и с этим становится ясно гораздо больше.

Наши души - это сосуды, в которых мы храним все наши эмоции, не столько в словах или воспоминаниях, сколько в сыром, интуитивном опыте каждого события, встречи и испытания. Когда мы медитируем в Пустоте, мы становимся более созвучными со своей Душой или, возможно, точнее, становимся Едиными с Душой. Ядро, Дворец Натала, даже Аура и Область, каждая веха на Боевом Пути отмечена изменением ландшафта наших Душ, развитием, которое помогает нам использовать его лучше, поскольку мы, Воины, используем внутреннюю силу для манипулирования Энергией. Небес, и это то, что отличает нас от простолюдинов.

Так почему только один процент успеха для Core Formation? Возвращаясь к изучению Неправильного, я обнаруживаю, что даже наши души не безупречны. Это не значит, что простолюдины деформированы, скорее, у Боевых Воинов есть одна из ста аномалий, которая позволяет нашему разуму синхронизироваться с нашими душами, регулировка, которую Призраки применяют к Оскверненным, что сводит их с ума. Это похоже на модификацию автомобильного двигателя для приема реактивного топлива или розетки для получения неограниченной мощности, что возможно при правильном обращении и чрезвычайно опасно в противном случае.

Все это не имеет ничего общего с бурей, но ответы все равно появляются, даже когда я теряю концентрацию - ужасная ошибка, которая стоит мне почти целую секунду. Не только я, но и весь миллион моих Натальных Душ, и хотя секунда может показаться не такой уж большой, Чжэнь Ши и его Призраки могут нанести

большой урон правильным словом в нужное время. Вернувшись в нужное русло, я заставил свои Натальные Души работать на поле битвы, пока я панорамируюсь обратно к шторму наверху. Я все делал неправильно, пытался «израсходовать» все свои эмоции и высосать их все, но эмоции - это бездонный колодець. Взаимодействие с людьми ничего не дало, но заставило меня испытать еще больше эмоций. Сейчас более чем когда-либо я хочу встать и сражаться, чтобы привести солдат сюда против грязного Врага и изгнать их из Империи. Я хочу спасти все оскверненные, какие смогу,

Я хочу держать своих жен на руках и чувствовать тепло их кожи, крепко обнимать своих питомцев и прижиматься к ним, сидеть с мамой и папой и вкусно поесть всей семьей, тренироваться и снова соревноваться с моими друзьями. Я хочу всего этого и даже большего, но, несмотря на то, что стремлюсь к жизни, я все еще боюсь рисковать. Надежда в жизни только продлевает мои мучения, опасный наркотик, который раньше слишком много раз причинял мне боль, и я больше не буду принимать его. Надежды нет. Нет жизни. Если я проснусь, меня ждут только испытания и невзгоды, так что мой единственный выход - искать забвения.

Почему шторм? На вопрос ответил другим вопросом. Почему мы плачем?

Чтобы избавиться от эмоций.

Я больше не осмеливаюсь вмешиваться в жизнь окружающих меня людей, а вместо этого отдаю все, что у меня есть, на шторм. Все мои страхи, сомнения, беспокойства и кошмары скармливаются темным облакам, поглощаемым извивающимися Энергиями Небес внутри. Затем идут мой гнев и ненависть, моя любовь и радость, за которыми следуют мои неудачи, сожаления, мечты и чаяния. Все, чем я являюсь, отделено от моего существа, моя Душа вырезана моей собственной рукой и брошена на ветер, потому что только тогда я обрету свободу.

Пустота внутри и пустота снаружи, моя цель почти достижима. Однако я не могу отказаться от всего, потому что я все еще цепляюсь за мельчайшие надежды, надежду на то, что я могу открыть глаза, и все будет хорошо в мире.

Ложь, потому что не может быть никакой надежды ни здесь, ни сейчас.

Итак, я смотрю, как облака высвобождают свой груз с поля битвы, покрывая мир слезами. Мои слезы, плакали не моими глазами, а самой моей душой, очищенные в одном очищающем метафизическом рыдании, не в форме имени, с которым я родился, а в том, которым я стал дорожить всеми одна и та же. Лично я не чувствую печали или облегчения, потому что эти эмоции больше не мои, все изгнаны в мир вместе с оторванными остатками моих миллионов Натальных Душ, все из которых были освобождены, чтобы исправить мои ошибки. без моего

участия и руководства. Некоторые предлагают банальности солдатам, страдающим от боли, другие изливают истину оскверненным умам, которые их не слышат, и еще больше работы по раскрытию скрытых талантов, которые могут помочь поднять человечество в целом, если им будет оказана адекватная поддержка. Некоторые из моих Натальных Душ даже жертвуют собой, чтобы приспособить и изменить души людей на поле битвы, мягко залечивая невидимые раны и зажигая надежду на будущее. Эта работа остается по большей части незамеченной, и большинство из них плохо реагирует на мои усилия, но в то время как я был бы старым, я чувствовал бы себя разбитым сердцем, этот я, пустой я, не заботится.

Все те части меня, которые действительно заботились, находятся там, и будут делать то, что должны, до тех пор, пока они не будут израсходованы, мои потребности не будут удовлетворены, а намерения не выполнены. Я чувствую, как они утешают близких и успокаивают друзей, укрепляют союзников и воодушевляют тех, на кого я равняюсь. Еще больше представлений для тех, кто заслуживает, в то время как другие исправляют неуместные шаги и вдыхают новую жизнь в старых воинов или направляют других на более твердые пути. Сегодня здесь погибло много жизней, и еще больше погибнет до того, как эта война закончится, но я сделал свою часть работы и больше не буду.

Сняв гарнитуру, я выключаю монитор и отключаю компьютер, оставляя себя одного в огромном, пустом колл-центре пустоты. Моя кабина - это все, что осталось, но я не пытаюсь покинуть ее, потому что в этом заключена последняя моя надежда, моя последняя связь с внешним миром и прошлым, которое я давно забыл, все то, что я все еще не могу оставить позади. Меня соблазняет темный экран, я не могу отвести взгляд, но не шевелюсь, чтобы снова его подключить. Я сижу и смотрю в пустоту, а пустота смотрит в ответ. Пустота снаружи, но внутри ...

Я не ищу забвения, потому что все еще цепляюсь за надежду. Независимо от того. Надежда со временем умрет, а у меня ничего не осталось.

~~~~~

Небеса грохотали.

Разразился шторм.

Шел дождь.

И Оскверненные бежали, оставив Имперскую Армию измученной и уставшей, но также бесспорных победителей на поле битвы.

Несмотря на то, что она чуть не столкнулась со смертью, Аканай не обрадовалась такому повороту событий. Проклятая Гунсунь Ци исчезла вместе с ее шансами завершить их небольшой спор до конца дня. Оскверненная армия также отступала в относительно плотном строю, а это означало, что преследовать их было глупым делом, в то время как больше погибло бы, если бы они остались и сражались до победного конца. Погибло бы и больше имперцев, но за победу пришлось заплатить цену, которую, если бы она не была заплачена в сегодняшней битве, пришлось бы заплатить в другой день.

Однако сегодняшняя работа еще не была сделана. Осталось еще немало отставших, сумасшедших Оскверненных, которые будут сражаться до конца, и их нужно было подавить, но было также много врагов, которые просто отключились и сдались. Чудесным образом не образовались ни демоны, ни пленные, поэтому солдаты Империи приступили к кровавой работе, очищая поле битвы от выживших врагов и празднуя свою победу, не слишком заботясь о том, почему и как. Что касается самой Аканай, она была уверена в обоих, но она зафиксировала выражение своего лица и притворилась растерянной, прежде чем присоединиться к высшим эшелонам командования и величайшим Воинам Империи, уставившись в грозное небо. Хотя он больше всего знаком с Хунцзи, человек его ранга не был бы причастен к делам Божеств, равно как и ее второй по фамилии генерал-полковник, молодой Ryo Dae Jung. С сердцем и духом Мицуэ Дзюичи, разбитыми на куски, Шуай Цзяо казалась ей лучшим выбором, но скромный аскетический Воин был самым хитрым из группы Централ, проникательным и проникательным человеком, который читал людей так же, как другие читали книги. Очень необходимый навык для тех, кто стремится оставаться нейтральным в запутанной центральной политике, но Аканай боялся, что он почувствует что-то не так, если она обратится к нему за разъяснениями.

Ибо любой дурак с глазами мог видеть, что эта буря, бушующая над головой, не была естественным явлением, а была вызвана могущественной Божественностью.

Проклинаемая предполагаемого виновника в глубине души, Аканай изо всех сил старалась не думать об этом, чтобы выражение ее лица не выдало ее. Все дворяне Централа были закоренелыми лжецами, а у нее самой была причина солгать милой Миле, например, когда она утверждала, что в доме нет конфет или что у плохих детей, которые не ложатся спать вовремя, зуд. Если ее спросить о дожде, Аканай боялась, что выдаст себя и сообщит всем, что подозревала, что знает виновного, но пока ее подозрения оставались такими, а она на самом деле не знала, она могла поклясться клятвой Небесам. говоря так много, и это был бы конец.

Зачем же приходиться сюда и вызывать бурю? Это была бы тяжелая битва, но Аканай был полностью уверен в победе, в отличие от той острой дилеммы у Северной стены, когда прорвался Враг, или всего беспорядка дуэлей против Общества. Более того, оба раза было всего несколько Пиковых Экспертов, достаточно осведомленных, чтобы знать, что что-то не так, и никаких посторонних Божеств, о которых можно было бы говорить. В то время как другие могли что-то заподозрить, услышав эти истории, доказательства не было, но здесь было слишком много свидетелей и слишком много пытливых умов, чтобы

отрицать причастность могущественного Божества. Теперь кто-то в конце концов соединил все инциденты и начал искать среди людей виновника,

Каким бы досадным ни было все это, ей было трудно сосредоточиться на текущем вопросе, поскольку ливень пропитал ее до костей, ледящее, но освежающее очищение после долгой и трудной битвы. Капли дождя охладили ее пылающую ярость и смыли ее усталое истощение, оставив ее с новой силой и угасающим желанием вести своих Стражей, чтобы преследовать убегающих Оскверненных и убивать их до последнего. Ужасная идея, чтобы быть уверенным, поскольку силы Врага все еще были достаточно большими, чтобы полностью поглотить ее Стражей, не говоря уже о том, как ее квины и всадники были полностью потрачены после долгого дня битвы.

По крайней мере, она так думала. Канкин, в частности, казался нетерпеливым и настороженным, топая ногами в яростном возбуждении, как щенок квин, словно желая подтолкнуть ее к охоте, и, проверив своих людей, она обнаружила, что многие из них находятся в аналогичных затруднениях. Этот эффект не был неожиданным, поскольку она знала, на что способен дождь, но она была удивлена огромным размахом этой работы, поскольку она затронула очень многих ее Стражей и квин. Нет, не только они, но и все мужчины, женщины и звери в Имперской Армии! Невозможно. Отбросив представление о том, что она знала виновного, она снова обратила свой взор на Небеса вверху, и на этот раз ее удивление и недоумение были искренними и сердечными, когда она сложила ладони в благодарственной молитве.

Потому что просто Божество не могло так быстро овладеть такой силой. Этот дождь должен был быть работой Высшей Матери, и Аканай была благодарна за Ее освященную помощь.

Равновесие пришло легко, когда Энергия Небес текла через ее Ядро, принося с собой безмолвное чувство надежды и благодарности, сопровождаемое незнакомой меланхолической теплотой. Как бы то ни было нежное прощание, каким бы нежным и сердечным оно ни было, его отсутствие уменьшило ее, когда чувство утихло. Единственная слеза скатилась по ее щеке, скрытая проливным дождем, но она знала, что сегодня что-то потеряла, что-то лелеемое и любимое. Прыгнув на Канкин, она проехала сквозь ликующие, прославляющие солдат к тому месту, где последней заметила карету Рейна, и там она нашла свою любимую дочь со многими другими, собравшимися вокруг повозки с домашними животными. Приветствуя ее противоречивой улыбкой, когда она спешила с Канкина, Мила одной рукой обняла Аканая за талию, так как другая обмякла и сломалась. Ничего не говоря,

Мрачная сцена посреди поля празднования, от которой у Аканая скрутило живот. "Что здесь случилось?"

Когда Сарнаи наполнил Аканай, она изучала выражение лица мальчика, в котором не было ни умиротворения, ни боли, а просто ...

расслабленности. Другого способа описать это было невозможно, потому что не было ничего, что можно было бы увидеть, и если бы не медленный, но неуклонный подъем и опускание его груди, его можно было бы принять за мертвого, хотя он не получил заметных повреждений. «Мы не спешили рассказывать тебе, чтобы не отвлекать внимание в битве», - заключила Сарнай, но, судя по тому, как она не могла встретиться взглядом с Аканай, она знала, что маленькая Роза просто забыла.

Вряд ли неожиданно, учитывая тяжелое состояние ее сына. Обняв свободной рукой Сарнай и Альсансет, Аканай крепко обняла их и сказала: «Маленький Рейн будет в порядке. Он всегда такой. Не нужно волноваться». В ее тоне не было уверенности, но слова нужно было сказать, даже если она не могла заставить себя поверить им. «С ним все будет в порядке», - повторила она, на этот раз с большей убежденностью, потому что она действительно верила в это сейчас, несмотря на тоскливое, дурное впечатление, что он никогда не проснется. «Пусть он спит и исцелится от всего, что его так ранило. Он проснется вовремя, и мы будем здесь, чтобы поприветствовать его».

Остальные улыбнулись, показывая, что они тоже не верят, но вера Аканая не поколебалась. Глядя на Божественную Черепаху, положившую подбородок на его грудь, было ясно, что она тоже не поверила Аканая. Не обращая внимания на бодрящий дождь, взгляд Пинг Пин был сосредоточен на маленькой Рейн, исключая все остальное, пока она тихо оплакивала его уход. Все животные делали это, якобы ощущая то, что люди и полулюди не могли, их тревожное поведение и жалкие выражения лиц душераздирающими. Кроме того, что они прижимались к нему, ни одно из животных не беспокоило Рейна ни в малейшей степени, не ткнуло его лапой или мордой, как они обычно делали. Вместо этого они просто сидели рядом с ним и горевали по-своему. Дикие кошки прижались друг к другу для поддержки и уставились на выражение лица Рейна. а медведи прятались под лапами и то и дело выглядывали наружу. Кролики необычно неподвижно сидели, положив подбородки и лапы на Дождь, в то время как Смеющиеся Птицы садились и расхаживали по бокам фургона. Квины Эрдене, Кото, Гакай и Забу нервно ухаживали за собой, но присутствие Канкина немного укрепило их нервы и развеяло их заботы. Даже принцесса выглядела обеспокоенной, сидя на задних конечностях, подбоченясь на сгибе руки Рейна, подняв голову и наблюдая за ним не с осторожной осторожностью, а с неопределенным беспокойством. но присутствие Канкина немного укрепило их нервы и развеяло их заботы. Даже принцесса выглядела обеспокоенной, сидя на задних конечностях, подбоченясь на сгибе руки Рейна, подняв голову и наблюдая за ним не с осторожной осторожностью, а с неопределенным беспокойством. но присутствие Канкина немного укрепило их нервы и развеяло их заботы. Даже принцесса выглядела обеспокоенной, сидя на задних конечностях, подбоченясь на сгибе руки Рейна, подняв голову и наблюдая за ним не с осторожной осторожностью, а с неопределенным беспокойством.

И все это время Энергия Небес кружилась вокруг них, не только животных, но также Аканай, Сарнай, Альсансет, Мила, Сонг, Ян и даже Мэй Линь. В безмолвной тишине прошли долгие минуты, но мир вокруг них продолжал идти. Шторм не утихал, а движение Небесной Энергии усиливалось, и воины вокруг экипажа демонстрировали свою Чистоту, возможно, в честь своей с трудом заработанной победы. Не совсем необоснованно, но беспокойство было нежелательным, так как судьба Рейна все еще была неопределенной, но когда Аканай подняла глаза,

чтобы бросить тихий предупреждающий взгляд, то, что она увидела, оставило ее шокированной и лишенной дара речи.

Потому что воины, демонстрирующие свою чистоту, вовсе не были воинами или не были ими несколько часов назад. Перед экипажем, насколько мог видеть глаз, расставлялись иррегулярные войска, приветствующие и празднующие, как и ожидалось, только среди них были десятки талантов капитанского уровня, одетые в те же синие гербовые накидки, как и у нерегулярных войск, и сотни, если не тысячи менее крупных таланты бессознательно направляют Ци. Как это было возможно? Их ряды были заполнены самыми низкими из простолюдинов, но где-то по пути этим вспомогательным войскам, вооруженным арбалетом, удалось сформировать свои Ядра и действительно стать Боевыми Воинами. Один или два не были бы такими удивительными, но для многих сразу?

И снова глаза Аканая обратились к Небесам, поскольку это было вне всякого сомнения доказательством того, что Мать Вверху была вовлечена, полностью оправдывая Народ и их союзников. Возможно, было лучшее объяснение, чем Божественное вмешательство. Может быть, их первый вкус битвы помог вдохновить их сделать первый шаг по Боевому пути. Или было возможно, что комбинация Демонической Ауры, погружающей этих Неуравновешенных в пучину отчаяния, сопровождаемой вдохновляющей Аурой сладкой Песни, снова поднимающей их, зажгла их решимость и убежденность, тем самым помогая им впервые обрести Баланс. Это также могло быть любое количество других возможностей, которые Аканай не смог придумать, но одно было точно: сотни, если не тысячи новых Боевых Воинов родились сегодня на этом поле битвы, и они должны были поблагодарить Falling Rain за то, что впервые привели их сюда. Независимо от «как», это было чудо Небес, в центре которого, несомненно, находился мальчик. Он просыпался, потому что все это были частью его испытаний и невзгод, и какими бы трудными они ни были, мальчик в конце концов их преодолет.

Потому что он был Падающим Дождем, человеком, который не знал, что такое капитуляция.

Глава 653

Центральная цитадель ожила празднованием, когда победоносная армия устремилась к западным воротам, но сердце Луо-Луо не было в этом.

Народ Империи радовался, потому что знал только, что великая победа была одержана на полях Централа, но Луо-Луо знал все обескураживающие подробности, которые скрывались от общественности. Почти все солдаты, служившие на западной границе, были отправлены для обеспечения безопасности второй линии, и по крайней мере одна десятая из них не вернулась. Треть оставшихся были ранены настолько, что им потребовался отпуск по болезни, и окончательные цифры еще не были подсчитаны, поэтому они могли только подняться отсюда. За один день погибло столько жизней, что Империя будет оплакивать их неделями, пока новости доходят до их семей и

близких. Действительно, была одержана великая победа, но она далась дорогой ценой.

Несмотря на внутреннее смятение, она не показала этого, стоя на сцене, чтобы поприветствовать возвращающихся героев. Генерал-полковник Мицуэ Дзюичи и Шуай Цзяо вошли первыми, окружив титулованную звезду часа, бригадного генерала Чэнь Хунцзи. Вскоре он станет генерал-майором Чен Хунцзи, судя по отчетам и по тому, как дружелюбный генерал-полковник Шуай Цзяо вел себя, без сомнения, стремясь взять восходящую звезду под свое крыло. Когда Ре Дэ Чжон возглавил атаку, чтобы вернуть Замок Цзянху, первый пытался украсть марш, но Ло-Ло был уверен, что верность доброго бригадира будет прежде всего твердо связана с лордом Мужем, который, несомненно, щедро вознаградит его за его лояльность.

Незначительная политическая борьба по большому счету, поскольку, хотя звезда Чэнь Хунцзи была на подъеме, его политическая мощь и влияние еще не догнали, и не будет, пока он продолжал служить на передовой. Любовь к массам была заметным преимуществом для любого, но они были непостоянной группой с воспоминаниями, измеряемыми неделями, если не днями. Хуже того, власть имущие могли легко игнорировать общественное мнение, пока у них было достаточно силы, потому что Империя была миром, в котором сила имеет право, независимо от того, что лорд Муж мог утверждать иначе. Таким образом, когда церемониальная встреча проводила возвращающуюся делегацию на сцену, внимание Луо-Луо было в основном сосредоточено на наиболее проблемном из них - старейшем генерал-полковнике Империи Мицуэ Дзюичи.

Ло-Ло всегда считала странным, что человека, который так любит белую пудру, назовут «Обсидиановой тенью», но сегодня она узнала, что насмешливые титулы не предназначены только для свекрови Аканай. Лишенная макияжа и аксессуаров, Мицуэ Дзюичи, похоже, постарела на три десятилетия с тех пор, как в последний раз увидела его, хотя отчасти это было из-за его расслабленного лица и сутулой осанки. Он плохо ездил для военного, лишь ненамного лучше, чем тесть Баатар, который только недавно начал учиться, и его хладнокровная реакция на теплый прием не пошла ему на пользу, заставляя его казаться до крайности сварливым и сварливым. Однако определяющим фактором его поразительной внешности была темная пятнистая родинка, которая закрывала добрую треть его лица, которая обычно оставалась незамеченной под его косметикой.

Действительно, Обсидиановая тень.

Как жестоко и ненавистно со стороны людей Централа унижать своих величайших воинов только на основании внешнего вида, но Ло-Ло понимал причину логики. Боевые воины пользовались высочайшим уважением не только за счет силы, но и за счет внешнего вида. Для обычных мужчин и женщин Боевые Воины были своего рода полубогами. Хотя их рост и телосложение могли различаться, красота была определяющей чертой Боевых Воинов, по крайней мере, по сравнению с чем-либо меньшим, чем смертный образец красивой внешности, тогда как уродство было чертой Оскверненных. Мать пометила тех, у

кого злые намерения, чтобы все могли увидеть их истинное злодейское «я», по крайней мере, так считалось, что заставило Луо-Луо задуматься, сколько предрассудков и дискриминации пришлось преодолеть Мицуэ Дзюичи, чтобы достичь высоких высот на сегодня. Хотя в возрасте и усталости, он по-прежнему был красивым джентльменом постарше, но видя, на что он пошел, чтобы скрыть свой недостаток, показал всю глубину его презрения к себе. Это от человека, который начинал почти с нуля, сына каменщика, который потерял всю свою семью в ужасном пожаре и впоследствии стал одним из самых могущественных и влиятельных воинов внешних провинций, и все же он чувствовал нужно скрыть свое лицо от мира.

Если бы обстоятельства не сложились против них, Ло-Луо искренне верил, что Лорд Муж и Мицуэ Дзюичи поладили бы, как две капли воды в стручке, но, увы, судьба не была благосклонна к Живой легенде.

Несмотря на все ее усилия по подавлению слухов, слухи о бегстве Мицуэ Хидео распространились по всей Цитадели, как лесной пожар, и, вероятно, в настоящее время в стенах не было ни одного человека, который не слышал бы эту новость. Некоторые отреагировали с сочувствием, а другие - с гневом и презрением, но для Ло-Ло это стало самым тяжелым испытанием, с которым она не могла справиться. Имперский закон предписал Мицуэ Хидэо открыто объявить оскверненным, преступлением за которое было девять семейных искоренений. Если бы это был кто-нибудь другой, она бы без колебаний сделала это, но довести это до конца означало казнить всех до единого из двоюродных братьев, дядей и теток Хидео, оставив при этом Мицуэ Дзюичи нетронутой. Дедушка не находился в девяти степенях отношений, но было бы легче, если бы он также разделял их наказание,

Чтобы еще больше усложнить ситуацию, во время своего короткого путешествия в Замок Цзян Ху лорд Муж создал неприятный прецедент для реабилитации оскверненных предателей. Публично оправдав Йомена Хуна, обычного воина без славы и силы, за измену, лорд Муж проявил исключительную милосердие к человеку, который признался в том, что не только убивал и истязал имперских солдат в военное время, но и поднял оружие от имени Врага. . Ни у кого не было сомнений в том, что Йомен Хун поддался гнусной лжи Отца, и хотя обстоятельства были чрезвычайными, чтобы быть уверенным, проявить милосердие к Врагу было то же самое, что быть жестоким по отношению к Империи. Единственным положительным моментом всего этого было то, что лорд Муж приказал казнить Йомена Хуна за другие преступления на месте, что означает, что его милосердие распространялось только на еще живых родственников предателя.

Что не должно быть слишком сложным, поскольку лорд-муж прямо настоял на том, чтобы вдова Йомен Хуна получила все свои блага, значительную сумму денег, которая сослужит хорошую службу ей и ее семье.

К сожалению, это еще больше усложнило дилемму Луо-Ло, и она не знала, что делать. Видя, как Мицуэ Хидео избежал захвата, она не смогла казнить его сразу, но также не смогла освободить его от измены, так как он еще не раскаялся в

своих преступлениях. Как бы это выглядело, если бы она помиловала известного предателя, который все еще сражался на стороне Врага и убивал имперских солдат, все потому, что его наставником и дедушкой был знаменитый Мицуэ Дзюичи? Осуждение его невидимым также было недопустимым вариантом, поскольку было бы столь же глупо выполнять девять семейных казней без виновника, обрушившего на них это бедствие. Спорный жест, который был бы вдвойне глупым, учитывая то, что Мицуэ Дзюичи заботится о своих детях и родственниках, и втрое больше, если принять во внимание военный вклад семьи Мицуэ. Хотя основной семье не хватало замечательных талантов, дочери Дзюичи вышли замуж за хороших, сильных мужей, а его внуки помогли ему установить еще больше связей с внешним миром. По последним подсчетам, под знаменем Семьи Мицуэ служило не менее тридцати тысяч солдат, и более чем вдвое больше, чем в союзных войсках.

Все они вполне могли предпочесть верность знаменитой Живой легенде верности далекому Императору.

Это была одна вещь, о которой Ло-Ло постоянно забывает, что эти граждане внешних провинций никогда не видели Императора лично или вообще какого-либо Императора. Они никогда не чувствовали Его величественного присутствия на сцене и не знали, что смотрят на Самого Сына Неба. Вместо этого они на словах говорили о человеке, которого никогда не встречали, и с радостью взбунтовались бы, если бы дали половину причины, потому что здесь Император был просто далеким номинальным главой, а не человеком, назначенным Небесами, чтобы вести их.

Хотя девяносто тысяч теоретических войск Мицуэ Дзюичи были лишь каплей в море, если принять во внимание всю Империю, они все же составляли значительную силу, которую нельзя было игнорировать сразу. Не то чтобы она ожидала, что он восстанет, если его не подтолкнут, или что все его союзники и солдаты встанут на его сторону, если он должен, но отчаявшиеся люди делали и более безумные вещи. Империя вряд ли могла позволить себе восстание в этот критический момент, каким бы незначительным или неэффективным оно ни было. Это может показаться чрезмерной реакцией - так сильно беспокоиться об одном человеке, но большинство мужчин не могли разрушить целые укрепленные здания одним ударом, что сделало для Дзюичи еще более вероятным наброситься и погрузить Империю в хаос, если она выбрать надо плохо.

Ло-Ло надеялась избежать такого плачевного исхода, но если бы она знала, как ...

Оставив на время свои горести, она присоединилась к Военному совету лорда Мужа, приветствуя возвращающуюся делегацию. Никогда не позволяя своей улыбке ускользнуть, она тайно изучала реакцию толпы, в то время как бригадный генерал Яри Хагейн произносил внеплановую, произвольную, многословную и откровенно скучную речь, которую никто не хотел слушать, даже получатели его цветочной похвалы. Среди громовых аплодисментов, оглушительных возгласов и нескончаемой струйки разноцветных бумажных конфетти, порхающих в воздухе, Ло-Луо заметил более одного смущенного выражения лица или блуждающего взгляда, несомненно принадлежащего человеку, недоумевающему, почему их

любимый легат не был возглавляет делегацию или хотя бы ее часть. В этом и заключалась суть ее несчастий, поскольку лорд Муж был ранен в хаосе битвы и еще не пришел в сознание.

Ло-Ло явно не хватало доказательств, но она знала, что так и должно быть. Лорд Муж был человеком, благословленным Высшей Матерью, гениальным человеком, способным творить чудеса.

Прав ли она или нет, только время покажет, но Ло-Ло верила, что лорд Муж полностью выздоровеет. Проблема заключалась в том, что его продолжительный сон наступил в самое неподходящее время, когда его направляющая рука была остро необходима для направления усилий Империи. Даже три генерал-полковника Центральной не могли уладить свои разногласия и гармонично взяться за руки, так как же можно ожидать, что три провинции сделают то же самое? Без лорда Мужа, стоящего над ними, региональные маршалы и генерал-полковники пойдут своим путем. Сегодня была одержана грандиозная победа, и генерал-полковники Центральной не теряли времени зря, играя в политику, с Шуай Цзяо и Ре Дэ Чжун, сражающимися за клочки славы, которые еще не были запрошены.

Теоретически сама Ло-Ло могла положить конец их склокам и, возможно, даже сохранить контроль над внешними провинциями в целом. Перед отъездом в замок Цзян Ху и впадением в бессознательное состояние лорд Муж подарил ей свой личный знак должности, который отражал его слово во всех официальных документах и фактически сделал ее министром финансов и легатом внешних провинций во всем, кроме имени. Проблема заключалась в том, что как женщина, так и Имперский Слуга, официальные лица Империи уже проявили нежелание прислушиваться к ее приказам и выполнили их только из-за угрозы того, что Лорд Муж может сделать по возвращении. Теперь, когда он потерял сознание и, что более важно, его видели потерявшим сознание на поле боя, его политические соперники заподозрили бы неладное, если бы она продолжала править внешними провинциями от его имени. Она не была ни королем, ни императором, ни даже королевой или императрицей, а просто наложницей легата, которой он слишком много потакал, во всяком случае, так думали лидеры внешних провинций.

Хуже всего? Даже если они уважали ее авторитет и прислушивались к ее приказам, Ло-Ло не была уверена, способна ли она вести внешние провинции через эти тяжелые времена без помощи лорда Мужа. Его Военный совет уже убеждал ее не принимать решений, а дать им неограниченную власть делать то, что им заблагорассудится. Через несколько минут после того, как пришло известие о победе лорда Мужа, генерал-майор Хан Бохай, генерал-майор Интхавонг и многословный бригадный генерал Яри Хагане подстерегали ее в ее офисе, чтобы обсудить свои собственные планы. После того, как армия тестя Баатара завершила зачистку Оскверненных сил в замке Юксия, генерал-полковник Ниан Зу хотел отогнать оставшихся Оскверненных обратно в Западную провинцию, что было опасным, учитывая, что так много Оскверненных сил все еще находятся на поле боя. Юг требовал помощи, чтобы отбиться от Оскверненной армии, осадившей замок Вулин, армии, возглавляемой Матарамом Ючуном из Десяти тысяч копий. Еще одно неправильное название, учитывая, что, по сообщениям, его подкрепляющая армия насчитывала в общей сложности более двухсот пятидесяти тысяч оскверненных солдат, сила, которая превосходила

численностью южную подкрепляющую армию, которая была отправлена на помощь лорду Мужу. Бои в замке Улинь все еще продолжались, и, хотя она была более чем счастлива разрешить помощь, у нее не было лишних солдат. Все три цитадели были лишены солдат, чтобы добиться этой победы, и хотя Север и Центр вышли победителями, их солдаты либо слишком устали, либо слишком плохо расположены, чтобы укрепить замок Вулин на юге. Генерал-полковник Рё Дэ Чжун был занят возвращением замка Цзян Ху и армейская собака бригадира Хунцзи, уставшая от долгого дня маршей и сражений, единственной доступной силой была мобильная армия тестя. Однако, даже если они выберут самый прямой маршрут по второй линии, потребуется полтора дня тяжелой езды, чтобы добраться до замка Улинь, и генерал-майор Хан Бохай справедливо указал, что этот маршрут может быть перехвачен Гунсунем. Отступающие силы Ци.

Это были не все безрадостные новости, поскольку первоначальные планы лорда Мужа означали, что у Южной Цитадели все еще есть еще одна значительная армия в поле боя, возглавляемая генерал-полковником Тран Хоангом, Южным Убийцей тигров. Его армия выступила сегодня рано утром и должна была прибыть в замок Улинь через пятнадцать часов, и вдвое меньше, если они побегут. Однако, если бы силы Ючуна захватили замок до их прибытия, то у Юга не было бы солдат, готовых защищать свою Цитадель, и усталую армию в поле без стен для защиты. Все это было похоже на катастрофу, но что ей было делать? До сих пор она путалась в командовании, следуя указаниям лорда-мужа, но, несмотря на то, что он строил планы на случай любых бедствий, он никогда не планировал, что делать в случае победы.

Она была ужасно не в себе, и она знала это, но она не могла обратиться за помощью к кому бы то ни было. Свекровь Аканай была бы лучшим кандидатом, учитывая, что она была прославленным воином и заметным командиром, но она также была такой же хитрой, как кувалда, спрятанная в рукаве. Было бы неправильно видеть, как она советуется с генерал-лейтенантом, а затем оборачивается и говорит группе генерал-полковников, что делать, но какой другой выбор у нее был?

Удивительно, но не генерал-полковник остановил болтовню бригадного генерала Яри Хагейна, а сам бригадный генерал Хунцзи, вскочивший, когда тот тяжело дышал, чтобы предположить, что его войска (и, соответственно, он сам) могут устать после длинный дневной переход, и буду признателен, если они пройдут через ворота до полуночи. Технически ворота должны были быть закрыты после наступления темноты, но Цитадель не спала и хорошо освещалась, несмотря на поздний час, поскольку и граждане, и солдаты ждали, чтобы приветствовать своих победоносных героев. Их мотивы не были полностью бескорыстными, поскольку многим из них пришлось бы остаться в любом случае, поскольку возвращающимся войскам потребуются их услуги. Пришлось готовить еду, стирать одежду, подавать алкоголь и продавать мясо - все это обычные дела, которыми мог заниматься измученный в боях солдат. Все это в последнее время заметно выросло в цене, так как недобросовестные торговцы воспользовались налогом на роскошь лорда Мужа, чтобы переложить расходы на своих клиентов наряду со значительным увеличением прибыли. Несомненно, у него была идея, как противостоять этому, но сама Луо-Ло не знала, как действовать здесь, тем более, что торговцы были более чем счастливы рассказать любому, у кого есть уши, как возросшие затраты были для Легата. ошибаться и размышлять о том, сколько денег ему приносили налоги.

Как Ло-Ло сказала ранее, любовь масс легко потерять, и она могла видеть, как многие недовольные солдаты пересматривают свое мнение о лорде Муже в ближайшие часы.

Чувствуя себя некомпетентным и беспомощным, Ло-Луо продолжал улыбаться и приветствовать солдат, пока они неслись через ярко освещенные ворота, с множеством бумажных фонарей, чтобы проложить себе путь по извилистым улицам Центральной Цитадели. Лорд Муж не раз разделял свое мнение о планировке города, и достаточно сказать, что оно не было комплиментарным. По его мнению, внешние стены были в основном для галочки, с истинным оборонительным акцентом на сердце самой Цитадели. Лорд Муж был возмущен мыслительным процессом, который вошел в разработку Цитадели, в которой использовалась неэффективная конструкция, чтобы задержать и отвлечь Оскверненных захватчиков на достаточно долгое время, чтобы Центральная армия собрала всех своих солдат в укрепленный центр, оставив миллионы солдат. рабочие граждане беззащитны, если Оскверненные когда-нибудь пробьют внешние стены. Хотя она не присутствовала на встрече, когда он поднял этот вопрос, это привело к удалению предшественника бригадного генерала Яри Хагейна, предположительно потому, что у этого человека хватило наглости пожать плечами и спросить: «К чему вся эта возня из-за мертвых простолюдинов? Их место всегда найдется».

К большому огорчению лорда Мужа, это не редкость для боевой элиты. Он был хорошим человеком с благородными идеалами, хотя и нереальными, но Ло-Ло сделала все возможное, чтобы помочь ему достичь его целей.

Что в последнее время оказалось немного.

Ее улыбка соскользнула, когда воцарилась резкая, но язвительная правда, но только на мгновение. Были еще солдаты, которых нужно было приветствовать, и наложнице и заместителю легата не следует видеть хмурый взгляд на этих победоносных героев. К счастью, Военный совет лорда-мужа прекратил преследовать ее и вместо этого обратил свое внимание на генерал-полковника Шуай Цзяо и, возможно, свекровь Аканай. Хотя она приветствовала тихую отсрочку с благодарным облегчением, явное пренебрежение к ее авторитету сулило плохие предзнаменования на будущее. Ей нужно было что-то сделать, чтобы держать внешние провинции в подчинении, но если не полагаться на помощь родственников или продавать с аукциона услуги генерал-полковникам в обмен на поддержку, у нее было мало вариантов.

Примерно через час после начала победного марша Лю Сюаньдэ подошел к ней. Императорский отпрыск не выглядел изношенным, несмотря на тяжелую битву, и на самом деле выглядел так же опрятно и аккуратно, как всегда, его шелковая борода, ухоженная до совершенства, и дорожная одежда, почти не тронутая пылью. «Императорский консорт», - начал он, салютуя ей и поклонившись так уважительно, что она подозревала, что он знал, как высоко

ценили ее, вернувшись домой, в Восточную провинцию. «Этот просит аудиторию, чтобы мы могли ударить, пока железо еще горячее. С вашего разрешения?»

По крайней мере, у него были манеры спросить, прежде чем устанавливать звуковой барьер, и чудо из чудес, он действительно ждал разрешения. Тихо сигнализируя Гунан, казалось бы, случайным трепетом пальцев, она кивнула Лю Сюаньдэ и спросила: «В чем проблема?»

С тех пор, как Муян показал себя против Исповедника, он удалил себя в качестве ее помощника и вместо этого поставил рядом с ней Гунана, человека, чья пылкая преданность лорду-мужу уступала только самому Му Яну. Несмотря на то, что Лю Сюаньдэ отлично играла роль писца и помощника канцелярии, маскировка Гунана не обманула ее, и она тонко указала, что должна вовлечь его в их разговор. Оказавшись внутри Звукового барьера, Сюаньдэ начал: «Этот умоляет вас, Имперский консьорт, отдать приказ о полном отступлении от вторых линий, используя власть Легата.

Несмотря на все свои тренировки, она не могла скрыть своего шока. "Какая? Почему?"

«Это крайне важно». По-прежнему склонив голову, он подошел ближе к Гунану, чтобы шепнуть мужчине на ухо, не опасаясь, что его губы будут прочитаны, в то время как ее верный помощник впоследствии отправил все, что он сказал, Ло-Ло.

«Он говорит, что мы не можем удерживать вторую строчку. Это вопрос логистики, поскольку у нас есть все необходимое для снабжения и переброски солдат на границе, но вторая линия не имеет таких преимуществ, поскольку защита там никогда не должна была быть постоянной». Хотя его тон указывал на то, что он не мог понять, что говорил Сюаньдэ, Гунан повторил объяснение человека слово в слово и число за числом, язык, который говорил многое для ушей Ло-Луо. С математической точки зрения, девять замков второй линии были слишком дорогими с точки зрения времени и людских ресурсов для защиты, особенно теперь, когда порт Суйхуа загорелся. Более того, уход с первой линии обороны показал, что отступить с полной армией под давлением Оскверненных было слишком рискованно, не говоря уже о том, как возвращение замка Цзян Ху может стоить Империи всего, что она только что получила.

Слова Императорского Наследника имели смысл, но Ло-Ло опасался, что им обоим чего-то не хватает, потому что, если бы они смогли это понять, наверняка любой из пяти генерал-полковников мог сделать то же самое. «Вы говорили с генерал-лейтенантом Аканаем?» - спросила она, используя звание свекрови, чтобы вести дела профессионально. "Что она сказала?"

«Она утверждала, что не могла осознать опасность», - сказал Лю Сюаньдэ, снова говоря за себя, и она уловила намек угрюмого упрека в его тоне. «Еще она

пригрозила повесить этого за лодыжки и окунуть в бочку с водой, если он будет приставать к ней «бессмысленными »числами».

Сочувственно улыбнувшись мужчине, Ло-Ло изо всех сил старалась не вздохнуть. Бекаи были образованной группой, прекрасно умеющей читать, писать и основы арифметики, но продвинутые математические концепции были выше большинства из них. С другой стороны, то же самое можно было сказать и о большинстве дворян Империи, так что Бехай не были одиноки в этом вопросе. «Я поговорю с ней сам, и, если она согласится, мы сможем сообщить о наших проблемах остальной части Военного совета утром».

Лю Сюаньдэ еще не был готов сдаться. «Завтра будет на двенадцать часов позже. Силы легата отбросили армию Гунсунь Ци, и генерал-майор Баатар добился большого успеха в замке Юксия, а это значит, что это может быть лучшим шансом, который у нас есть, без необходимости отбиваться от Оскверненного на всем пути назад ».

«Что насчет замка Вулинь?»

«Пустые замки Чжун и Чжоу, чтобы укрепить их. Если мы сообщим сейчас, они придут в течение шести часов, задолго до подкрепления в Южной Цитадели, и их объединенных сил должно хватить, чтобы затупить копыта Ючуна и отправить его в бегство. Оттуда они могут вместе отступить, пока подкрепление успокаивается и ждет, давая им преимущество, если Ючунь решит преследовать и сражаться».

Уже были планы сжечь все девять замков дотла, и если дойдет до этого, то Ре Дэ Чжон мог бы даже поджечь замок Цзян Ху из-за стен, но ... это было слишком тяжелым решением для нее сделать самостоятельно. Извинившись, что ей нужно рано уйти на пенсию, она убежала со сцены, прежде чем осознала свою ошибку, которую в последнее время совершала слишком часто. Признание своей слабости Имперской Службой или Консортом - это нормально, но, как замещающий Легат Внешних Провинций, она должна была занять позицию силы. Хуже того, никто не настаивал на том, чтобы она осталась, и даже не сделал ничего больше, чем отмахнулся от ее опасений, как будто ее присутствие, временное присутствие легата даже не было необходимым.

Меньше недели прошло с тех пор, как лорд Муж отправился в замок Цзян Ху. Как ей удалось растратить так много его власти за такое короткое время?

Оставив Лю Сюаньдэ перебраться в карете, Ло-Ло поехал на милом Мафу обратно в их арендованное имение, где Лорд Муж уже отдыхал после того, как его принесли под прикрытием Сокрытия за несколько часов до возвращения армии. Его экипаж все еще стоял на равнине и под усиленной охраной, но только потому, что свекровь Сарнаи хотела крови и использовала экипаж как

приманку. Она все еще была там даже сейчас, чтобы лучше продать историю о том, что лорд Муж отдыхал в машине, но невестка Алсанцет, Мила, Ян, Ли-Ли и Линь-Лин все спали в поместье. К счастью, свекровь Аканай все еще не спала, но, к сожалению, Соря сообщила Ло-Луо, что стальная женщина не в поместье, а, скорее, уходит и собирается решить ту или иную проблему. Ло-Ло еще не знал многих военных вопросов,

К счастью, охранники ее Корпуса смерти знали о местонахождении свекрови Аканай, поэтому она высадила Нудл и последовала их примеру, пока они бежали вместе с твердой походкой милой Мафу. В мгновение ока Ло-Ло обнаружил грозную женщину в одном из бедных районов, она выкрикивала приказы ордам нерегулярных войск, стоявших в очереди и нетерпеливо ожидающих своей очереди поговорить с хишигами, делающими записи заранее. Увидев ее прибытие, прекрасные голубые глаза свекрови Аканай загорелись признательностью, это было самым явным проявлением эмоций, которые Луо-Ло когда-либо испытывал от ледяной женщины. «Хорошо, хорошо», - сказала она, телесно помогая Ло-Ло покинуть Мафу, прежде чем рассеянно похлопать куин и всадника по голове. «Мы будем очень благодарны за вашу помощь. Этим воинам потребуются новые заготовки, соответствующие их статусу, и я не знаю, где их найти.

Заготовки? Воины? Двойная проверка, чтобы убедиться, что ее глаза не обманывают ее, она увидела, что каждый последний человек в очереди был одет в ярко-синие накидки, которые помечали их как Неправильные. Многие из их нарядов были разорваны и запятнаны до неузнаваемости, но когда их собрали вместе, стало ясно, что все это были простолюдины, а не Воины, как заявила свекровь.

... Если только она тоже не была поражена чрезмерно щедрыми наклонностями лорда Мужа.

«Успокойся, девочка». Свекровь Аканай поджала губы в кривом веселье и сказала: «Нет нужды так крепко сжимать свои кошельки. Эти Воины будут сражаться под знаменем маленького Дождя, но Хишиги понесут за него бремя этих затрат. Это правильно, после того как я заставил его заплатить зарплату его первой свите. Я не верю, что он когда-либо простил мне это ». Увидев замешательство Ло-Луо, свекровь склонила голову и добавила: «Возможно, история для другого раза. Еще многое предстоит сделать, если мы хотим подписать и уладить всех этих Воинов до того, как стервятники набросятся на отставших.

«Эти ... воины?»

"Конечно." Переключившись на «Отправку», свекровь объяснила, что произошло после того, как над головой разразился шторм, и Ло-Ло была полна изумления перед чудесами Небес. «Я не могу утверждать, что понимаю это», - заключила свекровь, отворачиваясь и глядя вдаль, - «Но эти мужчины и женщины -

новоиспеченные воины, преданные мальчику, всем и каждому, так что я дурак, позволяющий другим получать прибыль вместо нас ". Вернувшись к разговору вслух, она добавила: «Итак, насчет квартиры?»»

«Военные казармы в самом сердце Цитадели пусты», - сказал Луо-Луо, давая сигнал Гунану начать процесс. «Не самые роскошные настройки, но лучше, чем здесь». Будучи простолудином, Нерегулярные солдаты были размещены там, где они могли поместиться, включая склады, конюшни и здания рядом с кучей мусора, где никто больше не заботился о сне.

«На данный момент это должно быть сделано», - сказала свекровь, и Ло-Ло не была уверена, представляла ли она облегчение в ее тоне, вероятно, потому, что установка этих новомодные воины в казармах. «По крайней мере, они будут рядом с тренировочными площадками, что является дополнительным преимуществом для такого расположения. Итак, есть ли причина, по которой вы пришли ко мне? "

«Да, свекровь, но...» Свекровь сразу поняла, что она поставила звуковой барьер, или, по крайней мере, Ло-Ло предположила, что она это сделала, поскольку она сделала паузу перед кивком. «Этот ищет совета свекрови в отношении опасений Лю Сюаньдэ относительно второй линии».

«Ммм». Свекровь Аканай сжала челюсть, и она внимательно изучала Луо-Лу. «Вы верите, что его аргументы заслуживают внимания?»»

Клянусь Небесами, эта женщина была устрашающей, ее небрежный взгляд обнажил Ло-Ло и оставил ее уязвимой и незащищенной. Что бы здесь сделал лорд-муж? О, как ей хотелось воспользоваться его руководством ...

~~~~~

Жужжание выводит меня из глухого оцепенения, и я нахожу сотовый телефон, стоящий на столе в кабине, весь освещенный предупреждениями и сообщениями. Странно. Я не помню, чтобы это делал. Взяв его, не задумываясь, я нахожу знакомое приложение для обмена текстовыми сообщениями с бело-зеленым пользовательским интерфейсом, открывающее раскрытие внутреннего страдания Луо-Луо. Глупая девчонка. Она более компетентна, чем кто-либо из моих знакомых, но все же она не может найти уверенности, чтобы поверить в себя. Я должен помочь ей не только потому, что она тоже заслуживает прощания, но и потому, что я никогда не смогу разорвать все связи с миром смертных, если я этого не сделаю, так как я сожалею, что так плохо с ней обращался.

Я чувствую, что она чувствует, читая ее тексты, доставленные мне в виде надежд и молитв. Она восхищается мной, но это не настоящая любовь, а просто увлечение. Она еще не знает любви достаточно хорошо, чтобы любить кого-то еще, и ей еще предстоит пройти путь, прежде чем она научится любить себя. Я восхищаюсь ею как человеком, и, несмотря на мои попытки игнорировать это, я более чем увлечен ею, потому что она блестящая, талантливая и компетентная женщина в совершенно непохожих на кого-либо из моих знакомых. Возможно, со временем это взаимное восхищение даже переросло в любовь ...

Да, верно. Это точно задумчивая мысль. Почему такой красивый и блестящий человек, как Луо-Луо, мог влюбиться в такой скраб, как я? Лапша выглядит действительно нездоровой, поэтому я должен послать Натальную Душу, чтобы что-то с этим сделать ...

При нажатии на экран телефона появляется клавиатура, и я набираю три простых слова, которые ей нужно услышать. Как только это будет сделано, я сомневаюсь и задаюсь вопросом, стоит ли мне еще что-нибудь сказать, но пока не могу подобрать слов. Выйдя из чата, я нахожу список других сообщений от разных людей и потоков, все они аккуратно отсортированы по порядку последнего полученного сообщения и постоянно пополняются новыми. Борясь с желанием возродить надежду и восстановить связь, я усыплюю телефон и кладу его обратно на стол. За секунды до того, как экран погаснет и снова погрузит меня в темноту, я избавляюсь от всех эмоций и изо всех сил пытаюсь обрести покой и спокойствие пустого небытия.

Достаточно скоро я пойму это и разорву все надежды, все сожаления, все желания и многое другое. Тогда и только тогда я наконец найду забвение, которого так отчаянно желаю.

~~~~~

Верь в себя.

«Да», - заявила Ло-Ло, прежде чем повторить свое слово с большей уверенностью. "Да. Время и силы, потраченные на усиление и пополнение запасов второй линии, можно было бы гораздо лучше потратить на ремонт гавани и сооружение дамбы, чтобы следующая военно-морская атака не была столь успешной ».

«Что ты скажешь людям Империи? Сегодня мы одержали великую победу, но отступление может дать сигнал, что даже этого было недостаточно, чтобы сдержать Оскверненный прилив ».

«Мы все время возвращаем это как нашу первоначальную цель, чтобы уменьшить давление на вторую линию, чтобы мы могли безопасно уйти». Чем больше об этом думал Ло-Ло, тем больше в этом смысла. «Стена была спроектирована с нуля, чтобы облегчить быструю доставку солдат и припасов, особенно с учетом того, что большая улица лорда Мужа находится в стадии строительства. Это оптимальное решение, и отказ от замков означает, что мы рискуем попасть в руки врага только замкам Цзянху и Улинь ».

Свекровь Аканай несколько минут молчала, прежде чем издать легкий вздох. «Я понимаю битву», - начала она, застигнув Ло-Луо врасплох своим, казалось бы, бессмысленным заявлением. «Я понимаю ход боя и отслеживаю добычу. Я понимаю линии снабжения и схемы разведки, подсчитывая затраты на оборудование и техническое обслуживание, но то, о чем вы и Лю Сюаньдэ говорите, - это экономия времени, этот учет процентного брака и потерь, эффективное количество часов, потраченных на дежурство, и его соотношение с уменьшением моральный дух ... Я не могу понять, как все это связано вместе, но я считаю, что если вы обеспокоены, то стоит действовать. Даже Сарнаи не до конца понимает, но она тоже разделяет мою веру в твои способности. Мальчик не зря выбрал тебя своим голосом, поэтому было бы глупо игнорировать твои предложения.

Облегчение нахлынуло на Ло-Ло, когда она сложила руки вместе и поклонилась. «Спасибо, свекровь».

«Ба». Хлопнув Ло-Луо по плечу, свекровь Аканай утрашающе улыбнулась и сказала: «За что благодарность между семьей? Заготовки улажены? » И снова Ло-Луо был застигнут врасплох, на этот раз из-за внезапного изменения темы. Передав свой запрос через стражу Корпуса смерти и получив подтверждение от Гунана, Ло-Ло кивнула в ответ на вопрос свекрови Аканай. «Хорошо, хорошо», - сказала она, мягко направляя Луо-Луо обратно на Мафу. «Тогда иди с тобой, девочка. Собери Военный совет мальчика и сообщи, если я понадобится. Мне еще многое предстоит сделать, прежде чем я смогу отдохнуть, и я становлюсь сварливым, когда мне слишком долго отказывают в постели ».

Уезжая, Луо-Ло все еще восхищалась тем, как легко свекровь Аканай была поколеблена, все потому, что она верила в способности Ло-Луо. Взглянув в сторону поместья, где отдыхал Лорд Муж, она поняла, что это было то же направление, в которое повернула свекровь Аканай, когда рассказывала о чуде, касающемся Незаконных. Тысячи обычных мужчин и женщин вышли на войну, и почти треть вернулась как Боевые воины. Конечно, еще больше не вернулось, но таков был путь битвы и кровопролития, и она даже не могла представить, как люди отреагируют, когда весть об этом чуде распространится.

Нерегулярные солдаты, простолюдины, которые сражались за своего Легата Падающий Дождь, были Благословлены и крещены падающим дождем и превращены в святых Воинов. Как бы то ни было, Ло-Ло использовала эту версию событий в своих интересах, и, если повезет, это могло бы дать ей все необходимое влияние, чтобы не дать внешним провинциям разлучиться из-за

распрей. Нет, она должна верить в себя и стремиться выше, стремиться руководить ими, как это сделал бы лорд Муж, и осуществлять свое видение. Она еще так много могла сделать, как в отношении войны, так и для улучшения экономического благосостояния Империи в целом и многого другого, так что пора было ей найти хорошее применение своим талантам.

Надеюсь, ей не придется долго продержаться в одиночестве, потому что, как только лорд Муж проснется, она искренне верила, что он сотворит еще одно чудо и, возможно, даже приведет Империю к победе над Оскверненными. Большие надежды, но заслуженные, потому что он был легатом Падающего дождя, ее лордом-мужем и человеком, который станет отцом ее будущих детей. Это было правдой, потому что она сделает это, независимо от стоимости или препятствий.

Глава 654

Южжэнь искренне верил, что без присутствия Врага, способного объединить его, Империя разорвется на части.

Три недели назад вся военная мощь Имперских вооруженных сил объединила усилия и отбросила Врага обратно в Западную провинцию. Весть об их громкой победе прокатилась по Империи, как лесной пожар, разнесенный кораблями, всадниками, торговцами и даже голубями в некоторых странных случаях. Хан БоШуй сыграл важную роль в распространении благой вести, наняв Вестников, чтобы те читали его сочинения в каждой деревне, поселке и городе, до которого они могли добраться. И дворяне, и простолюдины упивались улицами, пили и пили в хорошем настроении, воздавая честь героям, сделавшим возможной эту победу. Дворяне были разделены между поддерживающими своих генерал-полковников, но большинство простолюдинов объединились вокруг бригадного генерала Хунцзи, фермера, ставшего воином, чьи неустанные усилия на передовой сделали все это возможным. В том же духе

Жалко, что литературные способности Бошуи не были проданы. Хороший публицист на вес золота, даже такой крупный и крепкий мужчина, как он.

Это была величайшая победа Империи в живой истории, столь необходимая в тяжелые времена. Это не только положило конец всему наступлению Defiled, но и хорошие новости пришли сразу после потенциальной катастрофы. Менее чем за неделю до этого ошеломляющего достижения новости о войне были поистине ужасными, создавая мрачную картину гибели Империи перед угрозой Врага. Линии фронта покинуты, вторая линия подверглась сильной атаке, имперский легат Шэнь Чжэнь У атаковал и получил ранения, но его заменил молодой, неопытный и искалеченный Падающий дождь, все это и многое другое плохо предвещало окончательную судьбу Империи, но приливы и отливы изменились, и повествование изменилось в мгновение ока.

И так же быстро все снова перевернулось, не совсем с ног на голову, но, по крайней мере, на бок, с празднованием, которое длилось весь день, если так.

Все началось с приказа отойти от второй линии, приказа, отданного Офисом легата в ту же ночь, когда Имперские вооруженные силы одержали свою громкую победу, но приказ был придуман и скреплен простым Имперским Слугой. В то время Южен был одним из немногих избранных, кто был осведомлен о плохом здоровье Рейна, но это не имело значения, поскольку все в высшем эшелоне командования также знали. Чжэн Ло, благослови ее сердце, он получил его в голову, что после боя так трудно удержаться на второй линии, то теперь самое лучшее время, чтобы факел эти жесткие завоеванной стены и вывести обратно на границу правильной. Хуже всего было то, что Юйчжэнь не мог возражать против логики Чжэн Ло, потому что, в конце концов, девушка была права. Отступление от линии фронта было всего в нескольких сантиметрах от катастрофы, а силы врага пошатнулись по всем фронтам, **было** идеальное время, чтобы уйти. Где-то по пути все забыли тот простой факт, что первая и вторая линии никогда не предназначались для бесконечного хранения. Они были построены как временные временные меры, передовые позиции, чтобы продержаться, пока не будет построена настоящая стена, но со временем все стали зависеть от этого дополнительного буфера, пока Чжэн Ло не счел нужным грубо напомнить им, пока они все были в середине празднования .

Итак, народ Империи снова оказался на грани, оставшись с единственной линией защиты от бесконечных орд Оскверненных. Один во главе с известными воинами, принявшими мерзкую ложь Отца, не меньше, на которой никто не хотел останавливаться, потому что было слишком легко представить себя в аналогичном положении и сочувствовать западным «предателям». Несмотря на искреннее согласие с этим ходом, часть Южен все еще возмущалась, что Имперский Слуга заставил всех посмотреть правде в глаза, хотя это могло быть и неразумно. Если она сама так себя чувствовала, то было трудно обвинить простых людей в том, что они чувствовали то же самое, когда их счастливые празднования закончились на мрачной ноте, поскольку границы Империи снова сузились, а Враг приблизился еще больше.

Так началась нисходящая спираль объединенных имперских усилий, которая продолжается по сей день.

Оглядываясь назад, это вряд ли удивительно. Бумажный дракон или нет, Падающий Дождь был единственным, что удерживало провинции вместе, и теперь, когда он впал в очередную кому, Северу, Югу и Центру больше не было никого, кто мог бы напоминать им, чтобы они смотрели дальше своих личных выгод. Таким образом, они вернулись к старым образцам и разделили Стену на три части, которые каждая провинциальная власть рассматривала как свою собственную территорию. Имперская армия больше не закупала припасы напрямую через маршалов, а скорее маршалы торговались между собой, обмениваясь на все, что каждый считал необходимым. В этом случае Центральный пострадал больше всего, несмотря на попытки Южжэнь поддержать их, потому что когда дело дошло до дела, северные купцы были менее чем готовы подчиниться ее воле.

Что еще хуже, Имперский клан приостановил все коммуникации с внешними провинциями, хотя, по крайней мере, гвардейцы Корпуса смерти и королевские стражи оставались на побегушках своего коматозного легата. Не было новостей о Шэнь Чжэнь У или о ком-то, кто придет ему на смену, но, к счастью, это также означало, что никто не пришел арестовать или казнить кого-либо за смерть временного легата Ян Цзисина. Если бы Рейну потребовалось две секунды, чтобы все обдумать, прежде чем назначить Чжэн Ло своим временным преемником, тогда Юйчжэнь пел бы ему дифирамбы с этого момента и до скончания веков. Однако, будучи упрямым, идеалистическим идиотом, он назначил своего преемника, основываясь только на заслугах, а не принимая во внимание политический климат, что было ошибкой дурака, если таковая вообще была.

У генерал-полковников не потребовалось много времени, чтобы поссориться друг с другом, и вскоре после этого маршалы были вынуждены последовать их примеру, чтобы не потерять поддержку величайших военных умов Империи. Пожалуй, второй по величине, теперь, когда Рейн раскрыл еще один скрытый талант, получив высокие оценки в своей первой в истории великой военной кампании, которая предотвратила катастрофу благодаря тщательному планированию и почти всеведущей предусмотрительности. Жаль, что он вышел из строя сейчас, потому что Империя растрачивала эту ценную отсрочку на ссоры между собой. В Центре состояние семьи Мицуэ быстро уменьшалось, так как повсюду распространились слухи о предательстве Хидео, вина за которое многие шептали исключительно на плечах Джуичи. Они сказали бы, что независимо от того, что произошло на самом деле, потому что это служило целям слишком многих влиятельных людей, но престарелый генерал-полковник еще не отреагировал. Ходили слухи, что Мицуэ Дзюичи вернулся в свой семейный дом в ярмарочном Гуандуне, запертый в своей комнате для медитаций и не видел посетителей, даже своих сыновей и дочерей, но Ючжэнь не мог представить, кто еще может пойти навестить павшую Живую легенду в это время принуждения.

В его отсутствие непростой баланс сил сместился между тремя генерал-полковниками Централа, и Южен не завидовал тяжелому положению маршала Йо Чжунг-Хуна. Ре Дэ Чжон был полон решимости захватить как можно больше мощи Мицуэ Дзюичи для себя, в то время как Шуай Цзяо выступал против него просто ради самосохранения. Аскетичный Живая Легенда не заботился о политике и играх за власть, но теперь с энтузиазмом принимал участие, потому что теперь он видел будущее, в котором только его рука управляла клинками Централа, столь необходимая консолидация власти в эти трудные времена, по крайней мере, он так считал. Пока что дело еще не переросло в открытое кровопролитие, но ни один из генерал-полковников не хотел уступать место другому, и Южен опасался, что это скоро станет уродливым.

На юге у маршала Куен Хыонга были собственные проблемы, связанные с безвременной смертью его генерал-полковника. Убийца тигров Тран Хоанг был, пожалуй, наименее известным из своих сверстников, но, по словам Ниан Зу, ни один из генерал-полковников не был настолько выше других, что победа была гарантирована, однако Ючун из Десяти тысяч копий убил самого высокопоставленного южного офицера, не взяв травмировался перед тем, как отступить из замка Вулин. Несмотря на их предполагаемые антагонистические отношения, Тран Хоанг был чем-то вроде уважаемого врага маршала Куен Хыонга, который держал своих собак на привязи и в намордниках в эти тяжелые времена, но с мертвым генерал-полковником его собаки повернулись друг против друга. Различные южные фракции теперь соперничали за место, которое могло

быть подтверждено только Падающим дождем или самим южным маршалом. но ни один из них не получил одобрения. Большинство из них были не такими вежливыми или дальновидными, как Тран Хоанг, и ходили слухи, что некоторые предприимчивые южные фракции надеялись одновременно занять еще не освобожденную должность Южного маршала.

Хотя казалось мелочным думать об этом, Ючжэнь с облегчением узнала, что предполагаемая железная хватка Куен Хыонг над Южной провинцией была не такой твердой, как она когда-то считала, потому что это заставило ее почувствовать себя лучше из-за беспорядка, с которым ей самой пришлось столкнуться дома в Север.

Предоставьте Ситу Цзя Инь выбрать на этот раз свержение Патриарха клана, вместо того, чтобы позволить Ючжэнь восстановить гавань Суйхуа и заблокировать все маршруты на север, будь то пешие, корабельные или подводные. Эти проклятые подводные аппараты и их проклятый груз были новым источником разочарования, но это было ничто по сравнению с раздорами внутри Общества. Попытка Цзя Инь стать первым в истории матриархом клана Ситу разорвала ее клан надвое, две трети старейших последовали примеру Чи Гана и встали вместе с ней, а последняя треть отделилась с Ран Мином. Только военное положение удерживало их от глоток друг друга, но их конфликт разрушил давнее единство Общества. Для посторонних Общество Неба и Земли казалось монолитной организацией, которая держится вместе, невзирая на врага, но только потому, что каждой фракции была гарантирована собственная независимость. Когда клан Хань и секта Гармоничного Единства поддержали Цзя Инь, другие фракции увидели, как три величайших силы Общества работают вместе, чтобы свергнуть другого лидера фракции, и опасались худшего.

Если фракции смогут объединиться и свергнуть Патриарха клана Ситу, сколько времени пройдет, прежде чем они нацелятся на лидеров меньших фракций? Одной этой причины было достаточно, чтобы большинство меньших фракций поддержали Ран Мина, но было также много сторонников Общества, которые просто видели возможность для получения прибыли. В то время как Ран Мин и Цзя Инь конфликтовали, всегда была возможность, что сокровища вылетят на обочину, не говоря уже о возможности продать свою лояльность тому, кто больше заплатит.

Ни о чем из этого Южен не наплевал бы, если бы не тот факт, что борьба Общества нарушала ее пути снабжения. Путешествовал ли он по морю или по суше, все товары, идущие с Севера, должны были пройти через штаб Общества, прежде чем отправиться на юг в Центральный. В то время как более крупные силы соперничали между собой, никто не мешал менее скрупулезным сторонникам набивать карманы монетами и припасами, в которых отчаянно нуждалась Южэнь для восстановления проклятой гавани, а постоянная нехватка и потери начинали вызывать ее гнев. Обычно различные фракции поддерживали друг друга в основном честными, якобы потому, что Общество превыше всего, но в большей степени потому, что никто не хотел, чтобы кто-то другой получил больше, чем их справедливая доля. Теперь, когда все заняты заботой о себе, Было заключено немало тихих сделок в виде кланов, сект, школ и других разграбленных имперских припасов во имя улучшения общества. Что еще хуже, если бы Южен жестко обрушился на Общество за их должностные преступления,

они бы просто объединились, чтобы создать единый фронт против нее, а затем сразу же вернулись бы к своей борьбе, как только внешняя угроза будет устранена.

Подумать только, наступит время, когда она пожалеет о том, что отказалась от своего статуса приверженцы Общества ...

С другой стороны, все ее беды заставили ее искать помощи из других источников, которые помогли ей связаться с Консорциумом весны и осени. Она встречалась со многими из их представителей на различных мероприятиях с Рейном, и хотя все они были средними торговцами Централа, они также были обычными людьми и поэтому были обязаны только монетам и только монетам - благо, учитывая, что у Ючжэня было более чем достаточно, чтобы сэкономить. пока он не затеряется в чьих-то карманах по пути. Кратковременный и строгий Кванджонг был посланным небесами благословением свыше, предоставив ей метод и рабочую силу, необходимые для строительства грозной морской стены для защиты гавани Суйхуа, в то время как тупая и бестактная Цыси наступала всем на ноги, закладывая четыре крепких бетона. опоры за то время, которое раньше требовалось для постройки единой деревянной. Конечно, Истинным мозгом Консорциума Весны и Осени был блестящий, но неуклюжий гений Цао Куо, который не только помог придумать эти новомодные методы строительства, но также пересмотрел все логистические системы Консорциума и недавно сделал то же самое для Yuzhen. Было шокирующим, как много времени можно сэкономить, просто лучше организовав загрузку и хранение материалов, чтобы оптимизировать путь рабочих, и это была лишь одна из граней революционного подхода заикающегося молодого человека к логистике и хранению.

Позор Рейну за то, что он держал свой консорциум при себе. Позор.

Еще одна удача заключалась в том, что Враг еще не возобновил свои атаки. Не считая неудачной смерти Убийцы тигров Тран Хоанга, уход из второй линии прошел так хорошо, как и ожидалось. Замки были снесены, большинство солдат благополучно вернулось, и в течение трех недель Империя не видела ни шкуры, ни волос Оскверненных - столь необходимая отсрочка для отдыха и восстановления сил.

Итак, тридцать первое утро подряд Южен просыпалась, не видя новостей о вражеских армиях на горизонте, гражданской войне во внешних провинциях или о том, что имперские юстициарии арестовывают молодых людей Бехай, и она поблагодарила за нее Высшую Мать. продолжающиеся милости. Единственный способ, которым день мог начаться лучше, - это если бы ее любимый муж был рядом с ней, но солнце уже выглядывало из-за горизонта, а для Герела было слишком поздно начинать день. Ее великолепный мужчина-лев в последнее время стал беспокоиться, его мрачное настроение стало еще мрачнее, чем когда-либо прежде, поскольку он доводил себя до изнеможения каждый божий день. Накинув скромную рубашку на свое обнаженное тело, Южен неторопливо подошла к окну, чтобы выпить при виде своего мужа, усердно работающего, Демонстрируя формы во дворе поместья.

Вот он, его торс без рубашки, дымящийся в холодном утреннем воздухе и блестящий от пота, несся по двору с такой скоростью, точностью и силой, что она едва могла уследить за его Движениями. Проходить их последовательно было слишком просто и скучно для него, и вместо этого он использовал Движения, казалось бы, случайным образом, якобы в поисках новых и неизведанных комбинаций, которые можно было бы изучить и освоить. Тигр и Богомол, Волк и Иволга, Медведь и Змея - каждое движение так плавно переходило в следующее, что Ючжэнь задавалась вопросом, как она могла когда-либо подумать, что они несовместимы. Ему потребовалось меньше трех минут, чтобы пройти через все Формы, каждое движение, продемонстрированное и объясненное, после чего он остановился, вернулся в центр двора и начал заново.

Наблюдая за этим, она пыталась вести мысленный контрольный список его Движений в надежде учесть каждое последнее, но ее глаза были не в состоянии справиться с задачей. Прошло три минуты и семнадцать секунд, и он снова вернулся в исходное положение и начал заново. На этот раз она проверила шаблоны по сравнению с предыдущей итерацией и не обнаружила повторяющихся комбинаций за три минуты и девятнадцать секунд, которые потребовались ему для завершения. Еще дважды она наблюдала и все еще не могла уловить никаких повторов, при этом запоминая его уникальные распорядки для дальнейшего изучения. Хотя большую часть своего времени она тратила на гражданские, коммерческие и политические вопросы, она все еще оставалась Боевым Воином, хотя и едва достойным своего прежнего звания майора, и у нее было намерение продвигаться по Боевому Пути. Позже, возможно,

Это было частью того, что значило быть Peak Expert - делать больше, чем просто демонстрировать формы, но делать их своими собственными. Что бы это ни значило. Южен была далека от достижения этого уровня, поэтому она больше сосредоточилась на понятной ей метрике. Три минуты двадцать секунд. Это было примерно время, которое потребовалось Герелу, чтобы пройти одну итерацию Форм. Напротив, ей самой требовалось более девяти минут, в то время как у большинства боевых воинов в среднем от двенадцати до пятнадцати. Хотя это вряд ли является адекватным показателем силы, абсолютная скорость, необходимая для их прохождения, почти в пять раз быстрее, чем большинство, шокировала, не говоря уже о выносливости, необходимой для прохождения стольких раундов без отдыха. Поджав губы, когда она одевалась на день, Южен внутренне проклинал ее невнимательного мужа за то, что он тратил все свои силы на тренировки и почти ничего не оставлял для отдыха, но она хранила свое ворчание при себе. Она далеко не должна мешать его Боевому Пути, тем более что он продвигался семимильными шагами посреди величайшей войны, которую когда-либо вела Империя.

Не говоря уже о мелочах, касающихся его ограниченной продолжительности жизни.

Возможно, с возрастом она стала сентиментальной, а может, это были длинные списки погибших солдат, которые до недавнего времени ежедневно приходили на ее стол, но Ючжэнь все больше и больше беспокоилась о смертности Герела. Хотя она была на десять лет старше его, а они были женаты меньше года,

она не могла представить себе жизнь без него, с чем ей, скорее всего, однажды придется столкнуться. Он придал ей силы и уверенности, которой она никогда не знала, что ей не хватало, и просто лежа рядом с ним, она уснула крепче, чем когда-либо прежде. Были разговоры о детях и споры о том, что это не лучшее время, но что это также, возможно, единственное время, которое имело значение, с таким количеством сирот на улицах. Хотя Герель вряд ли был таким приятным и мягким по отцовской линии, как его друг Чарок, он ненавидел тот факт, что Империя **позволяла** дети голодать. «Это неправильно», - говорил он каждый раз, когда они проходили мимо уличного мальчишки или ребенка-попрошайки, часто после того, как расстались с достаточным количеством монет, чтобы подвергнуть опасности свою жизнь. «Дети - это будущее, и Империя должна лучше заботиться о них».

Увы, даже личного богатства Южэня и Рейна, вместе взятого, не хватило бы, чтобы накормить всех голодных детей Империи, и суровая правда заключалась в том, что всегда будет рождаться больше детей, чем умирать пожилых людей. Такова была жизнь, и, несмотря на все ее усилия по финансированию и расширению школ и благотворительных организаций Рейн, у нее просто не было возможности прокормить и дать приют каждому сироте в Северной провинции, не говоря уже о том, чтобы начать работу над сиротами в Центральной.

Тем не менее, она была не прочь взять одного или двух, чтобы назвать себя собственными, хотя, если она собиралась усыновить, она предпочла бы усыновить полуживотного, такого же, как она, поскольку она также хотела, чтобы Герель стал отцом прирожденного ребенка. или два с одной из горничных. Таким образом, проблема стала тройной: во-первых, Герель не интересовался горничными, какими бы справедливыми или полными энтузиазма они ни были, во-вторых, после того, как очарование нового и необычного опыта исчезло, Юженю стало скучно делиться, и три В Центральном была заметная нехватка вольных полукровок, большинство из которых рождались в неволе. Хотя покупка рабов для их освобождения была хорошей и нравственной практикой, клеймо преследовало ее детей всю оставшуюся жизнь, потому что знать Империи никогда не позволяла им забыть.

Бывали дни, когда Южен задавалась вопросом, почему она так много работает, чтобы спасти Империю, и не могла придумать подходящего ответа. В основном потому, что ее старик любил это разрушенное королевство и людей, которые называли его своим домом, но ее мотивация быстро угасала, поскольку дни шли, работа накапливалась, а боль его смерти медленно утихала.

В основном ей просто хотелось проводить больше времени с любимым мужем ...

Выйдя во двор, она стояла на краю его тренировочной площадки и оценила вид с близкого расстояния, вплоть до того момента, пока он не остановился, чтобы перезагрузиться. «Я скучаю по утрам, просыпаясь рядом с тобой», - сказала она, и только тогда он заметил ее появление, но ее недовольство от того, что ее игнорируют, растаяло перед его лучезарной улыбкой, и ее ноги ослабли, когда он поприветствовал ее поцелуем. Когда у нее снова появилось дыхание и разум, она

продолжила с того места, где остановилась. «Но тогда, полагаю, я должен был знать, во что ввязываюсь, когда вышла замуж за тренировочного маньяка».

«Прошу прощения, любовь моя», - сказал он, тяжело дыша от того, что ей нравилось представлять, было желанием, а не усилием. «Но Боевой Путь никого не ждет».

«Но ты уже стоишь на Пике», - возразила она, стыдясь того, что пыталась помешать его продвижению, но она слишком любила его, чтобы так долго отказываться от его общества. «Конечно, ты мог бы уделять любящей жене лишний час в день».

Ее слишком серьезный муж, хотя и был доставлен в дразнящей манере, принял ее предостережение близко к сердцу, его прекрасные янтарные глаза были полны вины и печали. «Прошу прощения, любовь моя. В последнее время я отвлекся.

Он больше ничего не сказал, и, несмотря на ее вину, любопытство Южен победило. "Я заметил. С тех пор, как Имперские Силы вышли из второй линии ». Не решаясь подумать, стоит ли ей что-то сказать, она бросила осторожность и спросила: «Это потому, что вы вините себя? За его немощь?»

Это все, что она могла сказать вслух здесь, где было слишком много любопытных глаз и ушей. По крайней мере, две служанки были на чьей-то заработной плате, и она с большим удовольствием скармливала им дезинформацию, но не осмеливалась говорить вслух о плохом здоровье Легата. Пока что о состоянии Рейна знали только маршалы, генерал-полковники и Военный совет, и только потому, что не было возможности держать их в неведении. Уже ходили слухи о том, почему Падающий Дождь ни разу не появился на публике за последний месяц, и ходят слухи обо всем - от его безвременной смерти до уединенной медитации, чтобы перековать свое Ядро и стать Экспертом Пика или, возможно, даже Божественность. Куча чуши - вот что это было, но лучше держать их в догадках, чем подтверждать его слабое здоровье. Было достаточно плохо быть калекой,

Учитывая окольный путь, которым она подняла эту тему, Герелу потребовалось несколько секунд, чтобы уловить ее смысл. «О, - сказал он, его глаза загорелись пониманием, прежде чем сузились в абсурде. "Нет, конечно нет. В тот день у него было достаточно защитников, и что более важно, он идет своим путем. Я ничего не могу сделать для него и не буду винить себя, если он сделает ошибку ». У них были странные отношения, Герель и Рейн, почти даже друзья, но ее муж явно умрет за почти равнодушного легата, которого, как она подозревала, тоже умрет за Гереля. - Нет, - повторил Герел, повернув взгляд далеко на запад, его мускулы напряглись и задрожали от нетерпения. «Я тренируюсь по другой причине, которую я пока не могу объяснить, но, как я уже говорил вам ранее, когда Враг снова появится, я хочу найти его».

Не для того, чтобы убить Гена, как уже давно выяснил Южен, а для того, чтобы убить того, кого он ожидал найти рядом с Дженем. Кто бы это ни был, Герель только недавно узнал о своем существовании, учитывая время. Кто бы это мог быть? Гунсунь Ци? Матарам Ючун? Исповедник? Нет, Герел сосредоточился не на славе или вызове, это было что-то более темное, что-то более личное. Он знал кого-то там, во вражеской армии, кто-то, кто обратился в Осквернение и показал себя в великом столкновении на равнинах, но кто это мог быть?

Гадание не принесло бы пользы, поскольку кем бы это ни был, их отношения с Герелем, вероятно, предшествовали ее собственным, но все же ее любопытство заставляло ее задуматься. Это мог быть вождь Витар, которого молодой Хуушал жаждал убить, или кто-то другой, похожий на него, которого Герель встретил в Саншу, но, скорее всего, это был оскверненный член бекхай, которого схватили, повернули и теперь раскрыли. Проблема заключалась в том, что у Герела было немного драгоценных друзей и вообще не было семьи, о которой можно было бы говорить, так кто же был этот таинственный враг, который внушал такую страсть ее стоическому мужу?

Страсть, которую она предпочла бы сосредоточить на себе ...

Украдя еще несколько драгоценных минут своего любимого мужа, Юйчжэнь направилась в свой офис в сопровождении своего капитана стражи Тан Ю и девяти его подчиненных. Полный почетный караул, ни больше, ни меньше - такова была бдительность в Северной Цитадели. Если Враг был счастлив сохранить эту тупиковую ситуацию, Юйчжэнь опасался, что Воины Империи могут начать гражданскую войну, чтобы им было чем занять себя. Умиротворение было драгоценным, но вызывающим крайнюю тревогу, тем более, что у нее почти не было информации, чтобы продолжить. Благодаря контактам Муян, она знала, что Оскверненные все еще собираются в западном городе Шибэй, но в гораздо меньшем количестве, чем в прошлый раз, и не спешат это делать. Возможно, Враг потерял аппетит к завоеванию, но общее мнение заключалось в том, что либо они скрывали свою численность до нападения, либо у них были второстепенные плацдармы в другом месте вдоль границы, которые еще предстоит раскрыть. Однако все это не было ее делом, поэтому следующие пять часов она посвятила все свое внимание жизненно важным документам, необходимым для того, чтобы колеса Империи были смазаны и работали.

Было время обеда, когда она наконец вышла из своего офиса и направилась к докам Цитадели, привлеченная туда не для того, чтобы принять участие в трапезе, а чтобы поприветствовать важного гостя. Судно не имело никаких опознавательных знаков, но трудно было ошибиться с уникальным и красиво оформленным экипажем, который выехал с корабля на причал. Если этого было недостаточно, чтобы идентифицировать владельца, то тот факт, что карета охранялась Корпусом Смерти, означал, что транспортное средство должно принадлежать Легату, поскольку вся Империя будет знать, если другой Имперский Наследник соизволит публично раскрыть себя в внешние провинции.

Войдя в карету, остановившуюся рядом с ней, Юйчжэнь осторожно пробилась сквозь толпу кроликов, слоняющихся вокруг сонной черепахи, чтобы найти свое

место. Она также предпочла не обращать внимания на все пустые емкости размером с кролика на стене, которые остались неиспользованными, за исключением одной, в которой находилась нахмуренная красная панда. «Добрый день», - начала она, направляя свои приветствия сначала Сарнаю, затем таинственному охраннику, а затем Лин-Линь. Жены развратного мальчика ехали в другом фургоне позади них, рядом с Ду Мин Гю и, без сомнения, более скрытыми Пиковыми Экспертами, чем волосы на воле. Ну, может быть, не так много, но достаточно, чтобы даже в бессознательном состоянии Falling Rain собирал пыльных последователей, как мухи на мед. Взглянув на мальчика, о котором идет речь, Южэнь увидел, что ничего не изменилось, но все равно спросил. «Как его здоровье?»

«Как всегда», - ответил Линь-Линь, взяв подушку, обернутой вокруг шеи, чтобы держать голову прямо, в то время как мама Бун сидела и смотрела ему в лицо. Очевидно, он порвал мышцу во время долгой поездки обратно с битвы, когда его голова толкалась даже в хорошо подвешенном купе экипажа, а что касается Мамы Бун ... ну, кролики-двуроги были на редкость глупыми, так что кто знает, что происходит? в их головах. «Спит и не отвечает, но здорова, насколько это возможно». Исчезла привычная улыбка милой девушки, нахмуренные брови и опущенные на кончиках заячьи уши. «Иногда его глаза двигаются, что означает, что он мечтает или, по крайней мере, о чем-то думает».

Южен отчаянно хотел сказать что-нибудь, чтобы ободрить бедную девушку, не говоря уже о несчастной матери Рейна, которая за месяц постарела на десять лет. Возможно, Баатар мог бы подбодрить ее, но Южен был в растерянности, поэтому она просто протянула руку каждому и мягко сжала, когда они оба согласились. Они не были семьей, но были достаточно близки, и Южэнь знала, что они переместят Небеса и Землю, чтобы подбодрить ее, если она окажется в одном положении.

Нет, если. Когда. Смерть Герела была неизбежным фактом, и велика вероятность, что он умрет задолго до того, как истечет ее время.

~~~~~

Если Гордость - отец всех грехов, то любопытство, вероятно, - мать.

Я все время поглядываю на телефон, стоящий на моем столе, но не могу заставить себя вынуть его. Это странность, которую я не могу игнорировать, аномалия внутри моего Call Center of the Void, и я все пытаюсь осознать ее. Все это восходит к эмоциям и намерениям. Я замкнулся в себе, изолировав свою душу от своего разума и тела, вместе с внешним миром, будь то реальный, воображаемый или выдуманный. Я пробовал общаться через более удобную среду, в моей давно забытой спальне из моей предыдущей жизни, но этот опыт был слишком реальным, слишком существенным, слишком бесспорным, чтобы я мог с ним справиться. Я хотел отрезать себя от мира, поэтому я создал кучу слоев между нами, которые воплощены в медленном компьютере рабочей станции

центра обработки вызовов и гарнитуре, которые являются моими косвенными связями с внешним миром. Сквозь это, Я разговаривал с очень многими людьми и повлиял на очень многие вещи, прежде чем, наконец, просто использовал как средство, чтобы избавиться от своих эмоций, и когда я выключил его, я разорвал связь. Никакой связи, никакой Небесной Энергии, никакого ограниченного всеведения и, самое главное, никаких иллюзий, обманывающих меня.

А потом появился этот проклятый смартфон, вызванный к жизни моим невольным подсознанием или, возможно, злобными махинациями Чжэнь Ши. Я не делал ничего из этого специально, скорее Энергия Небес делает это за меня, ее действия формируются моими Эмоциями и скрытыми намерениями. Точно так же он говорит мне все, что мне нужно знать, но не так много слов, просто ... ощущения, и хотя я не на сто процентов уверен, что интерпретирую все это правильно, это просто кажется правильным. Компьютер - это то, как я подключаюсь к внешнему миру, но телефон - это то, как внешний мир достигает меня, Краеугольный камень, созданный надеждами и мечтами, от которых я еще не избавился. Забавно, технически я мог бы использовать компьютер для обоих, но Keystones нуждаются в четком разделении целей, а это именно то, что все эти вещи.

И теперь я не могу перестать проверять свои сообщения.

Ага. Это ново. Вот, под последним снобным селфи Мамы Бун. Очаровательно. Нет, не обращай на это внимания. Южень здесь. Похоже, Чжэнь Ши не перестал играть в свои игры. Кроме того, я, возможно, облажался, убедив маму Цянь раскрыть свою силу и спасти сына, так как она планировала переворот против Ран Мин, о котором я не знал в то время, что ... интересно, мягко говоря, и причинил моему любимому маршалу головную боль. Вау. Между Цзя Ин и Ран Мином очень много вещей, но я не собираюсь трогать это десятифутовым шестом. Бедный Цянь. Может быть, я смогу помочь Южену не только хорошими флюидами, потому что рядом есть кто-то еще, пытающийся принять решение.

Сообщение отправлено, я подавляю желание продолжить разговор по телефону и снова кладу его на стол. Стекло, конечно, вверх, так что я ничего не пропущу. Он загорается не для каждого сообщения, но для важных, например, когда Мила была очень подавлена этим утром, когда просыпалась, или прошлой ночью, когда Ян изо всех сил пытался найти слова, чтобы выразить свои чувства. Это не то, что я бы назвал разрывом связей, но я не думаю, что вполне готов все бросить, даже если все это может быть ложью. Как насчет этого: больше никаких сообщений от случайных людей. Если я их лично не знаю, то они заблокированы.

Шаги малыша.

Обливион ждет.

~~~~~

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, поэтому еще важнее наслаждаться путешествием, пока оно длится.

Ободренная этой мыслью, она снова сжала руки Лин-Линя и Сарнаи. «Это пройдет», - прошептала она, улыбаясь, когда она взглянула на Рейна. «Рано или поздно он проснется. Я верю в это ». Встречая взгляды окружающих, Южен мягко добавил: «Не теряйте надежды».

Надеюсь. Это все, что у них осталось, и очень немного из этого, но Сарнай и Лин-Лин оба собрали свой упавший дух и кивнули, хотя бы для того, чтобы подтвердить свою собственную веру. «Может быть, роща поможет», - сказала Линь-Линь, и по тону Ючжэнь могла сказать, что она говорила это много раз раньше, но все еще не верила. «Или папа что-то придумал, пока мы ехали».

"Может быть." В этом заключалась цель этой небольшой поездки, которую они откладывали на несколько недель из-за опасений, что выяснится состояние Рейна. Посетите сверхъестественную бамбуковую рощу и надейтесь на чудо. В противном случае следующим лучшим вариантом было найти Братство и попытаться уговорить их петуха использовать свою магию, чтобы попытаться разбудить Рейна, но местонахождение аббата все еще было неизвестно, и все их объединенные контакты не смогли его найти. «Сурук все еще преследует твоего отца? Поймай его, и я полагаю, Рейн мгновенно проснется, чтобы прижать нового зверя.

Это вызвало у Ючжэня легкую улыбку у них обоих, но улыбка исчезла, когда они все взглянули на маму Бун, которая все еще стояла на коленях у Рейна и смотрела ему в лицо. Он очень любил этого кролика, и, если бы он мог видеть ее страдания, было трудно представить, что он проигнорировал бы ее, а это означало, что у грызуна, роющего туннели, было мало шансов, что он добьется большего.

Когда карета подъехала к Восточным воротам, Южжэнь попрощался с ними и вышел из все еще движущегося экипажа. Ее почетный караул ждал ее верхом на лошади и запасной лошади, но она заметила в толпе кого-то, что заставило ее остановиться и уставиться на нее. Вот он и стоял, сколь угодно небрежно, Ситу Ранг Мин во плоти, его руки были скрещены за спиной, а нос был направлен в небо. Он встретился с ней взглядом, но не поздоровался с ней, поэтому Ючжэнь села на лошадь и надеялась, что никто не увидит, как она замерла. Пока она бежала, Ранг Мин сделал первый шаг. «Мы должны поговорить», - Послал он, все еще надменный, как всегда. "Наедине. Я считаю, что дискуссия принесет нам много пользы ».

Предоставьте Ран Мину возможность сделать призыв о помощи как взаимовыгодное соглашение. Южен хотела оставить его висеть на ветру только из-за его отношения, но какая-то ее часть не позволила этого. «По крайней мере, послушайте, что он хочет сказать», - подсказал голос в ее голове. «Империя должна объединиться против Врага, иначе все, что мы сделаем, будет напрасно».

Кивая больше самой себе, чем Ранг Миню, Южен отправил: «Мой офис. Приходи незамеченным. Как бы она ни ненавидела Ран Мин, ей отчаянно нужно было положить конец междоусобной борьбе Общества, и Ситу Цзя Ин не считал нужным приблизиться к ней или даже ответить на не слишком тонкие призывы Юйчжэня о встрече. Ранг Мин был всем, с чем ей приходилось работать, и хотя у нее не было шанса высунуть шею и помочь ему вернуть место Патриарха, она могла помочь ему сохранить его достоинство или, по крайней мере, его собачью жизнь, а может даже поддержал его в формировании новой фракции Общества. А еще лучше, возможно, она могла бы пригласить тигра в свое логово и взять его на должность лейтенанта-маршала. Этот человек был просто пугающе компетентным, и, как однажды сказал Рейн: «Держите своих друзей ближе, а врагов - еще ближе».

Гениальный человек, Падающий Дождь, и Империя уменьшились из-за его отсутствия. Однако он вернется, этот Южжэнь верил, потому что, когда дело доходит до сути, Ядро или нет, Падающий Дождь был рожден Воином.

Глава 655

Вера и надежда.

Это все, что осталось у Сарнаи. Вера в Высшую Мать, вера в сына и надежду на будущее. Несмотря на коматозное состояние, Рейн был жив и здоров, глотая всю пищу и воду, которые они давали ему, но не мог делать ничего большего. Таким образом, он упал на его семью, чтобы поддержать его много обязанностей, и Сарнаи был полон решимости обеспечить все, что он работал трудно будет ждать его, когда он снова открыл глаза. В течение последних трех недель она объединила усилия со своим мужем, Аканаем, Ло-Луо и императорским наследником Лю Сюаньдэ, чтобы держать внешние провинции в подчинении, и, хотя они добились ограниченного успеха, по крайней мере, им удалось сохранить хрупкий союз внешних провинций от развала.

Сражения общества на Севере, военные ссоры на Юге и оппортунистический генерал-полковник в Центре, пытающийся захватить власть у Легата, Сарнай неустанно работал, чтобы справиться со всем этим и многим другим, хотя и с ограниченным эффектом. По правде говоря, помимо предоставления грозных Воиновстоять рядом с Ло-Ло или Лю Сюаньдэ, пока они диктовали приказы, сама она не имела ничего общего с повседневными делами офиса Легата. Когда она узнала, что Рейн выбрал Чжэн Ло своим непосредственным преемником вместо одного из Имперских отпрысков под его командованием, Сарнай проклял ее сына за дурака, но, поработав со всеми ими в течение последнего месяца, она увидела

мудрость его решения. . Девушка была способным министром и ловко держала в подчинении маршалов и генерал-полковников, даже напористого южного маршала Куен Хыонга, который едва оказал ей заслуженное уважение, отвергая все ее усилия помочь ему.

Если бы Сарнай был во главе, она поддержала бы величайшего соперника дерзкого маршала из чистой злобы после того, как он намекнул, что последнее послание Ло-Луо могло быть написано в «неподходящее» время месяца, и что ей следует пересмотреть свою позицию, когда она станет ее ». преждевременные спектакли прошли. К счастью, Ло-Ло увидела изъян в предложении Сарнаи и указала, что преемник маршала Хыонга вряд ли будет менее женоненавистником, и что она сделала только свое первоначальное предложение, чтобы он стал более подчиняться ее действительным предпочтениям теперь, когда она ... d «принял» его критику. Это не было идеальным решением, поскольку оно подрывало авторитет Ло-Луо, но она утверждала, что в его глазах она сама не обладала авторитетом, и он терпел ее вмешательство только из-за личной печати Рейна на каждом документе. Эта сложная паутина соткана,

Девушка была более чем компетентной; она преуспела в своем ремесле так же, как Аканай преуспел в бою, - высший комплимент, который Сарнай мог ей сделать.

Что касается других вариантов, то даже она знала, что Рейн не мог выбрать преемника, родившегося во внешних провинциях, поскольку постоянно будут обвиняться в том, что указанная замена предпочитает его или ее родную провинцию. Такова цена осуждения других по собственным меркам, и даже якобы политически нейтральный Шуай Цзяо был подвержен ловушкам дискриминации и кумовства. Это оставило лишь небольшой пул кандидатов на замену Рейну, и, хотя выбор законного имперского наследника ранга мог успокоить горстку дворян и офицеров, знавших о тяжелом положении Рейна, нынешние предложения были совершенно не подходящими для этой должности. Гуань Юньчан, Чжан Идэ и Цзянь Сяньхэ были потомками Императора, со своими охранниками Корпуса Смерти и эскортом Королевских Стражей.

Достаточно сказать, что все они были очень способными, но очень несовершенно совершенными людьми.

Цзянь Сяньхэ был худшим из всех, ленивым, неряшливым пьяницей, который делал минимум, который от него требовался, хотя у него были моменты хитрого блеска. Это была его идея - объявить открытую награду за профессиональные секреты, беспрекословно заплатив любому, кто принесет им полезные сведения. Хотя Ло-Ло утверждал, что ни один достойный эксперт не откажется от секретов своего дела за разовое вознаграждение, Сяньхэ просто усмехнулся и сказал: «У экспертов есть ученики, не так ли? Жены тоже, что также означает безвкусные свекры, не говоря уже о сыновьях и дочерях, которые не в восторге от продолжения семейного дела. Одноразовая награда будет очень соблазнительной для всех этих людей и многих других, и как только секрет станет известен, его уже не скрыть ».

Вторым худшим выбором для временного легата был Гуань Юньчан, простой человек, совершенно неспособный к независимому мышлению, которому нужно было держать его за руку, чтобы принимать даже самые незначительные решения в случае отклонения дела от плана. Часто он сам приходил к правильному решению, но его нерешительность означала, что ему нужно, чтобы Ло-Луо контролировал каждое его решение. К счастью, Мать благословила Юньчан честно и открыто, не желая, чтобы ее подкупили, подкупили или уговорили повлиять на его решение. Это означало, что ему можно было доверять в обязательном порядке вести переговоры о торгах и контрактах, если условия были четко изложены заранее. Благодаря ему асфальтированная дорога через западную границу, протянувшаяся от Суйхуа на севере до Кангбаши на юге, успешно развивалась. Новые районы тоже строились даже с наступлением зимы,

Затем был Чжан Идэ, вульгарный хомяк, который вставил заусенец в седло Юйчжэня и был практически исключен из официальных дел, его присутствие в значительной степени игнорировалось, несмотря на его подрывные вспышки хамских комментариев и несвоевременного юмора. Уже тогда Ло-Луо нашел применение Идэ, обрушив неприятности своей компании на любого, кто осмеливался пренебрегать ее приказами. Эти дворяне, офицеры и, в одном случае, маршал юга, пожалели о своем безрассудном решении, как только Чжан Идэ прибыл к их порогу, защищенный Королевскими Стражами и вооруженный приказом, чтобы волю Ло-Луо всеми правдами и неправдами выполняли. Все время о злоупотреблении не столь великодушным гостеприимством хозяев.

Наконец, был Лю Сюаньде, которого Сарнаи считал самым многообещающим из всех, но в то же время самым проблемным. Целеустремленный, страстный молодой человек, опрятный, ухоженный Наследник разделял многие идеалы Рейна, которые сами по себе составляли большую часть его проблем. Большинство этих общих идеалов не устраивало нынешнюю правящую элиту, но, несмотря на его сбивающую с толку неспособность понять простую концепцию лица, Рейн знал достаточно, чтобы хранить молчание о своих целях. Сюаньде, однако, объявил о своем намерении, чтобы все услышали, в ошибочной попытке склонить других к его делу. Бедный дурак-идеалист. Даже Сарнаи, который полностью согласился с видением Рейна на будущее, в котором Империя приняла коллективную систему заботы о Людях и заботилась об их наиболее уязвимых, не мог поддержать большую часть предлагаемой политики Сюаньдэ. Гражданские суды с образованными простыми людьми, действующими в качестве юстициаров, были прекрасны и все такое, но этот человек хотел, чтобы воины-воины подчинялись одним и тем же судам и позволяли простым людям выносить приговоры по их гражданским преступлениям. Безумие - это то, чем оно было, не потому, что она считала, что воинственные воины должны нарушать закон, а потому, что у простых людей не было бы возможности обеспечить его соблюдение, что только привело бы к усилению напряженности и конфликтов. Лучше сохранить две системы раздельными, чтобы военные действия не разрастались и не выходили из-под контроля, как только Боевые Воины начнут открыто отвергать систему суда простых людей. но потому, что простолюдины не будут иметь возможности обеспечить его соблюдение, что приведет только к усилению напряженности и конфликтов. Лучше сохранить две системы раздельными, чтобы военные действия не разрастались и не выходили из-под контроля, когда Боевые Воины начали открыто отвергать систему суда простых людей. но потому, что простолюдины не будут иметь возможности обеспечить его соблюдение, что приведет только к усилению напряженности и конфликтов. Лучше сохранить две системы раздельными, чтобы военные

действия не разрастались и не выходили из-под контроля, как только Боевые Воины начнут открыто отвергать систему суда простых людей.

И это была просто самая безрассудная идея Лю Сюаньдэ. Его конечная цель, о которой он не стеснялся рассказывать всем, кто мог его слушать, заключалась в том, чтобы захватить средства производства и перераспределить богатство Империи, чтобы низшие классы получали свою справедливую долю прибыли. «Прилив поднимает все корабли», - часто слышали, как он говорил, приписывая эту цитату тому, что однажды сказал сам Рейн, но вся логика в мире ничего не значила, когда целью было украсть и грабить у богатых и могущественных. По какой-то глупой причине безумный Имперский Наследник искренне верил, что зная Империю просто перевернется и откроет свои сокровищницы только потому, что он представил для этого веские доводы, и был совершенно сбит с толку стойким сопротивлением.

К счастью, Ло-Ло держал Сюаньдэ под контролем, дав ему много другой работы, чтобы занять его, а именно, собрать армию простолюдинов и обучить их владению пикой и арбалетом. Два месяца назад Сарнай бы посмеялся над этими пустыми и бесполезными усилиями, но, увидев храбрость, проявленную нерегулярными войсками Рейна на поле боя, она больше не была уверена, что это правда. Хотя они сломались и сбежали от нападения демонов, профессиональные солдаты, как известно, делали то же самое, даже без Зловещей ауры ужаса и ужаса, которая подстегивала их. Что еще более важно, Иррегулярные войска сплотились и вернулись, увидев, что Рейн находится в опасности, бросившись на когти Демона и клинки Избранных с безрассудным пренебрежением, чтобы выиграть время для Сарнай и остальных охранников Рейна, чтобы они отправили своих врагов.

И за это они будут вечно благодарны ей.

Когда карета направилась в сторону Народного квартала и бамбуковой рощи Тадук за ним, она выглянула в окно и увидела, как нерегулярные солдаты усердно трудятся в своем тренировочном лагере. Идентичные этому можно было найти разбросанные вдоль западной границы, расположенные достаточно близко к районам, чтобы обеспечить легкую поставку, но достаточно далеко, чтобы держать учеников изолированными от соблазнов. Самым большим препятствием на пути к эффективному бою была не индивидуальная сила, а дисциплина, и в этом не было разницы между простолюдином и воинами-воинами. К их чести, большинство простолюдинов относились к военной дисциплине, как рыба к воде, когда для них были изложены все правила и предписания, им не хватало типичной раздутой гордости воинов в той же позиции.

Тем не менее, когда она наблюдала, как Иррегулярные войска выполняют свои упражнения с почти безупречной точностью, Сарнаю пришлось отдать должное. Сюаньде не только обучил этих простолюдинов и их офицеров использованию шахматной доски Рейна, но и, похоже, Императорский Наследник усовершенствовал ее. Если бы она встретила этих иррегулярных войск в открытом бою, ей было бы неудобно вступать с ними в бой без хотя бы одной десятой их численности в Хишиге или, возможно, половины их числа в

стандартных имперских солдатах. Даже в этом случае она избегала прямой конфронтации в пользу ночных рейдов или атак «ударил и убежал», потому что, когда они были выстроены в ряды, стена пиков и арбалетов Иррегуляров могла сломать острый орешек.

Конечно, она не была военачальником, как ее муж, но даже он согласился, что Иррегулярные войска удивят их всех, особенно Сюаньде, который будет вести их на поле боя. Несмотря на все свои недостатки, этот человек был блестящим тактиком, о чем свидетельствует его первый трактат «Путеводитель по воинским формированиям во время дождя». Это скучное имя, тем не менее, оно распространилось повсюду из-за яркой рекомендации бригадного генерала Хунцзи о построении шахматной доски, объясненной внутри. В течение двух дней горячо обсуждались достоинства работы Сюаньде, пока генерал-полковник Нянь Цзу не объявил трактат обязательным для чтения для всех офицеров ранга майора и выше. Централ и Юг последовали за ними, полностью очарованные гибкостью представленной внутри тактики, а не только самой схемой шахматной доски. Но также и его «свежий и современный» подход ко многим испытанным и верным образованиям прошлого. Черепаха, Полумесяц, Двойные Рога и многие другие, Сюаньде представила четкие и краткие инструкции по использованию каждой формации и о том, как лучше всего продемонстрировать свои сильные стороны, что привело к тому, что тупоголовый муж Сарнаи назвал «революцией в военном мышлении».

Лично она думала, что это звучит как унылая чушь, предназначенная для того, чтобы уложить ее спать, и гораздо предпочтительнее стилизованного пересказа Бошуи достижений Рейна, но все уважаемые командиры, которых она знала, сказали, что трактат Сюаньде был блестящим до крайности, поэтому она не использовала их опыт.

С тех пор Сюаньде написал еще два трактата, которые также были хорошо приняты, но в меньшей степени. Первый был связан с перемещением войск и материально-техническим снабжением, в соавторстве с молодым купцом по имени Цао Куо, а второй был посвящен оптимальному использованию и развертыванию арбалетчиков и артиллерии. Первый был бы интересен только высшим эшелонам командования, но Ло-Луо и Ючжэнь воспевали его целыми днями, в то время как последний был более спорным, поскольку он выступал за использование вооруженных нерегулярных войск, предназначенных для сдерживания оскверненных воинов. Это, конечно, вызвало жаркие споры об эффективности вооруженных простолюдинов в реальном мире, которые ведут генералы из баров и чайных, которые сами практически не имеют опыта в реальном мире.

Что еще хуже, «неизвестный» ученый начал нанимать Вестников, чтобы они рассказывали его проповеди широким массам, проповеди, дикция и язык которых были чрезвычайно похожи на собственные Сюаньде. Этот ученый-таинственный ученый выразил поэзию о том, что простолюдины обладают большей властью, чем они думают, и все, что нужно для демонстрации этой силы, - это остановить всю работу на один день. Повара, слуги, конюхи, портные и другие, если все, кто работает в сфере услуг, откажутся выполнять свою работу до тех пор, пока их требования не будут услышаны, у знати не останется иного выбора, кроме как слушать. Простолюдины были не рабами, которые обязаны своим существованием

своим хозяевам, а свободным и независимым народом, заслуживающим справедливой оплаты за свои усилия. «Таинственный» головешок даже подробно описан. Говоря об одном модном магнате из Юаньцзина, который платил женщинам и детям медью за вышивание шелковых шарфов, шарфы, которые она затем продавала по смехотворной наценке, приносила ей прибыль в несколько серебряных монет с каждого проданного продукта. Автор сравнил это поведение с тем, что мадам из публичного дома сводит с ума своих дочерей и оставляет себе львиную долю монеты; сценарий, который, по мнению Сарнаи, не был чем-то необычным для Империи, но, тем не менее, неприятным.

Ей потребовалось всего две секунды, чтобы раскрыть виновника, и когда ей задали вопрос, Сюандэ даже не отрицал, что он был автором. «Пока они не научатся постоять за себя, благородство будет вечно преследовать людей Империи», - сказал он, потягивая чай, чтобы скрыть свое врожденное высокомерие, которое проявлялось в разговоре с любым, кто не был Императорский дворянин, даже мать человека, которым он якобы восхищался. «Этот просто помогает людям смириться с истиной».

То, что он делал, было подготовкой почвы для кровавой революции, и он знал это. Пока он просто сеял семена беспокойства и не ожидал, что из этого ничего не выйдет, но наступит время, когда эта война с Врагом закончится или, по крайней мере, прекратится. Если бы Сюаньде добился своего, то многие ветераны Нерегулярного режима вернулись бы домой, чтобы заняться сельским хозяйством, кузницей или чем-то еще, ветеранами, которые не так легко преклонили бы колени после того, как прошли через закалывающее пламя войны. Эти дисциплинированные солдаты составят костяк грядущей революции, и хотя Сарнай, возможно, когда-то смеялась над идеей об успехе восстания простолюдинов, видя, как иррегулярные войска маршируют в упор и демонстрируют оружие с почти механической точностью, она уже не была так уверена в своих силах. шансы Имперской Армии.

Не с более чем миллионом арбалетов, уже находящихся в руках простых людей, и с растущим числом профессиональных нерегулярных солдат, обучающихся их использованию.

Один из распространенных аргументов, которые могла бы выдвинуть сама Сарнай, заключался в том, что немногие «уважающие себя» Боевые Воины опустятся, чтобы вести простолюдинов в битву, но сама Мать предоставила решение этих проблем. Из десяти тысяч иррегулярных войск, принявших участие в последней битве против врага, почти треть была потеряна в бою. Другая треть, однако, всего более трех тысяч душ, была крещена чудесной Небесной Бурей и вышла уже не как простолюдины, а как настоящие Воины Империи.

Подавляющее большинство из них подписались на службу под началом Аканая, который пообещал им всем место в личной гвардии Падающего Дождя.

Лично Сарнай не совсем обрадовала действия свекрови, и не только потому, что набирать в почетный караул, когда у Рейн уже был Корпус смерти, было на грани обмана. Ее сын уже столкнулся с более чем справедливой долей дискриминации со стороны благородной элиты, и наличие свиты из бывших крестьян только увеличило бы разрыв, но она не могла утверждать, что сам Рейн не поступил бы так же. Они называли себя штормовыми стражами Падающего Дождя, причудливым намеком на ливень, который чудесным образом подарил им эту удачу, и Сарнаю очень понравилось это имя. Хотя она еще не видела, как они тренируются, она была уверена, что они не опозорят ее сына на поле битвы, после того как Аканай закончит их тренировать. Будучи предполагаемой личной охраной Рейна, они не могли объяснить отсутствие Рейна, если не возникло слишком много неудобных вопросов, поэтому Аканай отвел Штормовых Стражей к востоку от районов, чтобы тренироваться в относительной изоляции, заставив их пройти режим, который Рейн искренне одобрил. На плоских равнинах Централа не было гор, на которые можно было бы подняться, но так или иначе Аканай справился бы и превратил этих Воинов в настоящих солдат, достойных носить имя Стража.

Закрыв окно с подавленным вздохом, Сарнаи откинулась на спинку сиденья и внимательно посмотрела на спящего сына. Сон почему-то казался лучше, чем коматозное состояние, что, по ее мнению, было техническим термином для тяжелого положения Рейна, но она не могла заставить себя использовать его, потому что все ожидала, что он проснется каждый раз, когда карета толкается или животные мешают его отдыху. Ей было больно видеть его таким, потому что, хотя он, казалось, крепко спал, она чувствовала его неправильность, пустоту в его бездействии, которая заставляла ее бояться худшего. Ее сын никогда не спал крепко, часто шевелясь или бормотав бессмысленные слоги посреди сна, и за все годы, проведенные вместе, она ни разу не видела, чтобы его выражение лица стало настолько расслабленным. Что было еще более душераздирающим, так это то, как обезумели его милые питомцы, особенно Аури, Мама Бун, и сладкий Ping Ping. Двое последних должны были покинуть его сторону дольше, чем несколько минут, что вынудило Сарнаю закутать Рейна в одеяла и вывести его во двор, чтобы Мама Бун и Пинг Пинг могли быть уговорены на тренировку.

Даже сейчас Пин Пин была безутешна, подперев подбородком ногу Рейн, в то время как мама Бун стояла у него на коленях и смотрела ему в лицо, как будто совершенно сбитая с толку, почему он не ответил на ее присутствие.

Надеюсь, это скоро изменится. Эта поездка была якобы для того, чтобы создать впечатление, будто Рейн достаточно здоров, чтобы навестить своего Учителя, но на самом деле Сарнай хотел оказать большее давление на Тадука, чтобы он предложил возможное лечение. «Это кома», - скулил укушенный блохами зубастый хвостун с кроличьими ушами, когда Сарнай в последний раз рассказывал ему о своем плане действий. «Мы ничего не **можем** сделать, кроме как сохранить его тело здоровым и ждать, пока он проснется».

Ответ она отказалась принять. Медицинский Святой, пей. Звание не стоит даже собачьего перда. Самым большим недостатком Тадука всегда было отсутствие напора и амбиций, если только конкретная проблема не привлекала его внимания. Когда он впервые пришел к людям, это было для изучения их духовных зверей, предмета, которым он был одержим много лет, пока не переключил

внимание на духовные растения. Как бы он ни любил маленького Рейна, Тадук не интересовался изучением пациентов в коме, потому что не было достаточно информации о человеческом разуме, на которой можно было бы опираться, в отличие от рунического ремесла, которое он изучал просто, чтобы помочь Рейну, и бросил, как только узнал достаточно, чтобы быть полезным. . Здесь он стоял в коме, зная достаточно, чтобы лечить симптомы, но был слишком ленив, чтобы сесть и раскрыть первопричину. Нет, для того, чтобы сделать это, Тадук придется начинать с нуля и поведения трудно, скучное исследование, но как он ни старался, человек не мог бороться со своей природой. Даже сейчас упражнения, которые он прописал Рейн, были теми же, что мальчик прописал Сарнаю, когда она находилась в аналогичном положении, без каких-либо улучшений или изменений, и даже не он помог Рейн пройти через них. Нет, это было оставлено милой Лин-Линь, которая до сих пор оставалась самой оптимистичной из всех и следила за тем, чтобы ее муженек придерживался строгого режима активности.

По крайней мере, Тадук не скупился на свои духовные растения и предоставил Сарнаю достаточно, чтобы включать их в каждый прием пищи Рейна. К сожалению, все, что он ел, приходилось готовить до тех пор, пока его не стало легко перемешать, поскольку он был совершенно неспособен жевать. В тот момент даже кролики не заботились о том, что приготовил Сарнай, что привело Тадука к предположению, что того, что делало растения духовными, больше не было. Это была сводящая с ума расточительность, но кроме подозрений Рейна в отношении Высшей Семьи Ди и их связи с Духовными Растениями и кулинарией, Сарнаю больше некуда было искать помощи.

Протянув руку, чтобы взять его за руку, Сарнаи вздохнул и Отправил: « *Когда ты будешь готов и сможешь, мы будем ждать тебя здесь, чтобы проснуться* ». Она часто говорила и присылала ему сообщения, и настаивала на том, чтобы все остальные делали то же самое, как бы глупо это ни казалось, потому что она отчетливо помнила, как слышала голос своего тупого мужа в коме, хотя подробности давно исчезли. Все, что она знала, это то, что она думала, что слышала, как он разговаривает с ней не раз в то время, и была привлечена звуком его голоса, воображаемым или каким-либо другим, поэтому она надеялась, что то же самое будет и с Рейном.

Надеюсь. Снова было это слово, такое простое, но очень важное.

Чувство сожаления и меланхолии охватило плечи Сарнаи, но она без колебаний отбросила их. Дождь просыпается. Это было неизбежно. Дело было не в том, если, а в том, когда, и она отказывалась верить в обратное.

"Все нормально." Похлопав Сарнаю по руке с яркой, невозмутимой улыбкой, Лин-Лин прижался к плечу Рейна и сказал: «Он рано или поздно придет в себя. Все, что нам нужно сделать, это подождать, а?»

Такая сильная и стойкая, эта маленькая Мэй Линь, так как же Сарнай мог выдержать поражение? «Ты прав», - ответила она, улыбаясь в ответ милой

девушке, прежде чем наклониться, чтобы погладить пушистую задницу мамы Бун. «Возможно, нам следует последовать совету Южэня и посмотреть, сможем ли мы выманить хищного грызуна, терроризирующего вашего отца, из укрытия».

Хихикая, когда она использовала слова Тадука против него, херувимское выражение лица Лин-Лин успокоило сердце Сарнаи, и она захихикала вместе с милой девушкой. Янь, Мила, Ло-Луо и даже Сун складывались, чтобы стать замечательными товарищами для маленькой Рейн, но за последний месяц Линь-Линь более чем доказала свою ценность. Сарнаи была старой и измученной, чтобы понимать, что любовь - это, безусловно, не все, что нужно для отношений, но теперь она могла отдыхать спокойно, зная, что капризная и беззаботная Мэй Линь в последующие годы не пожалеет о своем решении и сломает беднягу Рейна. сердце, оставив его. Вряд ли справедливо по отношению к девушкам, учитывая ненасытные аппетиты Рейна, но пока они вступали в брак с широко открытыми глазами, Сарнаю больше не о чем было просить.

Они провели остаток поездки в относительной тишине, хотя Сарнаи не могла не дразнить Ментор за то, что она монополизировала для себя пять кроликов, удобно устроившихся у нее на руках на протяжении всей поездки. Прибыв в бамбуковую рощу как раз к позднему обеду, они вышли из экипажа под восхитительные ароматы изысканной кулинарии Чарока, доносящиеся из центра рощи. Девушка тепло поприветствовала их со своими детьми на буксире, Тали ярко улыбнулась, а Тейт хмурился и ворчал без особой причины. Ему было уже почти тринадцать, и он быстро приближался к тому подростковому возрасту, когда он выступал против любых обязательств и ограничений, бунтуя просто ради самого бунта. Его угрюмый хмурый вид был слишком мил, чтобы сопротивляться,

~~~~~

Несмотря на все мои попытки заставить его замолчать, мой телефон грохочет и загорается, чтобы предупредить меня о том, что происходит за пределами пустоты, и снова надежда заставляет меня проверить. Что делать, если это срочно? Что делать, если мне нужно? Что, если это еще одно очаровательное селфи-сопля от Мамы Бун? Впереди забвение и ничто, но я все еще не готов принять это, иначе мой телефон перестал бы светиться.

К тому же здесь действительно скучно.

Сообщение от мамы, заверяющее меня, что они будут ждать, а затем снимок, на котором она обнимает хмурый Тейт. Я не должен был смотреть, но я подумал, и это случилось. Это слишком мило. Тейт примерно того же возраста, что и я, когда я впервые присоединился к семье, и, вероятно, я сделал то же самое лицо тысячу раз, когда Альсанцет меня тогда обнял. Я чувствую сожаления мамы так же ясно, как если бы она написала их все в тексте, потому что она хотела бы, чтобы она тоже меня так обняла, но теперь уже слишком поздно. Еще не поздно, мама. Я все еще здесь. Нет, **уже** слишком поздно. Я не вернусь. Я не могу. Я недостаточно силен, чтобы противостоять боли.

Душевная боль и горе наполняют пустоту во мне, и я вытесняю ее так быстро, как только могу, формируя недавно отделенные Натальные Души, наполненные надеждой, желанием и сожалением, чтобы идти вперед и делать все, что я хочу. Я понятия не имею, что именно это могло быть, но в любом случае они должны были принести больше пользы, чем вреда. Вероятно.

Мне нужно перестать проверять этот телефон. Это моя самая большая проблема. Прошел час с тех пор, как я в последний раз видел Ючжэня и Ран Мин, а вчера - Сон, Милу, Янь, Луо-Луо и Линь-Линь. Это было вчера? Или это было дольше? Я даже больше не могу сказать, потому что вечность проходит в мгновение ока, но я могу получить общее представление о времени по множеству сообщений на моем телефоне. Больше всего посылает мама, она была со мной почти каждый час бодрствования, за исключением тех редких случаев, когда у нее есть другие, более неотложные дела. Ей кажется, что она не в себе, и ей нечего делать, но это совсем не так. Ло-Луо только что рассказывал мне о том, что мама - ее опора в эти смутные времена, даже больше, чем Аканай, который поклялся стоять с ней. Я должен что-то сказать, дать им знать, что все будет хорошо, но я не должен. Я никогда не избавлю себя от Трех Желаний, если продолжу взаимодействовать с внешним миром, реальным или воображаемым. Мои разорванные Натальные Души справятся с этим, и я уверен, что моя любовь дойдет до нее, потому что у меня не было другого выбора, кроме как разорвать ее очень большую часть.

Любовь хороша для души, но я не хочу, чтобы моя душа была хорошей. Я хочу, чтобы он был пустым и бесчувственным, потому что это единственный способ избавиться от жизненных невзгод.

Несмотря на свое намерение уйти, я просматриваю все полученные сообщения, чтобы снова что-то почувствовать, потому что, как бы я ни хотел ничего не чувствовать, я также скучаю по ощущениям, чему угодно. Такова двойственность человека. Грызущее беспокойство Яна, раздраженное нетерпение Милы, непоколебимый оптимизм Лин-Линя и эгоистичное идолопоклонство Ло-Луо - эмоции, которые они вызывают, наполняют меня всевозможными противоречивыми эмоциями. В основном любовь и чувство вины, но гораздо больше, и это ничем не отличается от озабоченности Сун, окрашенной искренней заботой, или душераздирающих безответных надежд Пин Пин, когда она каждый день лежит рядом со мной. Слишком много нужно обработать, и я быстро прерываю все, что могу, даже когда предаюсь эмоциям, прежде чем обратиться к чему-то менее захватывающему. Появляются фотографии мамы Бун, все в одинаковых позах, с ее лицом, прижатым к камере, и ее сопли на виду, но опять же, я могу прочитать тон позади них. Ее селфи - это ее способ спросить, почему я все еще сплю и могу ли я проснуться, потому что где-то по дороге милая мама Бун выяснила, что я все еще здесь. Не знаю, как это произошло, потому что я больше не всеведущ, каким бы ограниченным он ни был, и ограничен знанием того, что знают окружающие меня люди.

Все хорошо. Я отказался от ограниченного всеведения, потому что оно обеспечивалось Энергией Небес, и я не смогу достичь внутренней пустоты, если

не разорву эту связь. Компьютер выключен, пустота изолирована, за исключением этого глупого сотового телефона, который я случайно создал.

Странно то, что мама Бун не знает, откуда она знает, что я здесь, она просто знает, и это замечательно. Даже Пинг Пинг не догадалась, так как она все еще думает, что я ухожу в долгий сон, который она называет гибернацией. Не совсем, потому что у нее нет особого представления о языке, кроме нескольких имен и разрозненных концепций, но это более или менее то же самое. К сожалению, у меня нет другого выбора, кроме как отклонить просьбу мамы Бун, потому что, какими бы милыми ни были ее заносчивые селфи, это все же может быть гениальный трюк Чжэнь Ши, пытающегося добраться до моего дворца Натала и начать пытку заново.

Ладно, маловероятно, что это Чжэнь Ши, но все же ... ты никогда не будешь в безопасности.

Отрываясь от телефона, я кладу его лицевой стороной вниз на стол и снова погружаю колл-центр в темноту. Разорви все желания, разорви все эмоции, разорви все узы с красной пылью мира смертных. Natal Souls позаботятся обо всем без моей потребности направлять их. Это Правильный взгляд, первый шаг на восьмеричном пути, и я работаю над другими семью шагами здесь и сейчас. Правильное намерение, правильная речь, правильное действие, правильные средства к существованию, правильные усилия, правильная внимательность и правильная концентрация. Прогресс идет медленно, но, в конце концов, я пройду через все, избавлюсь от Трех Желаний и достигну забвения. Пустота внутри, сопоставимая с пустотой снаружи.

Вот почему я застрял на первом этапе. Мне еще предстоит найти правильное намерение, правильную причину для того, чтобы делать то, что я делаю, и я не могу соблюдать правильную речь, потому что продолжаю лгать себе. Мне нужно перестать проверять телефон, перестать думать о включении ПК, перестать интересоваться, как дела обстоят в реальном мире. Теперь это моя жизнь. Это мой путь. Больше никаких забот. Надежды больше нет. Больше никаких страданий.

Меня окружает тьма Пустоты, и я больше ничего не чувствую. В течение времени.

~~~~~

Сердце Сарнаи снова разбилось, когда она крепко обняла Тейта, и когда он, наконец, перестал с ней бороться, он почувствовал ее боль и обнял ее еще сильнее. Он был хорошим ребенком, и Тали тоже пришла сюда ради своей справедливой доли любви. Подняв их обоих на руки, она изобразила слабость и сказала: «О боже. Вы двое сейчас такие тяжелые. Чем тебя кормят родители?» Отведя их в сад, она сосредоточилась на двух своих любимых, чтобы пройти по

тропинке, не отвлекаясь на Проницательность, в то время как Алсанцет суетилась из-за Рейна и не позволяла никому отнести его. Девушка, казалось, считала, что никто другой не способен. о том, чтобы переместить его без травм, и потребовалось почти две недели, чтобы отправить ее домой, чтобы побыть с собственной семьей. Оказавшись внутри, Сарнай тепло приветствовал Чарока и Тадука поджатыми губами. потому что она могла сказать по его отвисшему выражению лица, что он еще не придумал план лечения Рейна. Бесплезный.

Не будь с ним слишком строгим. Он старается изо всех сил, но критическое мышление никогда не было его сильнейшей стороной. Ему нравится учиться методом проб и ошибок, и он не может вынести мысли о том, чтобы совершить здесь ошибку.

Уложив внуков, Сарнай вздохнула и с грустной улыбкой похлопала Тадука по щеке. Она знала, что это не так просто, но она ожидала чудес от святого врача, чудес, которые у него не было средств, и она не должна винить его за это. «Еда восхитительно пахнет», - сказала она, улыбаясь, когда ее послушные невестки раскладывали одеяла для пикника и вытаскивали из мешочка на поясе Тадука небольшой пакет духовных растений. «Пойдем, пошли, давайте все устроимся, чтобы поесть». Выдав горстку всем, кто хотел покормить животных, Сарнай сосредоточился на самой сладкой Мама Бун, подняв стебель ароматного духовного кориандра, испытательного растения, которое Тадук выращивал, чтобы кормить Рейн, но с тех пор оказалось неэффективным, независимо от того, как его подавали. . «Давай, милый зайчик», - напевала она, ее грудь сжалась, когда она наблюдала, как мама Бун продолжает игнорировать все в пользу дождя, даже когда Духовные растения касаются ее носа. «Вы не голодны?»

Подергиваясь носом, когда она приходила в себя, мама Бун посмотрела на Сарнай, посмотрела на духовный кориандр, затем снова посмотрела на Рейн, и можно было почти видеть, как колеса вращаются в ее голове. Схватив подношение из пальцев Сарнай, кролик приложил его ко рту Рейн, а затем топнул задними лапами, когда оно упало. Подняв кориандр, мама Бун снова положила его на рот Рейн, только на этот раз более осторожно, и в конечном итоге просто держала его на месте своим ртом, все время подергивая нос и слюняв губы.

Было и восхитительно мило, и ужасно неприятно видеть, как этот кролик ведет себя так альтруистично в надежде разбудить своего любимого человека. Поглаживая бедного кролика по ушам, Сарнай приподнял маму Бун и положил свежую веточку на рот Рейн, как гарнир в супе, и только увидев это, сладкий кролик соизволил съесть ее угощение.

"Хм". Тадук, склонившийся над ее плечом, с любопытством изучал маму Бун и Рейна. "Интересно. Кролик считает, что духовные растения могут помочь его разбудить. Как она пришла к такому выводу? Понимает ли она, что ест, или просто надеется, что ее любимые угощения убаюкивают его? Вздохнув, он покачал головой, сорвал испачканную рубашку и сказал: «Жаль, что у меня нет таланта готовить, иначе я мог бы раскрыть тайну, преследующую всех нас. Как те императорские повара превратили соевые бобы в небесный пудинг с тофу? »

Сдерживая резкую реплику вроде «Откуда мне знать», Сарнаи онемел от вспышки Проницательности. «Еда - не единственный способ употребления духовных растений. Разве Рейн не подружился с целителем, добившимся успеха в лечебных ваннах? »

"Тайи Чжу Шэнь?" Насмехаясь над всем укоренившимся высокомерием своего положения, Тадук наморщил нос и сказал: «Я бы не назвал его работу успешной». Медленно усвоив, он наконец загорелся пониманием, когда понял, что имел в виду Сарнай. "Ой. Лечебная ванна для Дождя? Хм. Возможно. Я свяжусь с ним. Это не должно быть трудным, он просил о встрече на прошлой неделе ... или, может быть, неделей ранее. Что-то о чем-то ... это не имеет значения. Линь-Линь! Куда я снова положил всю почту? »

Еще одна надежда, за которую нужно цепляться, и хотя Сарнаи боялась, что эта надежда окажется пустой, как и все остальное, она отказывалась сдаваться, пока есть жизнь, есть надежда.

Глава 656

Было приятно вернуться в Северную Цитадель.

Скрип цепей, шелест ветра и журчание фонтанов - эти знакомые звуки успокаивали Сонг, когда она все утро бездельничала на качелях, как она делала каждое утро на прошлой неделе. Это все еще было новым чувством - ничего не делать со своим временем, но, видя, как она не может слишком далеко отойти от лица Рейна, ей было трудно поддерживать продуктивность. Сестра Мила и Ян уехали сегодня рано утром вместе с Кёном и Учителем Ду, чтобы навестить племянницу Алсанцет и медитировать в бамбуковой роще. Хотя Сонг не могла присоединиться к ним из-за того, что Рейн осталась в Цитадели, она бы не захотела, даже если бы у нее была возможность, поскольку у нее все еще оставалось более чем достаточно проницательности и вдохновения, чтобы переварить. Слишком много было так же плохо, как и недостаточно, поэтому было бы неосмотрительно просить Высшую Мать о большем, чем она могла бы выдержать.

Обычно Сонг находила мистера Рустрама или кого-то еще из свиты Рейна, чтобы сразиться с ним, чтобы скоротать утро, но из-за дружеского соперничества, возникшего между свитой Рейна и быстро улучшавшимся Штормовым Стражем, мама взяла их всех с собой в тренировочную поездку. Корпус Смерти создан для плохих спарринг-партнеров, потому что без прямого приказа от Рейна или Луо-Луо они, как правило, сдерживаются во время спарринга с любым, кто не был другим охранником Корпуса Смерти. Они ничего не могли с этим поделать, потому что были вынуждены сделать это из-за своих Клятв, которые включали предостережение о том, чтобы не доставлять хлопот своему Учителю. Принуждение их к такой широкой Клятве было жестоко и злобно до крайности, поскольку «неприятности» были настолько расплывчатыми, что их

можно было интерпретировать почти как что угодно, включая проблемы с их кормлением и жильем.

Что только доказывало, что как бы плохо ни была жизнь, все всегда может ухудшиться.

Охваченная приступом меланхолии, Сун отложила мысли в сторону и бесцельно раскачивалась взад и вперед, поднимаясь все выше и выше, пока ей не пришлось работать, чтобы оставаться на своем месте. Позволяя своей инерции разыгаться, она улыбнулась, заметив Блэкджек и красную панду, сидевшую на ветвях, подбираясь ближе с каждым шагом, как будто слишком стесняясь, чтобы позволить ей увидеть их движение. Красная панда по крайней мере стеснялась, а Блэкджек просто подыгрывал, счастлив, что у него появился новый друг, над которым он мог безнаказанно издеваться. Замедляя свой замах до разумного темпа, Сонг протянула руку и сконцентрировала свою ауру, чтобы передать дружеское приглашение, с оттенком приятного возбуждения и безобидного веселья.

Замечательная вещь, эта ее продвинутая аура, позволяющая Сонг передать все эмоции, которые она не знала, как выразить словами, выражениями или действиями. Хотя люди не всегда положительно реагировали на эту форму невербального и несоматического общения, животные были совершенно другим типом, более чем счастливыми принимать ее сообщения за чистую монету и реагировать соответствующим образом. Для Блэкджека это означало уделить время его прыжку, чтобы он приземлился на колени Сонг на пике ее удара, где она тут же взяла его за руку, чтобы он случайно не улетел. Красная панда колебалась больше, чем Блэкджек, но когда Сонг замедлился, он собрался с духом и прыгнул, чтобы присоединиться к ним, его лапы были подбочены, когда он несся по воздуху.

За исключением того, что он идеально рассчитал свой прыжок, чтобы пропустить круг Сонг из-за дальнего удара.

Спрыгнув с качелей, она как можно осторожнее поймала красную панду и подавила хихиканье над его озадаченной гримасой. Сжав лапами ее предплечье в нервном предвкушении, она увидела, как колеса вращаются в его маленькой головке, гадая, не вывели ли его из безопасного места, но Сонг развернула свою ауру в полную силу, чтобы успокоить тревогу зверские нервы. Даже тогда он не расслаблялся, пока она не села на качели и не заставила цепи снова скрипеть, после чего он ослабил хватку настолько, чтобы Сонг усадила его к себе на колени, как малыша, обняв его за руку. живот и Блэкджек на его стороне, чтобы оба животных могли полностью оценить ветер в их шерсти.

Жаль, что принцессе не так нравились качели, как Блэкджек и красная панда. Мягко раскачивающаяся кушетка уже проверила пределы ее терпимости, кушетка, которую она потребовала для себя и изящно позволила невестке Сарнай спокойно и неподвижно находиться рядом с ней. Медведям, диким кошкам и

даже кроликам было запрещено присоединяться к ним, потому что ласки не нравилось, как они толкали качели, и она быстро выражала свое недовольство всякий раз, когда кто-либо из них пытался приблизиться. К счастью, брат Баатар был слишком счастлив разделить вторую качельку на диване, хотя только Саранхо и милый Джордж были достаточно храбры, чтобы присоединиться к нему, поскольку ботинки брата Баатара касались крыши веранды наверху с каждым качением.

Хорошо, что окно выходило в пустой коридор, а не в спальни Сун, Янь или Луо-Луо, иначе зловка Сарнай была бы спрятана, даже если бы у него был доступ к Гаданию и, следовательно, гораздо более легкий метод подглядывать, если ему так хотелось. Однако он был не из тех, кому совершенно не хватало блуждающего глаза Рейн, и Сонг опасалась за ее конфиденциальность, а также за конфиденциальность всех женщин Империи, когда он освоил этот трюк для себя.

В основном шутка, но не полностью. У Рейна всегда были проблемы с контролем над импульсами.

Нет, не делал. Делает. Хотя она не могла заглянуть в окно его спальни, она знала, что он лежал в постели с мамой Бун и Пинг Пинг рядом с ним, два послушных животных все еще ждали, когда он проснется. Никакого количества любви, утешения или принятия, выраженных через Ауру, было недостаточно, чтобы склонить кого-либо из них со стороны Рейн, и в последнее время Пинг Пин даже выражала недовольное недовольство всякий раз, когда Сун поднимала вопрос, хотя милая черепаха всегда преследовала ее ». сурово », - отвечает взрыв любящей Ауры, просто чтобы убедиться, что Сонг знает, что она все еще любима.

Восход солнца пришел и ушел, когда Сонг растратил время, а брат Баатар ушел с ним, чтобы удивить дежурное подразделение импровизированной проверкой. Вряд ли он использовал свое время наилучшим образом, но после столкновения с пиратами Хуанхузи на поле битвы около четырех недель назад он считал Имперскую армию откровенным позором из-за того, что она была менее дисциплинированной и собранной, чем оскверненные бандиты. И солдаты, и офицеры дрожали от его ухода, и, хотя рядовые были наказаны изнурительной физической подготовкой, брат Баатар не слишком стеснялся лишать командиров. Три майора и подполковник к настоящему времени вернулись в свои ряды, и, судя по его ворчанию, прозвучавшему вчера за обеденным столом, сегодняшнее «случайно» выбранное подразделение вскоре также потребует нового офицера. Какой ранг, он никогда не говорил,

Большинство согласилось с правильным решением, даже если солдаты наказаны за свои ошибки. Бывшие офицеры могли вопить и стонать, но в глубине души каждый солдат базы жаждал лидера, за которым следовало бы следовать, и в их рядах не было недостатка в талантах. После отказа от второй линии защиты Империя увидела всплеск новых талантов, когда новички и седые ветераны нашли новое направление на Боевом пути. Это было в дополнение к более чем трем тысячам иррегулярных войск, которые вернулись в качестве боевых воинов, инцидент, который слишком быстро перерос в жаркие споры. Были те, кто считал

шторм благословением и крещением Высшей Матерью, в то время как другие, такие как Боши и Муян, настаивали, что это работа Рейна, и этот аргумент привел к большой путанице при разговоре.

Лично Сонг разрывался между двумя первыми лагерями. Приписывать все эти чудеса Рейну казалось немного надуманным, но было слишком много странных совпадений, чтобы отрицать это сразу.

Наверху Сун услышала, как Ло-Ло прокралась проверить Рейн, и знала, что она скоро уйдет на завтрак. Хотя все еще поздно в восемь утра, это было заметное улучшение по сравнению с теми днями, когда Императорский Слуга просыпался за час до обеда, и когда она наконец вошла во двор, Сун спрыгнула с качелей, чтобы поприветствовать ее кивком. «Доброе утро, Ли-Ли», - пропела Луо-Луо, ее голос был таким же мелодичным, как и цитра. «Вам действительно не нужно прекращать получать удовольствие от моей учетной записи. Я всегда мог пойти на утреннюю тренировку в другое место». Качая головой, Сун оттолкнула животных, используя свою Ауру, чтобы заверить Ло-Ло, что она счастлива сделать это и что это не проблема, на что Имперский Слуга быстро ответил, заключив Сун в крепкие объятия. «О, Ли-Ли», - сказала она, поднимая Сун с ног на удивление сильными руками.

Щеки вспыхнули от теплых объятий высокой женщины, Сун считала, что бороться без объятий, но она не была уверена, сможет ли она сделать это, не причинив вреда Ло-Луо. Когда они впервые встретились, Императорский Слуга проиграл бы битву с Мамой Бун, но теперь она на самом деле была Воином. Хотя она и не была достаточно сильной, чтобы служить спарринг-партнером Сун, возможно, вскоре Ло-Ло догнала ее, поскольку она обладала феноменальным талантом, особенно с цепом со скипетром в руке. Оружие было одной из причин, по которой Сун была рада очистить двор для Ло-Ло, потому что чем меньше кто видел ее тренировки, тем лучше. До тех пор, пока они считали ее слабым, хрупким, заменяющим ее легатом, ее враги будут продолжать недооценивать ее решимость и думать, что ее легко запугать, если наступит противостояние, а это означает, что их ждет грубое пробуждение, когда они наконец решат попробовать. .

Все еще неся Блэкджек и красную панду, Сонг схватила Тони-Один, прежде чем присоединиться к принцессе и невестке Сарнаи на диване. Пожилая женщина погрузилась в свои мысли, но все же помнила, как приветствовала Сун улыбкой, на которую она ответила излитием поддерживающей Ауры. «Спасибо, дорогое сердце», - сказал Сарнай, заключив Сун в однорукое объятие. Расстроенная, что ее оставили в стороне, Принцесса осторожно легла на колени Сарнаю и положила подбородок на бедра Сун, вызвав низкий смешок у пожилой женщины. «Воистину изумительное чудо», - пробормотала она, прижавшись щекой к голове Сун, пока они все прижались друг к другу и смотрели, как Луо-Ло демонстрирует формы, о чем, как она думала, имел в виду Сарнай, пока она не продолжила: «Снова рассмешите старого дурака. и скажи мне, как работает твоя аура? »

Хотя это была всего лишь вежливая просьба, то, как Сарнай сформулировал вопрос, звучало почти как требование, и Сонг пришлось подавить волну кратковременного беспокойства, когда она рефлексивно пыталась

подчиниться. В такие моменты она больше всего скучала по Рейну, потому что он всегда тщательно подбирал слова, когда она участвовала, - привычка, которую она только что начала ценить сейчас, когда все остальные забывали делать то же самое. Тем не менее, это было немного, так как большая часть проблемы была в голове Сун, и она с радостью ответила на вопрос Сарнаи. «Я не знаю, как это работает», - начала она, просто чтобы прояснить, что она отвечает не объективной правдой, а, скорее, тем, как она ее воспринимает. Незначительное различие, но она видела, как рабы умирают за меньшее. «Я просто использую те эмоции, которые сейчас испытываю, и зажигаю оттуда свою ауру,

«Или наполнять вашу ауру ветром эмоций и плотно набивать ее той же почвой». Улыбаясь, похлопав Сонг по руке, Сарнаи сказал: «Я вижу, вы много работали, придумав более точные объяснения. Такая милая, послушная девушка.

Щеки Сун снова покраснели, она больше не могла скрывать свои эмоции так же легко, как раньше, и одна из них - быть более созвучной им. Еще одно необъяснимое чудо из той невероятной битвы, одно из многих, чтобы назвать. Не в первый раз Сонг посмотрела на окно спальни Рейна, и она лениво гадала, имеет ли он какое-либо отношение к ее улучшенной Ауре, или к превращению Нерегулярных в испытанных и настоящих Боевых Воинов, или к широко распространенным Инсайтам относительно Исцеления на основе Панацеи. так много разных людей получили с тех пор. Мир боевых воинов переживал беспрецедентные потрясения, чудеса происходили почти каждый день, а общеизвестные знания оспаривались на каждом шагу. Добавьте к этому внутреннюю рознь, вызванную отсутствием Дождя, оскверненным уходом с поля битвы,

Мать никогда не давала своим детям больше, чем они могли вынести, но, учитывая то, как Она действовала напрямую, чтобы увеличить силу человечества в целом, это означало, что надвигающееся бедствие вполне могло стать проблемой в масштабах, которых они никогда раньше не видели.

Каким-то образом почувствовав тревогу Сонг, Сарнай успокоил ее нервы, лишь слегка похлопав по руке - максимум, что она могла сделать, пока они уже были сжаты в теплых объятиях. Нет, это было не только ее присутствие, но и еще одно ощущение, что-то, говорящее Сонг, что у нее достаточно сил, чтобы вынести все, что может случиться, но она не знала источника этой уверенности. Ее глаза снова были обращены на окно спальни Рейна, почему-то подозревая, что она чувствует это его уверенность.

Потому что ... ему просто казалось, что он что-то сказал, именно так, как он это сказал. «Не стоит об этом беспокоиться», - она почти слышала, как он говорит, пожимая плечами, и добавляет: «Все получится». И все это время он внутренне беспокоился об одной и той же проблеме, как и о тысяче других, о которых Сонг даже не подумал бы, одна или несколько из которых могли неизбежно возникнуть. Он как-то общался с ней, несмотря на свою кому? Это могло бы объяснить настойчивость Мама Бун в попытке разбудить его, поскольку она никогда не беспокоила его так, когда он в последний раз впадал в кому, сразу после вознесения Пин Пин к Божественности. Возможно, сладкий кролик знал

что-то, чего не знали остальные, что Рейн знал об окружающем мире и каким-то образом на него реагировал.

...

Как смешно. Сон прочитал слишком много цветных проповедей Бошуи о «славе» Падающего дождя.

«Это не смешно». Каким-то образом прочитав мысли Сун, Сарнаи улыбнулась и покачала головой. «Тебя не так сложно читать, как я когда-то думал». Обернув взгляд на окно Рейн, Сарнаи повторила: «Это не смешно. Я тоже чувствую его присутствие вокруг нас, такое воодушевляющее, но совершенно лишенное энтузиазма и хорошего настроения. Я верю, что он там, заперт и дуется в своих снах, но все же каким-то образом осознает, что происходит вокруг него». Если кто-то и знал, так это Сарнаи, учитывая, как она недавно провела шесть месяцев в коме, но Сонг все еще не был полностью убежден. Увидев это, пожилая женщина улыбнулась и сказала: «Неважно, есть ли у вас сомнения, потому что моя вера не поколеблется. Он там, и ему нужна наша поддержка. Когда у вас будет время, поговорите с ним немного. Расскажи ему о том, что сделали животные, или ваши опасения по поводу Боевого Пути, или вообще что-нибудь еще. Это все, о чем я прошу».

И снова Сун потребовалось усилие воли, чтобы напомнить себе, что это не приказ, и что она не была вынуждена подчиняться, если это было так. Уловив ее дискомфорт, Сарнаи вопросительно приподняла бровь, но Сонг покачала головой и снова погрузилась в объятия доброй женщины, наблюдая, как Ло-Ло демонстрирует формы и вертит своей цепью в головокружительных гипнотических узорах. В то время как сестра Мила и сестра Турсинай сражались с одинаковым оружием, они продолжали вращать свои цепи по простым дугам, вычерчивая большой круговой узор, как правило, сверху. Напротив, цепь Луо-Луо была короче по длине, но Императорский Слуга оживил ее в своих руках, ее движения напоминали летающую змею. Взад и вперед он покачивался волнообразно, казалось, скользил на месте, прежде чем броситься вперед, чтобы нанести удар без предупреждения. Все было сделано легким движением ее запястья, не выдававшим никакого намерения. Ее выздоровление также было безупречным: голова змеи откинулась назад, прежде чем снова развернуться, на этот раз в горизонтальном взмахе, а не в стремительном щелчке, и пока у нее было достаточно силы для атаки, Луо-Луо могла убрать дюжину оскверненных. с этой, казалось бы, неосторожной атакой. Это была величайшая опасность, которую она представляла, потому что Демонстрация Ло-Луо выглядела элегантно и безобидно, пока не перестала возвращаться к спокойному и нежному танцу.

Так много прогресса за такое короткое время, в то время как Сун томилась посредственностью.

Было ли все человечество таким же посредственным, как ты? У вас есть свои сильные стороны и таланты, поэтому не отчаивайтесь.

Согретая этим редким моментом уверенности в себе, Сонг в который раз взглянула в окно Рейна. Вера Сарнаи была сильна, но Сонг питал необоснованные подозрения. Ее подозрения усилились, когда она последовала за Сарнаем наверх со всеми домашними животными, чтобы помочь Рейн одеться для компании, потому что, когда она поздоровалась с Пинг Пингом, мамой Бун, Сорией, Анри и его дружелюбной Аурой, она обнаружила, что больше не может достичь его, как будто он был закрыт для нее через мгновение после того, как ее Аура соединилась. Она сказала это, но Сарнай просто нахмурился и пожал плечами, сказав: «Странно. Я думал, что он преодолел свою неспособность чувствовать Ауру, но, возможно, проблема возникла снова. Независимо от того. Раньше исправлял, исправит снова ».

Положив Блэкджек, Тони Один и красную панду на кровать, Сонг обдумывал проблему, пока Сарнаи возился с одеждой и волосами Рейна. Не найдя подходящего ответа, Сонг помассировала щеки Аури и вместо этого указала на красную панду. «Нежелательно все время называть его« красная панда ». Мы должны дать ему имя ». Наблюдая за реакцией Рейна, она добавила: «Имя собственное, отличное от того, что выбрал бы Рейн».

Он не ответил, но Сонг этого не ожидал. «У него действительно странное чувство наименования», - признал Сарнаи, нежно поглаживая себя по щекам. «Хотя я нахожу эти маленькие бессмысленные имена довольно милыми. Как Джордж и Floofybunnikins, бессмысленная тарабарщина, но все же забавная.

«Он красная панда, так почему бы нам не называть его Красным?» Всегда рад вмешаться, Соря перестал связывать мантию Рейна и ткнул красной панды в хвост, только чтобы засмеяться, когда он прыгнул и крепко схватился за зад. «Гонконг такой милый».

«Слишком часто», - заявил Анри, и, судя по всему, Сарнай согласился. «Сходи в любую конюшню, и я гарантирую, что внутри тебя ждет хунхонг»

"Что о..."

Пока близнецы обменивались именами с Сарнаем, Сонг сосредоточился на Рейне и Отправленном: «Какое имя вы бы дали ему?»

~~~~~

Еще один день, еще один текст. А может, в тот же день. Пока не знаю.

Не отвечай.

Просто проигнорируйте это.

Я не вижу экран, только свет, который он излучает, и он скоро погаснет, если я оставлю его в покое.

Тем не менее, телефон не загорелся бы, если бы это не было чем-то важным, например, безопасностью и благополучием моих близких. Вот как я все это устроил. Компьютер - это большая связь с внешним миром, ограниченное всеведение и все такое, в то время как телефон ... меньше по размеру, с меньшей вычислительной мощностью и приложениями, в основном это просто способ для внешнего мира связаться со мной. Технически я мог бы использовать любой из них, чтобы сделать и то, и другое, но разделение намерений важно при создании ключевых камней, даже тех, которые были поспешно собраны вместе из-за бессознательной потребности.

Значит, это важно. Это могла быть жизнь и смерть.

Я должен просто проверить.

Это не может быть слишком больно.

Я всегда могу избавиться от эмоций, если понадобится.

Кроме того, кто знает, как долго я сижу здесь, во тьме Пустоты? Может быть, секунды. Могли быть годы. Не узнаю, пока не проверю телефон, верно?

В тот момент, когда я решаю проверить, телефон оказывается у меня в руке, хотя я не помню, чтобы тянулся к нему или даже двигал рукой. Это хорошо. Это означает, что я все больше отдаляюсь от своего физического тела, что мой разум адаптируется к забвению. Прогресс. Один шаг вперед, два шага назад, пока я пролистываю все сопливые селфи Мамы Бун. Слишком мило, но я не могу продолжать ее утешать, потому что, вероятно, именно так она догадалась, что я все еще здесь. Пока что она единственная, кто заметил, так что это хорошо. Страсть и тоска со стороны Яня, нежное разочарование со стороны Милы, беззаветная преданность со стороны Луо-Луо, любовь и банальности со стороны мамы, по сути дела. Теплые и неясные чувства, все это мне больно, но я делаю

это независимо от моих оговорок. Единственное, что следует отметить, - это несколько заблудших мыслей Сории и Анри, оба сильнее, чем кажется. Не физически сильнее, а морально, потому что иногда даже я забываю, что они оба технически рабы. Они всегда такие бодрые и счастливые, что легко упустить из виду тот факт, что они оба прожили тяжелую жизнь, но они никогда не сдавались. Они никогда не сдались. Они улыбались и продолжали сражаться, потому что больше ничего не могли сделать.

Не как я. Я сдался. Вот почему я нахожусь здесь. Потому что я не могу вырезать это там, в реальном или воображаемом мире. Я должен чувствовать стыд или вину, но не чувствую. Они ушли, разделенные остальными моими эмоциями. Я сейчас за пределами всего этого. Я принял свою слабость, потому что это единственный способ вынести.

Следующий текст сопровождает всплеск эмоций, и я бессознательно его оборвал. Я пытаюсь избавиться от всех эмоций, поэтому я не могу волей-неволей принимать их от других людей, иначе я никогда не достигну забвения. Аура от Песни, дружеское приветствие, и я могу сказать, что в последнее время она чаще использовала свою ауру. Это мило, она не умеет выражать эмоции словами или действиями, поэтому просто делает это через Ауру. Неплохой способ сделать это, так как вы действительно можете делиться искренними эмоциями только через Ауру, точно так же, как вы можете оратировать только с искренней страстью. Эмоции. Это то, чего жаждет Небесная Энергия, и поэтому мне нужно избавиться от всего моего. Пустота внутри, сопоставимая с пустотой ...

Ебена мать. Песня хочет назвать красную панду.

...Хорошо. Это большое. Это важно. Как мы его назовем? Гуань Суо? Это кажется бестактным и, возможно, даже неточным. Мне следовало подумать об этом, пока я был всеведущим, но я не подумал, поэтому я понятия не имею, кто эта красная панда на самом деле. Полагаю, это парадокс Корабля Тесея. Красная панда вполне может быть возрожденной Гуань Суо, но если ничего от первоначального Гуань Суо не осталось, остается ли это Гуань Суо? Это также может быть Натальная Душа Пинг Пинг в физической форме, гигантская красная панда, которую она приносила мне в гости каждый раз, когда я был там. Ага. Натальная душа. Да, кажется, правильно. Означает ли это, что все другие живые существа в Натальном дворце Пинг Пин также были Натальными Душами? Или она создала внеконфессиональных Призраков, отрезанные части ее собственной души, сформированные с намерением и наполненные эмоциями,

Это кажется... опасным. Не могла ли одна из этих Натальных Душ взять верх? Стоит ли мне проверить Натальный дворец Пинг Пин? К настоящему времени она наверняка изменила его. Нет, о чем я думаю? Это может быть ловушка. После того, что случилось в прошлый раз, зачем мне снова уезжать? Почему я такой глупый? Вероятно, это еще одна хитрая уловка Чжэнь Ши, снова пытающаяся меня выманить. Черт, возможно, я даже не в безопасности. Кто сказал, что он не может войти и вытащить меня? То, что он не делал этого раньше, не означает, что это невозможно. Возможно, было проще убедить меня уйти самой.

Закрой это. Выключи все это. Забудьте называть красную панду, забудьте проверить Ping Ping, забудьте все мои вопросы и любопытство. Забудьте мой страх, мой стыд, мой гнев и ненависть к себе, забудьте мою любовь, мою привязанность, мое стремление и многое другое. Разорви все это, ищи пустоту внутри, и наступит мир и спокойствие.

Телефон гаснет, и я снова живу в Пустоте.

Я никто, ничто.

Вот где я принадлежу.

Здесь, наедине с ничто.

Время проходит. Минута, час, день, не знаю сколько.

Мои нервы покалывают от головы до пальцев ног.

На моей коже открываются поры.

Меня пронизывает теплый освежающий ветерок.

Он оседает в моем животе, успокаивая.

Тот, который заставляет мое беспокойство резко возрастать.

Небесная энергия. Это Небесная Энергия, оседающая не в моем Ядре, которое расколото и опустошено, а в самом моем физическом теле. В моем бедственном положении я обнаружил, что не могу перекрыть поток, потому что я уже разорвал все связи со своей физической формой, по крайней мере, я так думал. Нет, я **сделал** разорвать эти связи, но Небесная Энергия восстанавливает их, и в моем нынешнем, квази-неактивном состоянии, мне не хватает мощности, чтобы разорвать их еще раз. Небесная Энергия просачивается в меня, и я ничего не могу делать, кроме как наблюдать за ее продвижением и оплакивать свою неудачу, пока мне не приходит в голову проверить телефон. Там нет ничего, что могло бы объяснить то, что происходит, кроме присутствия нескольких старых друзей, и

мне не оставалось другого выбора, кроме как включить компьютер и снова надеть гарнитуру, чтобы попытаться найти выход из этого беспорядка.

Долгое ожидание терзает меня своей мучительной летаргией, ПК медленно загружается, потому что я так сделал. Это часть пакета услуг колл-центра, где мечты умирают, и, как бы мило это ни было сделать этот опыт подлинным, сейчас он действительно кусает меня в задницу.

Черт возьми. Я потратил все это время на то, чтобы избавиться от эмоций, памяти и личности, но теперь все это снова вернулось в избытке.

Монитор мигает, и мое возобновленное ограниченное всеведение говорит мне, что я не добился такого успеха, как я думал, потому что снова мои способности отрицания и самообмана унесли меня далеко. Я только думал, что продвигаюсь к забвению, но я не дальше, чем когда я только начал, все из-за моего постоянно гудящего телефона. Я должен был притвориться, будто принимаю только самые важные сообщения, но вместо этого я почти ничего не отфильтровывал, кроме Ауры любви Пинг Пин. Бедная девочка вне себя от горя, но, по крайней мере, она не так далеко зашла, чтобы поддаться слабости, и даже сейчас весело плавает. Призраки ее разума - это не то, что я изначально думал, и на самом деле они могут быть более полезными, чем вредными, но только потому, что она такое чистое и добросердечное существо. Неудивительно, что Натальный Дворец Понг Понга был лишен жизни, потому что любые Призраки, которые он создал, будут испорчены его собственным опытом, так сказать, плодом отравленного дерева. То же самое и со мной, поэтому я подсознательно обнаружил, что все жители моей деревни Натальского дворца жуткие и тревожные, хотя, к счастью, в конце концов я избавился от них всех.

Ну ... все, кроме одного, за которого я цеплялся, пока не стало почти слишком поздно. Махакала спас меня разными способами, и я только сейчас осознаю это.

Пока одна часть меня борется с этой новообретенной истиной, другая часть оценивает мою нынешнюю дилемму, и все становится ясным. Теперь я не в спальне в усадьбе, а в ванной, а не в мраморной ванне, вырубленной в земле. Вместо этого я сижу, уютно устроившись в переносной каменной ванне, которой я так сильно наслаждался, но я просачиваюсь не водой, или, по крайней мере, не одной водой. Для меня приготовили лечебную ванну, используя формулу, составленную Тадуком и Ли ТиГуай, с помощью Тайи Чжу Шэнь, Таоканг Гейян и Лишан Сужен, трех целителей, с которыми я познакомился еще в Синудзи. Кажется, будто целую жизнь назад, но на самом деле прошло меньше года, но с тех пор за это время произошло столько всего. Все они присутствуют здесь и сейчас, в режиме ожидания, чтобы убедиться, что ничего не пойдет не так, и чтобы их опыт был доступен в случае необходимости.

«Медленно и верно», - говорит Ли ТиеГуай, предупреждая своего наставника, который перемешивает. Несмотря на свои многочисленные неудачи, Тайи Чжу Шен по-прежнему остается самым опытным человеком в этой комнате, когда дело

доходит до приготовления лечебных ванн, поэтому все участники сочли, что лучше оставить это ему. «Вместо одной длинной ванны для очищения тела безопаснее использовать несколько более коротких ванн».

«Да, конечно», - отвечает Чжу Шен, гордый, как павлин, своим блестящим учеником, и более чем рад выполнять приказы, посыпая своего рода порошком из мерной ложки, тщательно перемешивая нагретую воду. «Не знаю, почему я не видел этого раньше. Спешка тратит, как говорится, поспешность тратит».

"Осторожный!" TieGuaі наклоняется вперед на костылях, в то время как его младшие братья, Tao Zi и PingGuo, помогают поддерживать его вес, их травмы давно зажили, а гордость восстановлена. Слухи об их подвигах распространились повсюду, и они больше не называются неудачниками в лицо, хотя за закрытыми дверями многие до сих пор называют их уродами и мерзостями. Но это не имеет значения, потому что все, что их волнует, - это репутация своего наставника, которая теперь была восстановлена благодаря их героизму, героизму, которого, как они считают, они не смогли бы добиться без моей помощи. Для этого и многого другого этот квартет Мастера и Ученика приложил все усилия, чтобы помочь моему выздоровлению, даже запугивая других незнакомцев в комнате, чтобы они дали клятву хранить все это в секрете. «Лекарство должно проникнуть в его кровеносные сосуды, но не настолько, чтобы достичь его костей.

«Конечно, конечно, моя ошибка». На самом деле, нет. ZhuShen правильно оценил мои пределы, а TieGuaі просто слишком осторожен, но это нормально, потому что это означает, что у меня больше времени на размышления. Что мне делать? Шепот им в уши, чтобы заставить их остановиться? Нет, я не могу этого сделать, потому что тогда я ничем не отличался бы от Чжэнь Ши. Правда тоже не сработает, потому что я не могу признаться в своей слабости людям, которые меня больше всего любят, и я не уверен, что это даже повлияет на маму. Она, вероятно, вернула бы меня к жизни, постоянно брыкаясь и крича, а затем начитывала мне, что я эгоистичен из-за того, что хочу оставить их всех позади. Это то, что я делаю, но я могу только вынести это, потому что я не уверен, насколько все это реально. Я знаю, что если мое тело будет очищено, как ожидалось, оставшаяся Небесная Энергия изменит форму и реформирует мое Ядро, и тогда я больше не смогу изолировать себя от своих восприятий. У меня не будет выбора, кроме как проснуться, потому что мое тело заставит меня осознать, как только мой мочевой пузырь наполнится и сработают мои инстинкты.

Мой путь к забвению будет побежден моей потребностью в моче. Какая. Настоящий. Блядь?

Хуже всего? Я был тем, кто посеял эту идею в уме TieGuaі, так что посеял ли я семена собственного поражения? Или Чжэнь Ши услышал то, что я сказал «TieGuaі», и использует это, чтобы заставить меня вернуться в мир бодрствования и столкнуться с болью и страданием, которые меня ждут? Замороженный в нерешительности, я сижу за монитором и смотрю на происходящее, гадая, что мне делать дальше. У меня еще есть несколько недель до того, как лечебные ванны покажут результаты, но это еще ничего. Часы идут, и даже имея всю

информацию в мире, я понятия не имею, что я могу сделать, чтобы остановить свое неизбежное возвращение к реальности.

Я не могу этого сделать. Я не готов. Мне нужно больше времени.

Пожалуйста.

Помоги мне.

Кто то.

Кто угодно.

...

И, как всегда, мои молитвы остаются без ответа, а это значит, что если я хочу остаться здесь, в пустоте, мне придется сделать это сам.

Глава 657

«За хорошую еду, хорошее вино и хорошую компанию!»

Осушив чашку досуха одним глотком, Ниан Зу наслаждался теплом, разливающимся по его животу, полностью наслаждаясь новогодними праздниками. На первый взгляд бекхайцы казались холодными, неразговорчивыми, лишенными чувства юмора изоляционистами, которые очень подозрительно относились к незнакомцам, но как только вы прошли через их колючие, охраняемые раковины и попали в их благосклонность, они стали до крайности теплыми и гостеприимными. Щедрый по отношению к друзьям и трудный с незнакомцами - вот что кратко охарактеризовало Бекхай, но после более чем года совместной работы через горе и горе, он был рад, что наконец попал в их внутренний круг.

Нет, возможно, его пригласили намного раньше, теперь, когда он подумал об этом. Во время празднования Нового года в прошлом году Баатар пригласил его насладиться концертом Чжэн Луо на открытом воздухе, но Нянь Цзу воспринял это как политическую уловку. Трудно не учитывать, как разворачивались дела, начиная с того, что Императорская консорт раскрыла свои потрясающие музыкальные таланты, а затем на сцену вышли юноши Бекхай, чтобы продемонстрировать свое воинское мастерство, и все завершилось тем, что

Герель проявил себя как Пиковый эксперт и восходящий дракон, молодой Лу Ань Цзин или Дугу Тянь Ша в процессе создания. Все увидели в концерте демонстрацию силы, бекхай продемонстрировали свои скрытые таланты, чтобы лучше поддержать недавно искалеченный Falling Rain, но Нянь Зу теперь знал лучше. Этот концерт был устроен не для их врагов, а для их друзей,

Это больше соответствовало их образу мышления, теперь он это понял. Как показали недавние события, Аканай был мощным центром, сопоставимым с генерал-полковниками Империи, и сам Баатар не сильно отставал. Если бы они действительно хотели предупредить своих врагов, любой из них мог бы вызвать Ранг Мина на дуэль, вместо того, чтобы позволить молодому Воину сражаться за них. Нет, задача была идеей Герела, потому что молодой голодный дракон всегда стремился испытать свой клинок против знаменитых воинов. Хотя Нянь Цзу был объективно сильнее юноши с немалым отрывом, сила не всегда гарантировала победу в бою, она только повышала вероятность победы. Несмотря на то, что сейчас несколько сотен спаррингов с молодым Герелем и ловкая победа в каждом матче,

Таков был способ сражения. Хотя по статистике он выигрывал 999 битв из 1000 раз, неважно, если бы они сражались только один раз, и Герелу «повезло» выйти победителем, а не в реальном матче на смерть.

Развалившись в кресле слева от Нянь Зу, молодой муж Юйчжэнь произвел на него впечатление, и не только из-за своей красивой внешности или модной одежды. С его длинными волосами, завязанными в пучок и удерживаемыми сложной серебряной лентой, он выглядел идеальной частью Имперского Героя, а любящий взгляд, предназначенный для его жены, заставлял его казаться еще более близким. Они часто были предметом разговоров Империи, блестящего полуживотного Маршала и ее преданного молодого Дракона мужа, двух могущественных личностей, которые явно были по уши друг за друга. Как бы измученно это ни звучало, настоящая любовь была редкостью среди благородной элиты, но людям очень нравилось видеть, как это происходит. В театрах «Цитадели» уже демонстрировались стилизованные драмы с участием Южена и Герела, большинство из которых пользовались бешеной популярностью, но не имели под собой правды. Нянь Зу смотрел больше всего,

Обернув взгляд на другую любящую пару человек / полуживотное в комнате, Нянь Зу признал, что драматурги могли что-то понять. Баатар и Сарнаи были влюблены так же сильно, как Герел и Юужен, если не больше, но где последние казались идеальными друг для друга, видя первых бок о бок, создавало горько-сладкое зрелище. Хотя Сарнаи все еще была красивой женщиной, ей было почти восемьдесят лет, и это было видно, но черты лица Баатара казались нетронутыми временем. Если бы не любовь и страсть в их глазах, можно было бы подумать, что они - мать и сын, а Падающий Дождь - внук Сарнаи. Они были красивой парой, которая явно все еще была влюблена после того, как прожила вместе всю жизнь, но, увидев резкий контраст между их предполагаемым возрастом, вызвала чувство меланхолии, которое Ниан Зу не мог поколебать, потому что чем более любящая пара,

По крайней мере, Баатар и Сарнаи были умнее, чем он когда-либо, дорожили тем, что у них было вместе, вместо того, чтобы ждать «еще одного дня». Ду И даже не нашел времени, чтобы попрощаться с ним, оставив только письмо, которое он предупредил Нянь Зу сжечь после прочтения, чего он никогда не делал. Это письмо было всем, что у него осталось от человека, которого он любил, человека, на котором он хотел бы жениться. Зачем ему это сжигать? Кому оставалось даже заботиться?

Те, кого это волнует, не имеют значения, а те, кто имеет значение, не заботятся.

Ободренный этой мыслью, Ниан Зу перешел к более счастливой теме. Увидев, какую чудесную работу Ючжэнь проделала со своим мужем, он надеялся, что она сможет творить чудеса с Баатаром, но этот человек не поддавался изменению. Легко забыть, что он был также старым скрягой, так как выглядел едва ли старше самого Герела, но герой-полуволок был настроен на свой лад и упрям. Украсить его серебристые волосы в черный цвет и позволить им отрасти во многом помогло бы народу Империи принять его, но упрямый мужчина этого не допустил бы, не говоря уже о том, чтобы убедить его взять вторую, более молодую жену, хотя бы для Показать. Даже заставив его обменять свой *goosequin* на лошадь, он ворчал уже несколько недель, и, узнав, что верховое животное Баатара было духовным зверем, Нянь Зу, по крайней мере, понял, почему.

Несмотря на то, что они сражались бок о бок так долго, Бекхай все же сумел сдержать несколько сюрпризов, и он подозревал, что им еще есть чем поделиться.

Независимо от того. Хотя простые люди мало любили Баатара, этого нельзя было сказать о солдатах под его командованием, даже о тех, кого он дисциплинировал и публично унижал. Почему, Ниан Зу мог только догадываться, но он полагал, что это имело отношение к особой разновидности непропорциональной справедливости Баатара. Обычно это означало, что богатые солдаты и офицеры с хорошими связями получали полную свободу действий, в то время как те, у кого не было сильных сторонников, наказывались даже за незначительные нарушения, но в глазах Баатара, чем выше был ранг, тем больше была ответственность. Они должны нести ответственность за все, что пошло не так. В то время как отдельный солдат мог получить дополнительную подготовку или физическую нагрузку за нарушение дисциплины, их командиры обычно страдали хуже, поскольку Баатар считал отсутствие дисциплины недостатком в руководстве. Если будет обнаружено, что слишком много солдат в одном отряде не хватает, их командир также будет наказан, и соотношение будет справедливым для младших офицеров и их командиров более высокого ранга. Несколько офицеров были уволены из армии и еще больше лишены звания, и хотя его действия сделали его много врагов, Баатар не обращал внимания на взятки и угрозы, которые приходили на его пути, потому что его целью не было подняться через стрит и накапливать деньги и власть, но исключительно для защиты Империи от Врага.

На протяжении почти шестидесяти лет Нянь Зу искал кого-то с такой преданностью жениху, как его преемник, и ему было больно осознавать, насколько редким было это чувство на самом деле. Баатар мог рассматривать себя как одного из бехайцев и проявлять предубеждение против незнакомцев в

своей личной жизни, но когда дело доходило до службы в армии, он не видел семьи или принадлежности, только товарищей и осложнений. Избавление от осложнений не принесло ему никакой пользы в политическом плане, но кадровые солдаты под его командованием полностью оценили его действия, потому что Мать знает, что высшие чины имели больший вес, чем многие думали. Многие из украшенных офицеров, служивших под командованием Нянь Цзу, стоили меньше резных нефритовых жетонов, обозначающих их звание, и были такими же яркими, но политика создавалась для странных товарищей по постели, по крайней мере, так говорилось. Теперь, когда Баатар,

Или, по крайней мере, Северная Императорская армия была лучше для этого. Ничто из того, что сказал или сделал Нянь Зу, не повлияло бы на другие провинции, и, по правде говоря, он предпочитал именно так.

Улыбаясь, когда Юйчжэнь в который раз послушно наполнял свою чашку, Нянь Цзу мысленно покачал головой и усмехнулся. Когда он стал таким старым и измученным, что не мог отвлечься от работы ни на одну ночь? Здесь, на новогоднем банкете в кругу друзей, была редкая возможность расслабиться и облегчить свои заботы, хотя бы на несколько часов, и большую часть этого времени он провел, сетуя на то, что все было не так, как должно быть. Ду И рассмеялся бы, если бы наблюдал с высоты, и был бы прав. Работайте как можно усерднее, спите как можно чаще и в остальное время играйте - это была мантра Ду И, даже если его график не позволял много спать или играть. Тем не менее, если у Нянь Цзу и было время повеселиться, так это здесь и сейчас, на заре нового года вместе со всеми людьми, о которых он заботился.

Организованные Баатаром и Сарнаем, они не пожалели средств на торжество и сохранили его в достаточно интимной обстановке, несмотря на длинный список участников. Помимо членов семьи, в которую входили Аканай, Ду Мин Гю и Святой Медицинский Тадук, были приглашены только самые близкие друзья, но Бекхай сделал много с тех пор, как приехал в Централ. Таоканг Гейян, Лишан Сучжэнь, Тайи Чжу Шэнь и его ученик Ли Тие Гуай были почетными гостями, а Нянь Цзу сидел на почетном месте из-за своего ранга. Среди других заметных участников были мировой судья Тонг Да Хай и его сын Тонг Да Фунг, Бохай и Бошуи, Цзя Ян и его племянник Цзя Цзянь, а также группа других доверенных лиц, которые собрались здесь, чтобы поделиться хорошими новостями Баатара и Сарная, поскольку Падающий дождь был снова в добром здравии и снова амбулаторно.

Глядя в пустой взгляд самого молодого легата, Ниан Зу подавил вздох сожаления и задумался, не ошиблись ли они, разоблачив юного Рейна в его нынешнем состоянии. Хотя он больше не находится в коме и теперь может стоять, ходить и даже есть, если дать ему достаточно времени, выздоровление Falling Rain было далеко не полным. Физически у него было прекрасное здоровье, лучше, чем за последние несколько месяцев, но разум бедного мальчика еще не вернулся. За его янтарными глазами ничего не скрывалось, ничего отдаленно напоминающего осознанность, просто пустой разум, соответствующий его пустому выражению лица, когда он сидел и смотрел в никуда. Чтобы довести его до такого уровня, потребовалось несколько недель лечения, которое, как подозревал Нянь Зу, стоило ему огромных состояний в Spiritual Plants, но, по крайней мере, молодой Рейн больше не был мертв для этого мира. Отсюда рассуждение Южена о предложении этого банкета:

К сожалению, это была полная степень восстановления Falling Rain, и проблемы вызывали крайнюю тревогу. Таким образом, были приглашены только надежные друзья и союзники, и место встречи, окруженное Корпусом Смерти, Имперскими солдатами, Экспертами Бекхай и другими, и все с Доменами, развернутыми для блокирования Гадания и постоянного приказа убить любого и каждого, кто мог бы случайно обнаружить Немошь легата. Риск вывести его таким образом, но риск, на который они должны были пойти, потому что внешние провинции быстро распадались без его присутствия, чтобы объединить их. Глупо ссориться из-за чьего мнения должно быть больше всего, но Ниан Зу не смог убедить своих коллег из Центра увидеть смысл, в то время как Южен и Центральный маршал Йо Чжунг-Хун не смогли повлиять на Южного маршала Куен Хыонга, который был занят вопросом замены недавно скончавшегося генерал-полковника Тран Хоанга. Со стороны Нянь Цзу мог подумать, что стальной маршал твердо контролирует всю свою провинцию, но, как и Общество Неба и Земли, Юг вместе противостоял внешнему давлению, а это означало, что они, вероятно, были гораздо менее сплоченными, чем он раньше верил. Жалко, потому что, если бы Юг остался неразделенным, тогда он мог бы работать с ними, чтобы оказать давление на Централ, чтобы не дать Шуай Цзяо и Ре Дэ Чжон выйти из-под контроля. Это означало, что они, вероятно, были гораздо менее сплоченными, чем он думал ранее. Жалко, потому что, если бы Юг остался неразделенным, тогда он мог бы работать с ними, чтобы оказать давление на Централ, чтобы не дать Шуай Цзяо и Ре Дэ Чжон выйти из-под контроля. Это означало, что они, вероятно, были гораздо менее сплоченными, чем он считал ранее. Жалко, потому что, если бы Юг остался неразделенным, тогда он мог бы работать с ними, чтобы оказать давление на Централ, чтобы не дать Шуай Цзяо и Ре Дэ Чжон выйти из-под контроля.

Обернувшись к юному легату, Ниан Зу увидел, как мальчик машинально ест еду перед ним, и подавил еще один вздох. Слухи об амбулаторном проливном дожде могли удержать центральную и южную части в рамках еще одного месяца, но ничто иное, как его прямое вмешательство, не разрушило бы метафорические стены между внешними провинциями. Если бы он знал, что это может произойти, Нянь Зу никогда бы не позволил Рейну привести подкрепление в Замок Цзянху и удержал его в Цитадели, где это было безопасно, но было трудно спорить с ним, когда его простое присутствие добавляло десятки тысяч Стражи Корпуса Смерти и три тысячи Королевских Стражей на львах вышли на поле боя.

Толкнувшись локтем юного Южэня, Нянь Цзу пришел в себя, когда она послала: «Перестань пялиться. Ваши мысли открыты для всеобщего обозрения».

Черт. Сарнаи тоже заметил его, а это означало, что ему придется подойти и извиниться. Наполнив еще одну чашку вина, чтобы набраться храбрости, Нянь Зу встал и направился успокоить колючую женщину. «Мальчик выглядит хорошо», - начал он, нежно похлопывая молодого Рейна по плечу, чтобы не сломать его. «На удивление хорошо», - добавил он, внимательно изучив мальчика и отметив, насколько бодрым и здоровым он выглядел. Хотя тело Рейна все еще далеки от того, чтобы его считали привязанным к ремням, тело Рейна не было таким тощим, как ожидал Ниан Зу, его твердые мышцы были видны под его свободной шелковой мантией, но не были растянуты до предела, как когда-то. Впервые с тех пор, как он разбил Ядро, на лице мальчика также не было следов прыщей, потому что даже после того, как он взял их под контроль, у него все еще было несколько

вспышек здесь и там. Предположительно, распространенная дилемма среди юношей без ядер, часто сопровождающаяся неприятным запахом тела, с которым мальчик боролся в прошлом, но теперь казалось, что он излечился от того, что его беспокоило. "Его...? Он...?"

Хотя он оставил вопрос без ответа, Баатар понял, что имел в виду Нянь Зу, и кивнул. «Он подозревает, что ядро мальчика починили», - послал он, указывая на Святого врача. «Как, я не понимаю, но это как-то связано с лечебными ваннами, помогающими очистить его физическое тело, которое затем залечило его метафизические раны. Ядро влияет на физическое тело, так почему бы не наоборот? Это насколько я понимаю, но кроме его сознания, я не заметил никакой разницы, которая указала бы на утонченное физическое тело, кроме способности легко провести обычным ножом по его коже, не оставляя следов. Надавите достаточно сильно, чтобы оставить отметину на дереве, и он все равно будет кровоточить, что вряд ли заслуживает внимания. Улыбаясь и пожимая плечами, Баатар добавил: «Это не имеет значения. Я не знаю, почему и как, меня волнует только то, что мой сын жив и здоров».

Утонченность физического тела, мечта или шутка, в зависимости от того, кого спрашивали, но казалось, что жизненные амбиции Тайи Чжу Шена наконец осуществились сегодня. «Есть ли способ приобрести себе одну из этих лечебных ванн?» Спротивляясь побуждению потерять запястья, которые в последнее время всегда болели, Нянь Зу добавил: «Я все понесу».

«Уже ведется работа». Красиво подмигивая, Баатар послал: «На данный момент только Тайи Чжу Шен обладает необходимыми знаниями, чтобы управлять теплом и дозировкой, хотя, на мой взгляд, это выглядело так, как будто они просто тушили моего сына в горячей ванне со специями в течение часа каждый день для последние три недели. Если вы желаете дальнейших объяснений, вам нужно будет поговорить с целителями самостоятельно, но как только они определят правильные дозировки и время, вы будете одними из первых, кто примет участие». С полуулыбкой и плохо скрываемым весельем Баатар добавил: «Мы решили, что лучше не использовать уважаемого генерал-полковника в качестве одного из наших подопытных для менее опытных целителей, но если вы согласны с этой идеей ...»

Подопытные? Как в множестве? Может быть, Бекхай тоже сидел на скрытом поле духовных растений? Иначе как объяснить их способность создавать столько лечебных ванн? Обменявшись еще несколькими любезностями с Баатаром, изучая Рейн и избегая гнева Сарная, Нянь Зу извинился и пошел поговорить с Тайи Чжу Шеном. Хотя до неприличия богатый Целитель игнорировал его, его обсуждение с другими Целителями было сосредоточено на точной теме, которая интересовала Нянь Цзу, и хотя он был крайне не подготовлен для участия в дискуссии, он знал достаточно, чтобы следить за большей частью происходящего. сказал. В общем, Рейн за тридцать два часа принимал ванну с большими затратами и теперь обладал телом немного более выносливым, чем средний воинственный воин. хотя Святой Медик утверждал, что это произошло либо из-за более низкой отправной точки Рейна, либо из-за необходимости большего количества ванн, которые, несомненно, продолжатся. Целительница Лишан Сужен утверждала, что, какими бы полезными ни были эти ванны, они вряд ли были рентабельными и неразумно для широкого использования, учитывая недостаток воды. Более того, она

процитировала исследование, которое показало, что духовные растения со временем теряли эффективность после выкорчевывания, поэтому без доступа к самому все еще живому растению было бы почти невозможно заранее предоставить кому-либо необходимые дозировки или гарантировать доступность будущих ингредиентов. чтобы довести процесс до конца. они вряд ли были рентабельны и не имели смысла для широкого использования, учитывая недостаток снабжения. Более того, она процитировала исследование, которое показало, что духовные растения со временем теряли эффективность после выкорчевывания, поэтому без доступа к самому все еще живому растению было бы почти невозможно заранее предоставить кому-либо необходимые дозировки или гарантировать доступность будущих ингредиентов. чтобы довести процесс до конца. они вряд ли были рентабельны и не имели смысла для широкого использования, учитывая недостаток снабжения. Более того, она процитировала исследование, которое показало, что духовные растения со временем теряли эффективность после выкорчевывания, поэтому без доступа к самому все еще живому растению было бы почти невозможно заранее предоставить кому-либо необходимые дозировки или гарантировать доступность будущих ингредиентов. чтобы довести процесс до конца.

Что касается Тайи Чжу Шена, он признал все теории Тадука и аргументы Сужэня, даже не обращая к ним, более взволнованный тем, что это **можно** сделать, вместо того, чтобы беспокоиться о `` ничтожных деталях `` расходов, эффективности и действенности, деталях, которые были наиболее важны для Ниан Зу. Даже если это не могло дать ему стального тела, он был в том возрасте, когда он готов был сделать все, чтобы замедлить неуклонный упадок своего физического тела всего на несколько лет. Ду Мин Гю также проявил живой интерес к этому процессу, хотя, как ни странно, западный целитель Таоканг Гейян мало что мог добавить к разговору. После недолгого изучения Ниан Зу понял почему, поскольку он заметил, что Целитель украдкой бросил взгляд на дверь, где стояло знакомое лицо, ожидающее входа.

Гао Лян было именем, которое он использовал сейчас, и если его цвет лица не был достаточным для подарка, массивный утяжеленный посох в его руках почти кричал о его происхождении. Нянь Цзу был одним из немногих, кто знал, что его настоящее имя - Гао Чангун, беглый генерал-майор Запада, и теперь он подозревал, что Таоканг Гейян тоже знал это. За исключением того, что Целитель не выглядел удивленным или обеспокоенным, увидев своего старого соотечественника, который считался мертвым или оскверненным широкой публикой, но на самом деле сбежал с Запада, используя украденный подводный флот, который Враг использовал для контрабанды. товары в и из Севера. Когда их присутствие было обнаружено, Рейн даровал Гао Чангуну и каждому сбежавшему с ним солдату и гражданину помилование от Имперского мандата, помилование, которое мальчик не имел права предоставлять ни в качестве министра финансов, ни в качестве легата внешних провинций.

По крайней мере, теперь Нянь Цзу понял, как Гао Чангун связался с Рейн и Бекхай через дородного Целителя Гейяна. Баатар, по понятным причинам, неохотно обсуждал обстоятельства Чангуна, поскольку другие не могли выдать то, чего они не знали, и хотя Нянь Цзу был самым стойким сторонником Баатара, Имперский клан был ничем иным, как убедительным. Какими бы радушными ни были силы Чангуна, это был большой риск ради небольшой выгоды, и если его истинная личность будет раскрыта, это может навлечь гнев Имперского клана на Рейн и Бекхай, если не на всех. из внешних провинций. Хотя Восток в последнее

время притих, их партии монет и припасов прибывали каждый месяц, как часы, и хотя они не обеспечивали замену гвардейцам Корпуса смерти и королевским стражам, погибшим в бою,

Позиция, которая может измениться, если станет известно, что «Падающий дождь» принял десятки тысяч беженцев с Запада, почти через год после падения Стены.

Гао Чангун: нет, не стоит случайно назвать человека неправильным именем. Прибытие Гао Ляна поставило крест на банкетных делах, поскольку Баатар заметил это и не слишком тонко ушел, чтобы встретиться с ним. Лучше, если бы они использовали Отправку для связи, но Домен, настроенный для блокирования Видящего и Скрытого присутствия, также блокировал бы Посылки, исходящие за пределами комнаты, от проникновения внутрь и наоборот, поэтому у западного беженца не было другого выбора, кроме как появиться лично. Двигаясь по комнате, чтобы лучше рассмотреть, Нянь Цзу заметил еще одно знакомое лицо, скрывающееся за Гао Ляном, лицо скрытого эксперта Му Яна. Пугающий человек, но не из-за его боевой доблести, которая все еще оставалась загадкой, или из-за убийственной силы, которую он продемонстрировал, застрелив сумасшедшего Исповедника своим уникальным духовным оружием. По словам Южэня, этот ничем не примечательный человек был начальником шпионской сети Падающего Дождя, и притом пугающе компетентным, умудряясь уклоняться от ее внимания, пока не предпринял никаких действий против Исповедника. До сих пор она не могла раскрыть его историю, хотя ей еще предстояло обратиться за помощью к маршалу Йо Чжунг-Хуну, поскольку это означало раскрыть одно из скрытых оружий Рейна. Что Южэнь действительно знала, так это то, что Му Ян был ответственен за устранение Матери, знает, сколько политических противников Рейна, и она подозревала, что этот человек когда-то работал с самим Исповедником из-за предполагаемой обиды между ними. Не правда ли, правдами и неправдами Муян был в курсе всех новостей из отдаленных провинций, и если бы он знал что-то лично, ему не понадобилось бы много времени, чтобы узнать, если бы это было необходимо. У этого человека было больше секретов, чем Ду И передал Юйчжэнь, а список Му Яна включал север, юг и центр. Если бы он собирался использовать свои связи для личной выгоды, Южэнь считал, что он мог бы занять желанную должность маршала из любой провинции по своему выбору, и все это без какой-либо поддержки, кроме той, которую он заставлял. Только его собственная вера и совесть удерживали его от такого эгоистичного поведения, а его пылкая преданность Падающему Дождю делала молодого Боши отчужденным и бескорыстным по сравнению с ним.

«Генерал-полковник». Посылка Баатара заставила его забыть о мыслях, и этот тон не сулил ничего хорошего на будущее. «Ты должен прийти и послушать это».

Муян и Гао Лян последовали за Баатаром обратно в банкетный зал, хотя оба оставались у дверей и в стороне на случай, если кому-то понадобится быстро войти или выйти. Когда прибыл Нянь Цзу, он почувствовал, как вокруг него изменилась звуковая преграда, и на всякий случай добавил еще один свой собственный. "В чем проблема?"

«Запад шевелится». Гао Лян был тем, кто ответил, но даже Нянь Цзу мог видеть, что он говорил только с подсказки Му Яна. «Оскверненные будут собираться в большем количестве, чем когда-либо прежде, с припасами, достаточными для того, чтобы пройти через долгую кампанию. Все, что заставило Врага замолчать, было устранено, и теперь они снова обращают свое внимание на Восток ».

Каким бы приятным ни казался этот человек лирической игрой, у Нянь Зу упал живот при этой новости. Дни мира были наполнены чем угодно, кроме того, что он имел дело с внутренними конфликтами и избегал чего-либо, связанного с Обществом, но теперь все эти вопросы можно было снова отложить. "Сколько?" - спросил он, желая, чтобы они лучше использовали эту короткую передышку. «Сколько у нас времени до нападения».

«Могут быть дни, а могут быть недели». Пожав плечами, Гао Лян посмотрел на Му Яна в поисках помощи, а затем быстро отвернулся: мундштук новичка выдавал влияние начальника шпионской сети. Муян запугал даже такого легендарного генерал-майора, как Гао Чангун, а это означало, что в этом человеке было гораздо больше, чем подозревал даже Нянь Цзу. «Однако этот Гао считает, что Враг нападет раньше, чем позже, и когда они все же придут, признаки указывают на то, что их усилия будут направлены на единичную концентрированную атаку».

Итак, Епему закончил игру и, наконец, сделал рывок в центр. Если повезет, Оскверненные нападут на оспариваемый участок стены и заставят две провинции ответить и защитить, но Нянь Цзу опасался худшего. Даже если Враг атакует одну Цитадель, сил одной провинции может быть недостаточно, чтобы устоять против них, но откликнутся ли другие провинции на призыв о помощи? Будет ли Ниан Зу? Должен ли он сократить свои потери сейчас и просто отступить?

Когда Нянь Цзу стал человеком, который бездействовал и ждал, пока другие сделают то, что нужно сделать?

Да. Когда он стал таким робким и напуганным? Если внешние провинции нуждаются в объединении, он объединит их или умрет, пытаясь. Он был Воином-Воином, Избранным сыном Неба, чьей священной целью было противостоять Врагу. Не имело значения, если бы другие не встали с ним, потому что он не побежал бы и не обрекал других на судьбу хуже смерти. «Похоже, банкет должен продолжаться без нас», - сказал он, посылая сообщение Ючжэню, Бохаю и Цзя Яну присоединиться к нему. «Ибо предстоит еще много работы».

~~~~~

В случае сомнений, Натальная Душа - всегда правильный ответ.

Ну пожалуй не **то** правильный ответ, но правильный ответ, потому что это дает мне время, чтобы понять, каков настоящий правильный ответ. Благодаря усилиям моего Учителя мое физическое тело стало здоровым и здоровым, насколько это возможно, и я больше не могу оставаться в коме, но я был оставлен свободным, чтобы существовать в центре обработки вызовов Пустоты, потому что я уступил контроль над своим телом. пустая Натальная Душа. Да, я знаю, мне следует попробовать что-то новое, но если все в порядке, зачем это исправлять? С включенным автопилотом мне не нужно беспокоиться о своих физических потребностях, и в качестве дополнительного бонуса я могу испытать воду и, возможно, узнать, реален ли мир или вымышленный. Нет никаких шансов, что Чжэнь Ши или его марионетки души не войдут, пока я изолирую себя в Пустоте, и пока я не забываю изгонять Натальную Душу и время от времени заменять ее новой, я выигрывал тоже не развивают раздвоение личности.

Вероятно. Может быть. Понятия не имею. Если мир нереален, кто знает, каковы на самом деле все правила ...

Технически, время не должно иметь ничего общего с естественной Душой, которая осознает себя и развивает личность. Это больше связано со мной и моими собственными представлениями, хотя они могут быть подсознательными. В ожидая Natal Душе усиления сознательного чувствования и независимости, я в значительной степени установить его на путь наклеить пророчества в том , что он **будет** становиться раздвоение личности, все потому , что я ожидаю его и энергия Небес делает это так. Я до сих пор не совсем понимаю, как это работает, потому что даже с ограниченным всеведением я не мог преобразовать информацию в понятные концепции. Это похоже на попытку научить обезьяну квантовой физике. По-настоящему умная обезьяна может научиться считать и говорить на языке жестов, но вы не сможете научить ее абстрактным числам или чему-то еще, что может понадобиться для более высокого уровня математики.

И я? Я обезьяна. Или хуже. То есть я раньше работал в колл-центре. Что я знаю о физике более высокого уровня?

Темный экран монитора остается пустым и не отвечает, а мой телефон на этот раз молчит. Я отфильтровал все соблазны, которые не достигли меня, и мне даже удавалось не проверять его в течение длительного времени. По крайней мере, кажется, что прошло достаточно времени, но я никогда не буду уверен, пока не проверю. Тот факт, что я все это уже осознаю, означает, что я не могу идти по Благородному Восемьмеричному Пути и найти забвение, но что еще нового? Я никогда не умел делать все правильно, так почему я мог ожидать, что здесь все будет иначе?

Не надо так накаляться. Долой плохие эмоции. Долой добро.

Не проверяйте телефон. Оставайтесь верным своей цели.

Не проверяйте телефон. Все, что он приносит, - это боль и страдания.

Не проверяйте телефон. Пустота внутри. Пустота снаружи.

Не проверяйте телефон.

Проверяю телефон. Больше сопливых селфи, которые я абсолютно обожаю. Вы могли подумать, что я приобрету невосприимчивость к привлекательности после того, как пролистаю сотни фотографий мамы Бун под тем же неудобным углом, но это поражает меня так же сильно, как и раньше, если не сильнее. Чем больше я ее вижу, тем сильнее нарастает желание обнять ее, но я должен оставаться сильным и отклонять ее просьбы о встрече лицом к лицу. Я бы почувствовал себя самым большим идиотом в мире, если позволю Чжэнь Ши заманить меня сопливыми селфи. Я могу стать полным Демоном только из-за стыда, хотя что-то мне подсказывает, что старый монстр этого не хочет. Он хочет мое тело, а не в счастливые моменты веселья, что было бы достаточно плохо. Нет, он хочет «Падающий дождь» в качестве своей мясной марионетки и всей силы и влияния, которые с ним связаны, хотя лично я чувствую, что он зря зря теряет время. Я никогда не был жизненно важным для каких-либо планов или чего-то еще, и я уверен, что Империя прекрасно справляется без меня. Я оставил Ло-Луо главной, и у нее есть все нужные люди вокруг нее, не говоря уже обо всех компетентных маршалах и генерал-полковниках, готовых устранить слабину.

Судя по ее сообщениям, у Ло-Ло все в порядке. Ян, Мила, Сон и Линь-Лин тоже, хотя они могли бы быть лучше, и все очень скучают по мне. Да, даже Сонг, что странно, потому что я думал, что она только терпит меня, но, очевидно, она ценила мелочи, которые я пытался сделать для нее, хотя она должна справедливо ненавидеть меня за мою власть над ней. Странно то, что никого из них не волнует, что я никогда не выздоровею, даже после того, как «я» проснулся с чистого листа. Они просто думают, что это лишь вопрос времени, когда я снова обрету полный контроль над всеми своими способностями, и даже ссорятся между собой из-за права заниматься моими нуждами. Ну, не Сун, но она делает больше, чем полагается, так как Ло-Луо занята в другом месте, Янь и Мила совершают ежедневные поездки в бамбуковую рощу, а Линь-Линь - это Лин-Линь, такая же легкомысленная и легко отвлекающаяся, как всегда.

Их надежды и ожидания словно кинжал в мою грудь, потому что я в конечном итоге их разочарую. Не помогает то, что мое Ядро было исправлено, и я снова стал Боевым Воином, не совсем там, где я был за мгновение до того, как разрушил свое Ядро, но на Пути к полному восстановлению. Наблюдать за процессом исправления в действии увлекательно, потому что он отвечает на многие вопросы, которые я даже не думал задавать. Когда мое Ядро исправлялось, я заметил недостатки в процессе, изъяны в моей душе, которые, если бы их не исправить, заставили бы меня застрять в Формировании Ядра на долгие годы, если не десятилетия. Каким бы ущербным оно ни было, мое Ядро не смогло бы противостоять ... усиленному давлению из-за отсутствия лучшего слова или, возможно, метафизического веса, который приходит с каждой последующей вехой на Военном Пути. Вот как застревают другие боевые воины, потому что их Ядра и души отсутствуют. Но как бы это исправить? Моя была испорчена, потому

что я волей-неволей отрубал куски, хотя, честно говоря, моя душа намного сильнее, чем ваша обычная душа, из-за моего Поглощения. В конце концов, это все, что Спектры на самом деле являются частичками отрубленных душ, которым дарована Энергия Небес. Все Натальные Души, которые я отбрасываю, также являются своего рода Призраками, хотя и задуманы для другой цели и лишены злого умысла, данного им их создателем. кусочки и куски отрубленных душ, которым даровала силу Энергия Небес. Все Натальные Души, которые я отбрасываю, также являются своего рода Призраками, хотя и задуманы для другой цели и лишены злого умысла, данного им их создателем. осколки отрубленных душ, которым даровала власть Энергия Небес. Все Натальные Души, которые я отбрасываю, также являются своего рода Призраками, хотя и задуманы для другой цели и лишены злого умысла, данного им их создателем.

Не всегда специально, хотя я подозреваю, что Чжэнь Ши сам проявляет больше, чем злые намерения. Я должен был лучше использовать свое ограниченное всеведение, когда оно у меня было, но я не испытываю соблазна использовать его больше, потому что ... я не знаю. Когда я связан с Небесами, я чувствую себя меньше собой, меньше человеком и больше ... отстраненным. Мне это не нравится.

Просматривая все сообщения, я обнаруживаю, что с момента последней регистрации прошло менее суток, что на самом деле является новым рекордом. Ву. Я отстой в этом. Моя семья и близкие находятся в разгаре новогоднего банкета, который проводится в честь моего выздоровления. «Я» проснулся несколько дней назад, но впервые за несколько недель я был на публике, и все были вне себя от радости. Ло-Луо также усердно работает над созданием слухов, которые должны услышать наши политические соперники, вроде того, что я могу на самом деле полностью выздороветь и стать сильнее, чем когда-либо, но скрывает это, чтобы заставить моих оппонентов действовать опрометчиво. Она блестящая женщина, а Нудл длиннее и тоньше, чем когда я видел его в последний раз, так что все идет отлично. Мама и Аканай взяли ее под свое крыло и относились к ней как к дочери, как я и предполагал. Они все будут в порядке.

Что, конечно, является идеальным моментом для Ниан Зу, чтобы вмешаться.

Увидев сообщение, которое я оставил для него, я празднично гадаю, когда я его отправил. Я, должно быть, помогал, даже не замечая сейчас, поэтому привык создавать новые Натальные Души, чтобы делать все, что нужно. Я вижу, что это может снова укусить меня за задницу, так что, возможно, мне следует быть более осторожным в том, что я делаю, но опасения Ниан Зу оставляют меня более противоречивым, чем когда-либо. Я действительно нужен? Действительно ли мое присутствие в качестве подставного лица так важно? Почему Имперский Клан ничего не делает с этим кризисом? Должен ли я послать Натальную Душу на проверку? Вероятно, плохая идея. Лучше сосредоточить свои усилия на том, чтобы еще немного отсрочить наступление Defiled.

Задумываясь над этой работой, я натыкаюсь на ответ на вопрос, который еще не задавал. После стольких недель членовредительства моей души, почему у меня все еще есть душа, которую нужно разорвать?

Потому что любовь полезна для души, и моя семья, тусовщики и друзья давали ее много.

Чувство, от которого мне одновременно становится и лучше, и хуже. Лучше знать, что у меня есть их любовь, или, по крайней мере, иллюзия о ней, которая почти так же хороша, а хуже - бросить их, даже не попрощавшись. Мне жаль, что у меня не хватило смелости и решимости рискнуть выяснить, реальны ли они или воображаемые, но я боролся в хорошей борьбе так долго, как мог, и я больше не могу этого делать. Бесконечные испытания и невзгоды? Неправильно. Не проиграешь, если не играешь, а я уже ушел. Это gg no re, так что я мог бы просто закрыть телефон и вернуться к своему путешествию к забвению.

Сразу после окончания празднования Нового года. Все выглядят такими счастливыми и счастливыми, что не помешает еще немного посмотреть ...

Глава 658

Все лгут.

Это была правда в том смысле, в котором ее видел Хидео, как бы Правильный взгляд. Отец, дедушка Джуичи, Монах Брови, Мудрость Вяхья, каждый из них смотрел Хидео в глаза и солгал ему, ложь, которую он принимал, не задумываясь. Сильнее дурачите его, но им тоже пришлось нести ответственность за свою ложь. Насколько другой была бы жизнь Хидео, если бы он всегда знал правду? В детстве он не хотел ничего, кроме как пойти по стопам своего дедушки, поэтому он приложил все усилия для достижения этой глупой цели. Даже тогда было время, когда он задавался вопросом, действительно ли он подходит для Боевого Пути. Благородные семьи не зря были выше, потому что они производили могущественных воинов поколение за поколением. Хотя дедушка работал до мозга костей, чтобы сделать семью Мицуэ самостоятельной силой,

Трудно было спорить с фактами, а именно с отсутствием выдающихся талантов во втором или третьем поколении семьи Мицуэ. В юности Хидео был в лучшем случае ничем не примечательным, безусловно, самым талантливым Мицуэ своего поколения, но далеко отставал от всех заметных. Вся его тяжелая работа и усилия не принесли ему похвалы или похвалы со стороны семьи, и фактически вызвали гнев его кузенов, которые не так сильно отставали, что не могли объединиться, чтобы победить Хидео. Другие дети тоже посмеивались над ним, сыном племянника, который толкал бумаги, о котором не стоило узнавать. Тогда жизнь была одинокой и несчастной, вдвойне потому, что отца никогда не было рядом. Дедушка всегда тепло улыбался и крепко обнимал Хидео, а также цукаты, украдкой спрятанные в его рукавах,

Выбор времени был значительным, потому что это было примерно в то же время, когда Ре Дэ Чжон был повышен до генерал-полковника. Хидео хорошо это помнил, потому что многие считали, что дедушка отступил, чтобы дать возможность новому поколению сиять и посвятить все свое внимание воспитанию многообещающего наследника, слухи о возможном союзе через брак между одним из внуков Дзюичи. и Ре Даин, но из этого ничего не вышло. Их всех накормили пачкой лжи и лжи, некоторые из которых, возможно, даже сфабриковал сам отец. Дедушка отступил, потому что у него наконец-то появился наследник, который заменил бы его в качестве опоры семьи, и он хотел провести последние два десятилетия жизни в относительном мире.

По крайней мере, это было то, во что верил Хидео теперь, когда он знал все факты. Отец не был Рё Дэ Чжон, но, увидев, как он сражается с несколькими демонами без посторонней помощи, Хидео заключил, что он не мог быть слишком далеко позади. Даже если бы Отец только недавно стал Пиковым Экспертом, за несколько недель до своей смерти, Мицуэ Хироши все равно считался бы Восходящим Драконом, потому что Пиковые Эксперты были так же редки, как перья феникса и рога цилинь, если принять во внимание всю Империю. Могли быть и другие факторы, которые повлияли на решения дедушки, но он никогда не делился ими с Хидео, поэтому все, что он мог сделать, это предположить. Его отец и наставник, двое самых близких ему людей, и они отказались когда-либо сказать ему правду. Тогда он был поражен красотой Да'ина, женщина на пять лет старше его и жемчужина юных красавиц Централ. Это было до того, как она раскрыла свои клыки и решительно одолела Ишин Кен-Шибу на публике, но, как дочь восходящего Короля Меча, она все еще оставалась самой подходящей молодой женщиной во всем Центральном, даже если не учитывать ее внешность. Двоюродные братья Хидео верили всем слухам, и каждый считал себя счастливым будущим мужем, но он считал, что союз Ре и Мицуэ был бы сродни посадке розы в кучу дерьма.

Если, конечно, речь идет о Мицуэ.

Ему тогда было тринадцать, и хотя он посвящал почти все часы своего бодрствования боевым навыкам, он также был безмерно увлечен Да'ин, что вскоре обнаружили его кузены, когда они поймали его, писавшего ее имя кистью и пергаментом. Ох, как они смеялись и издевались, называя его жабой, жаждущей лебяжьей плоти и ни разу не видевшей лицемерия своих заявлений. В то время он все еще очень заботился о мнении своих кузенов и хотел, чтобы они ему нравились, так что это оставило его в мрачном настроении на многие дни. Хуже того, он согласился с оскорблениями своего кузена и искренне верил, что он недостаточно хорош, чтобы противостоять Да'ину, что его таланты недостойны ее внимания и что он обречен на посредственность. Он был так обескуражен, что даже подумал о том, чтобы отказаться от Боевого Пути, хотя он отказался стать расточителем, как его дядя.

Хидео вспомнил выражение лица отца, странное, почти нечитаемое выражение, но теперь он знал это как огорчение. Отец не хотел лгать ему, поэтому вместо этого он спросил, почему Хидео проявляет интерес, на что тот откровенно

ответил: «У меня нет таланта, а значит, и будущего в качестве воина-единоборца, поэтому я подумал, что пришло время изучить другие параметры.»

В то время он думал, что был готов признать это, но даже это вызвало слезы на глазах. Он любил Боевой Путь, но он не любил его, и Мать не считала нужным улыбнуться ему сверху вниз. Там, за обеденным столом, отец отвел Хидео в сторону и заговорил с ним, как с взрослым человеком, и он хорошо это запомнил. «Независимо от того, какой путь вы выберете, - сказал отец, похлопывая Хидео с улыбкой по спине, - вам придется преодолевать испытания и невзгоды. Некоторые жизни легче, чем другие, но все мы должны нести свое бремя. В каждом поколении есть лишь несколько благословенных людей, достаточно талантливых, чтобы преуспеть без усилий, но что касается остальных из нас, простых смертных, нам придется полагаться исключительно на настойчивость и упорный труд. Однако я понимаю, что это не то, что вы хотите услышать, и знаю, что вы расстроены по какой-то причине,

Это был один из немногих случаев, когда отец обнимал Хидео, воспоминание, которое он бережно хранит по сей день. Однако объятий больше не будет, потому что он выбросил эту жизнь прочь ...

Тогда Хидео думал, что отец говорит о трудностях канцелярской работы, но теперь он знал другое. Тем не менее, следуя его совету, Хидео сделал небольшой перерыв в боевых искусствах и погрузился в учебу и каллиграфию. Три дня спустя он сразу вернулся к демонстрации форм, хотя бы для того, чтобы уйти от своего властного учителя экономики, который узнал, что у Хидео было больше времени по утрам для «столь необходимых» уроков. Уравновешенность во всем - вот урок, который преподавал отец, и он запомнился Хидео на долгие годы. Тренировки одержимого не пошли ему на пользу, и с течением времени он находил способность проникновения в суть каллиграфии или наблюдения за облаками почти так же часто, как и во время тренировок или спаррингов.

У отца были все ответы, которые когда-либо были нужны Хидео, но он всегда был слишком занят, чтобы поделиться ими. Напротив, даже при том, что дедушка уже ушел на пенсию, у него совсем не было времени на своего конечного ученика, кроме как критиковать и назначать дополнительные уроки. Возможно, старик действительно пытался не испортить Хидео, как он баловал своих сыновей, но это все еще не было оправданием. Пощадите жезл и испортите ребенка, но где же любовь и привязанность, которых так отчаянно жаждал Хидео? Семья превыше всего, но по какой причине Хидео защищал семью, которая его едва приняла? После того, как он проявил себя как восходящий талант, на его плечи было возложено столько надежд и ожиданий, молодой человек, которому не исполнилось и двадцати четырех лет, который должен был пойти по стопам Живой легенды Мицуэ Дзюичи и обеспечить выживание своего наследия.

Исправление. Нет, почти об этом, это было уже слишком. Единственное поражение - это все, что нужно, чтобы сломить его хрупкое эго, поражение, нанесенное ему руками неблагородного, низменного раба-предателя.

Если Дастан Жандос - предатель, то что это делает Мицуэ Хидео?

Нечеловеческий рев вырвался из горла Хидео, когда он вскочил на ноги, или, по крайней мере, он попытался это сделать, пока узы удерживали его на месте. Стальных цепей, прикрепленных к каменным стенам, было недостаточно, чтобы удержать его, и его гнев овладел им, когда он направил Чи в свой Домен. Захватив власть с Небес, он проявил свою волю и отточил свои владения -

Его рев превратился в вопль, когда боль пронзила его тело, боль исходила через его спину. Колючая проволока вонзилась в его обнаженную кожу, когда монахи начали громкое пение, их низкие резонирующие голоса сотрясли Хидео до глубины души. Лишенный его намерения, его домен отступил под давлением боли и чуждых заклинаний, его власть ускользнула, оставив его связанным, привязанным и истекающим кровью в темном подземном подвале. «Освободи меня», - простонал он, боль лишила его голоса огня. "Я убью тебя! Отпусти меня!"

«Этот монах не может сделать то, о чем ты просишь, младший брат». Вместо того чтобы говорить, чтобы не прервать его гудящее пение, Монах Брови снова нанес металлический удар. - Острие Бритвы, младший брат. Придерживайтесь этого. Вы опасно близки к тому, чтобы потерять себя, а этот монах еще не готов сдаться.

"...Но я." Слишком слабый, чтобы бороться со своими оковами, все, что мог Хидео, это лежать и плакать, желая конца, который не наступит, поскольку Монах Бровей наносил ему удар за ударом, воспевая на неизвестном языке. Это было не так больно, чтобы лишить его человека, в отличие от первого удара, нанесенного с помощью какой-то формы боевого колдовства, от которого по всему телу разлилась агония. Напротив, эти последующие удары были обыденными и лишь слегка раздражающими, притуплялись его мозолистой кожей и, возможно, даже бессознательным использованием интернализированного Домена. Причины не имели значения, или, вернее, Хидео не заботился, потому что больше не было смысла заботиться.

Вся его жизнь была ложью. Зачем упорствовать в этой бессмысленной борьбе?

Любовь вашего отца не была ложью, и вы упорствуете, потому что у вас все еще есть надежда.

Гудящее пение заполнило его разум, и он обнаружил, что продолжает петь, его разум освободился от всех сомнений и неуверенности и оставил его только с пением. Прошло время, и в конце концов он заметил, что плеть уже давно перестала бить его, и его тело исцелялось без посторонней помощи. Пение тоже закончилось, оставив Хидео пустым и невыполненным, но Монах Бровей все еще был там, скрывался в тени позади него. «Вы утверждали, что готовы сдаться, но все еще здесь. Такое невежество, такой грех. Это не соответствует Правилу Речи, Младший Брат, - говорить ложь, которая может превратиться в правду и, таким

образом, погубить вас. Разум влияет на тело так же, как душа влияет на разум, и на душу влияет все, что мы переживаем, поскольку она является источником нашего существования. Таким образом, неправильная Речь отравляет ум, отравляет тело, опыт, который, в свою очередь, отравляет душу. Следи за своими словами и исправь свои мысли, Младший Брат, потому что только ты можешь выбраться из этой ямы своей гибели. Э-Ми-Туо-Фуо ».

"Ты лжец." Голос Хидео прервался на середине предложения, когда из его глаз потекли слезы, все еще неспособного вынести боль этого предательства. "Я вас по-другому представлял. Я думал, тебе можно доверять. Я думал, что у тебя есть ответы, которые мне нужны, но нет. Ты такой же, как и все, и я больше не поверю твоей лжи ».

«Этот монах не отрицает, что он не всегда был открытым и честным», - начал Монах Брови, перемещаясь в поле зрения Хидео. «Однако этот монах никогда прямо не лгал, а только упустил из виду целые истины, истины, к которым вы должны прийти без посторонней помощи. Это правда; Благородное Восьмеричное - это Путь к спасению, Младший Брат, и этот монах надеется, что вы присоединитесь к нему в этом путешествии. Вам нужно только найти внутреннюю волю ».

«Нет спасения, не для меня. Не после того, что я сделал ».

«Нет человека, настолько запятнанного грехом, чтобы его нельзя было искупить, а истинное искупление - это когда вина ведет к добру». Несмотря на его добрые слова, тени бросали Брови Монаха зловещим светом. «Ты все еще держишься за надежду, младший брат, и надежда может привести к спасению».

Но не монах. В своем ошибочном невежестве он ведет вас к проклятию.

Отвернув голову, Хидео закрыл глаза. "Оставь меня в покое."

«Очень хорошо, младший брат. Отдыхаю, но ненадолго. Теперь, когда вы познаете истинное страдание, вы готовы отпустить его, не теряя себя в красной пыли мира смертных. Воспоминания яркие, а боль свежая, но они не будут иметь такого же воздействия через сто дней и почти не окажут никакого влияния через тысячу. Если даже этого недостаточно, мы будем упорствовать, пока не узнаем, что есть, но не беспокойтесь, потому что этот монах будет следить за вашим дальнейшим выздоровлением, и вместе мы проведем вас через это горе ».

Время прошло. Дни, недели, месяцы, Хидео не мог сказать. Каждый день Монах Бровей приходил проверить его, и Хидео вспоминал о предательстве. Хуже того, он вспомнит собственное предательство и переживет их все во всех

подробностях. День за днем он видел, как радость превратилась в замешательство и панику в глазах Эри-Химэ, или любовь и привязанность, истекающие кровью из умирающего взгляда его отца, или обезумевший, пораженный взгляд на лице дедушки Дзюичи. Хидео предал каждого из них и заслужил страдания за свои грехи, не говоря уже о бесчисленных ужасах, которые он с тех пор причинил стольким безымянным жертвам.

«Острые Бритвы», - шептал Монах Брови день за днем и ночь за ночью, бивая его колючей плеткой. «Восьмеричный путь».

«Равновесие», - предупредил его разум. «Путь безграничен».

Где-то между пением, избиениями, вынужденными воспоминаниями и потоком страданий разум Хидео обрел ясность и понял, что делает Братство. Вынуждая Хидео противостоять грехам своего прошлого и всей сопутствующей боли и страданиям, монахи помогли ему укрепить его волю так же, как его кожа стала жесткой под плетью. Любопытная комбинация, но в сочетании физического страдания с душевным было некий смысл, потому что, поскольку Энергия Небес естественным образом исцеляла его физические раны, она одновременно лечила и его психические. По какой причине Небеса проводили различие между повреждениями ума и тела? Боль была болью, и Небеса успокаивали их всех, независимо от источника или типа.

По прошествии нескольких недель боль его воспоминаний исчезла, сменившись болью физического тела. Как сказал Монах Бровей, разум, тело и душа были связаны. Ранить одного и ранить их всех, но цель этого «лечения» заключалась не в том, чтобы исцелить его, а скорее в том, чтобы сломать его настолько, чтобы Энергия Небес могла заново вылечить его и сделать сильнее, чем когда-либо прежде, и все это без подсказки. Таковы были неотъемлемые части благословения Небес, выгоды, которые каждый получил от того, чтобы быть Воином-Боевым. Это не было прямым манипулированием Небесной Энергией, но использовалось умным, косвенным образом, что объясняло большую часть практик Братства. Переполненный физической болью и душевными страданиями, это заставило Хидео скорректировать свое мышление и адаптироваться к новому, более стабильному состоянию равновесия.

Это не Восьмеричный Путь. Монах не говорит неправды, но это не то же самое, что говорить правду. Его взгляд не является правильным, и вы это знаете.

Нет, это должен быть правильный взгляд. Да, Хидео хотел покаяться, но что делать со всеми? Почему они должны бежать без наказания, когда он страдал под тяжестью своих грехов? Отец, дедушка, его кузены, даже люди самой Империи, все они разделили вину за то, что случилось с Хидео. Эти монахи были настоящим Братством, единственными, кто был достаточно храбрым, чтобы говорить, и за это они были изгнаны. Тем не менее, Хидео держался за крупницу мудрости, дарованную Небесами наверху, потому что он видел смысл в логике. Монах Бровей не мог лгать, но все же разделял ошибочные взгляды,

поэтому Хидео пришлось бы судить о совете Братства с открытыми глазами и найти для него правильный взгляд.

Правда в том, что вы делаете.

Мать, помилуй твою душу.

~~~~~

Омытый кровью своих врагов, Витар стоял на поле битвы и смотрел, как бегут трусы, но не испытывал никаких волнений и волнений.

Сегодня был хороший день, полный резни и смерти, с принесенными в жертву жизнями и множеством могущественных соплеменников, присоединившихся к их рядам, но все же Предки хранили молчание и отказались удостоить Витара или его членов клана своей мудростью. Оглядываясь по сторонам, он увидел свои собственные сомнения и сомнения, отраженные в выражениях лиц его соплеменников, которые все больше полагались на его руководство в отсутствие Предков. Несмотря на то, что он только что вышел победителем в славной борьбе за выживание, ни один из его соплеменников не собирался праздновать. Вместо этого они стояли без дела с оружием в руках, в то время как мертвые лежали там, где они падали, а умирающие приняли свою неизбежную судьбу, победив и побежденные, с тем же вялым, пустым выражением лица. Сегодня не было ни славы, ни удовольствий, ни достижений,

Хотя он никогда не показывал и не признавал этого, отсутствие Предков его пугало так, как он никогда не считал возможным. Всю его жизнь они были рядом с ним, ведя его вперед к силе и славе, но теперь, когда их шепот больше не был слышен, тишина была оглушительной. Единственное утешение, которое можно было найти, заключалось в том, что это был не только он и его соплеменники, поскольку Витар осознавал ту же неуверенную неуверенность, отражавшуюся в его врагах, когда они обменивались ударами, обе стороны отчаянно пытались пролить кровь в надежде снова обрести привязанность Предков. . Все началось после того, как силы Объединителя потерпели позорное поражение на полях Централы, в результате которого Предки пришли в дисгармонию друг с другом, но сегодня был первый день, когда они полностью замолчали. Витар был не единственным, кто задавался вопросом, было ли это отчасти благодаря его ошибочному руководству, что Предки отвергли их, потому что он уводил их с битвы, вопрос, который он видел, отражаясь в каждом взгляде, который встречал. Они вспомнили, что это его голос отдал приказ отступить вопреки желанию многих Предков, но забыли, что его приказы полностью согласовывались с многими другими или даже с их собственными желаниями.

Теперь, после стольких дней молчания и борьбы, они задавались вопросом, не слышали ли они или неправильно запомнили дисгармонию в шепотах Предков,

или они потеряли благосклонность Предков, потому что следовали за вождем, который сбил их с пути. Их нерешительность причиняла ему больше боли, чем их необоснованное осуждение. Если бы соплеменники Витара даже заподозрили, что он был единственной причиной очевидного отпадения племени от благодати, им следовало бы объединиться, чтобы подчинить и принести его в жертву в надежде вернуть одобрение Предков, и он бы отбил их от них, как и положено вождю. Могущество творит право, как сказали бы южане, несмотря на то, что он редко придерживался этого принципа, но для людей внешних земель это был образ жизни. Теперь все соплеменники Витара, воины и охотники стояли и смотрели, как дети, лишённые руководства и направления,

В течение многих лет Витар знал, что он другой, хотя бы благодаря своей способности сдаться Предкам, не теряя при этом себя. Затем предки руководили его действиями, в то время как его разум сохранял контроль над его мыслями, и именно эта уникальная способность позволила ему стать вождем в столь юном возрасте, в то время как большинство соплеменников, с которыми он вырос, сошли с ума. Более того, его аналитический склад ума позволил ему лучше раскрыть секреты, которые Предки оставили укоренившимся в его теле, улучшив его личные силы и способности, так что он стал полагаться на них все меньше и меньше. В последние годы их голоса давали только указания, в то время как Витар сам решал большинство проблем, но он чувствовал их голод каждый раз, когда он слишком долго не сдавался. Они хотели наполнить и стать им, обнять его тело, почувствовать теплую кровь, текущую по его венам, и пьянящий прилив эмоций, который она принесла с собой. Они стремились снова жить, даже если только через него, но он сопротивлялся их попыткам заявить права и превратить его в Трансцендентного, потому что ему еще предстояла жизнь.

Но теперь они бросили его, все потому, что он прислушался к совету не той стороны.

И тебе от этого лучше. Их советы никогда не давались открыто или с учетом благополучия вас и ваших соплеменников. Вы знаете это по правде, потому что давно подозревали об этом.

Шепот потряс Витара до глубины души, и он изо всех сил пытался не показать этого, но, бросив настороженный взгляд на свое окружение, он увидел, что его соплеменники были потрясены не меньше, чем он сам. Они тоже только что услышали Предков, и Витар не был уверен, в какую игру сейчас играют духи, посоветовав ему и его людям не прислушиваться к их советам. Десятки его соплеменников тут же сломались, одни потеряли сознание и упали на колени в слезах, другие сошли с ума и напали на своих товарищей, а еще более просто закричали в Небеса в бессловесном отрицании. Все быстро избавилось от своих страданий, действия других соплеменников были предприняты не из милосердия, а из нежелания видеть свои собственные мысли воплощенными в другом.

Предки сошли с ума и оставили свой народ. Люди Витара. «Собери пленных и мертвых», - приказал он, из-за необходимости что-то делать, что угодно, чтобы удержаться от размышлений об этой ужасающей тайне. «Давайте вернемся».

Не было необходимости возвращать мертвых, не здесь, на плодородных южных землях, где было много еды и воды. Или, по крайней мере, должно было быть, но прошло много ночей с тех пор, как его племя наткнулось на оазис, и, по правде говоря, Витар больше не знал дороги назад. Не желая возвращаться в город, он держал восходящее солнце слева от себя и много дней двигался на юг, но этим песчаными дюнами не было конца, а они были слишком далеко, чтобы повернуть назад. Независимо от того. Его люди могли питаться кровью своих врагов, слитой из их трупов в ожидающие ведра, чтобы наполнить свои пустые мехи. Увы, даже если каждый член его племени работал днем и ночью, мясо все равно переворачивалось, прежде чем они могли закончить все это или даже вылечить его, как их учили местные жители, курили на огне и оставляли сушиться под суровым солнцем пустыни. Предположительно сейчас был холодный сезон, но жара все еще была почти невыносимой, не говоря уже о ярком солнце, падающем сверху большую часть дня. Было время, когда он проклинал холод и тьму своей замороженной родины, но, по крайней мере, первый без усилий сохранял мясо свежим в течение многих лун. В качестве дополнительного бонуса замороженные останки его врагов приносили к его порогу голодных падальщиков, которые были просто большим количеством мяса, которое можно было съесть для пропитания.

Вам больше не нужно есть человеческое мясо. Даже в засушливых пустошах повсюду спрятаны сокровища.

Вопреки здравому смыслу, он последовал наставлениям этого одинокого Предка, скорее из отчаяния, чем из чего-либо еще. Вернувшись в лагерь, он приказал своему племени собраться и двинуться, приказ, который они подчинились без энтузиазма, хотя безмолвный взгляд его женщины предупредил его о долге крови, который еще предстоит выплатить. Ее звали Асмани, один из немногих выживших соплеменников, с которыми он вырос, и если он падет, она, скорее всего, станет новым вождем, равным ему во всех отношениях, за исключением его способности сдаваться, не поддаваясь. «Слишком много дней крови и мяса», - Послала она, слова были пронизаны предупреждением и угрозой. «Это оставляет нас иссохшими и вялыми».

И с ограниченным временем и возможностями, это была невысказанная часть. Витар пожал плечами. «Наши враги не принесли воды. Мы будем терпеть. Предки по-прежнему направляют нас ».

Асмани не ответил, но увидел сомнение в ее глазах. Возможно, сегодня она будет той ночью, когда она возьмет на себя лидерство, но, переспав с ней ночью, он проснулся утром с еще жизнью в нем, поэтому она еще не потеряла веру в его способности. Что касается Витара, он верил в Предков и следовал их инструкциям, полагая, что они не смогут снова сбить его и его соплеменников с пути. Хотя никто не говорил, по мере того, как их путешествие продолжалось, он почувствовал подъем в настроениях своих соплеменников, поскольку они также пришли услышать руководство Предков, призывающее их к помощи и спасению, особенно Асмани, который слышал больше, чем она показывала, но никогда не признавался в Витар о том, что они сказали.

Их партнерство было взаимовыгодным, но наступит время, когда этого уже будет недостаточно. Ни дня, которого он с нетерпением ждал, но не из страха, потому что она была рядом с ним столько, сколько он себя помнил, и он беспокоился, что ее отсутствие будет так же нервировать, как и отсутствие Предков.

Как долго они путешествовали, Витар не мог сказать, но он больше не терял соплеменников из-за мрачного безумия или истощения. В одно мгновение бескрайние пески тянулись во все стороны, а затем он поднялся на дюну и обнаружил благословенный оазис, ожидающий в гостях прямо за выступом. Вид такого большого количества воды напомнил ему о его сильной жажде, но вместо того, чтобы броситься вперед, чтобы утолить ее, он остановился и уставился на красоту, лежащую перед ним, и впервые завидовал местным жителям за то, что они родились в этих пышных водах. , зеленые земли изобилия.

Чтобы выжить, не нужно убивать и сражаться. Есть много испытаний и невзгод, но мир их обеспечивает.

Пробираясь к краю оазиса, Витар встал на колени в песчаную влажную землю и опустил губы к воде. Первый глоток утолил его жажду и наполнил сердце радостью, но он остановился и поднялся, чтобы жестом пригласить соплеменников принять участие. Обычно Асмани и его самые преданные чемпионы сдерживали всех остальных, пока он оставался уязвимым, но не было смысла защищаться от своего народа, не сегодня. «Пей», - проревел он, и его соплеменники приветствовали его, следуя его примеру и стараясь не испортить этот дар своими грязными ботинками и кожей. Когда его жажда утолилась, он отправился на разведку по периметру и обнаружил, что на берегу росли растения, круглые кусты, зеленые плоды размером не больше его большого пальца. Они были терпкими и покинули его язык со странным покалыванием,

Сытые и сытые - впервые за последнее время племя Витара обосновалось рядом с оазисом, достаточно близко, чтобы приобщиться к его щедрости, но не так близко, чтобы отпугнуть всех остальных диких животных. Это только казалось правильным, и он сравнил это с оставлением мяса на холоде, чтобы привлечь хищников, с приманкой, чтобы заставить диких животных убить. Более того, он сделал то, что он видел Избранные каждую ночь, и приказал своим людям вырыть яму под гору от оазиса, где племя могло бы выбросить свои отходы. Найти этот драгоценный камень в дикой природе было достаточно сложно, и он не видел смысла разрушать его неосторожными действиями.

По мере того как дни шли, его соплеменники расходились в разные стороны и находили еще больше интересных мест, о которых Витар помнил, если этот оазис когда-нибудь высохнет, но каждую ночь он отмечал верхнюю точку воды сброшенной веткой и каждое утро , он обнаружил, что маркер снова погрузился в воду. Предки объяснили, что вода, поднимающаяся из подземного источника, вместе с подробным описанием того, как она работает, была слишком сложной для Витара. Вместо этого он присоединился к своим соплеменникам в создании убежищ от солнца, используя имеющиеся у него материалы, а именно человеческие кости и кожу. Предки были недовольны, но только абстрактно, ни

разу не подняв вопроса об этом и не осудив Витара за его действия, но он все равно чувствовал их чувства.

Странный. Предки так сильно изменились и больше не приставали к нему сражаться и убивать, а вместо этого побуждали его строить и творить. Теоретически Витар не был полностью против, так как он был истощен из-за стольких недель путешествий и боев, ослабленных долгой передышкой в странном городе Ши Бей. Пока он размышлял о своем пребывании там и обо всех роскошных вещах, которые ему не хватало, Предки научили его, как наслаждаться ими заново, направив его к ингредиентам, необходимым для приготовления вина и приправленного мяса. Луна прибывала и убывала до того, как плоды его труда стали достаточно хороши, и он отпраздновал этот небольшой успех, разделив терпкое вино и жареные шашлычки со всеми своими соплеменниками, и он нашел большое удовольствие в их удовольствии. Вино было слабым, а мясо из стада четвероногих зверей, на которое накануне охотились его соплеменники, но приложив немного усилий, он сделал ягоды более вкусными, а мясо - пиршеством для чувств. Ощущение выполненного долга, которое он получил, наблюдая, как его соплеменники участвуют в его усилиях, соперничает с радостью, которую он находил под простынями с Асмани каждую ночь, и он задавался вопросом, к чему еще Предки могли вести его здесь, в этих чудесных странах.

Затем однажды утром он проснулся в своей палатке и обнаружил, что молодой Ген сидит в засаде, скрестив ноги в грязи и скрестив руки позади него, наблюдая, как спят Витар и Асмани. - О, хорошо, - начал он с опозданием, поскольку Витар уже тянулся за своим топором. "Ты проснулся. И вот этот Повелитель подумал, что ты можешь проспать до полудня. Вспышка света послала боль сквозь пальцы Витара. С шипением отдернув руку, он обнаружил, что его кожа покрывается ранами от предостерегающего пламени Джена. «Дотянись до него еще раз, и я обожгу твою руку до корки».

В отличие от его пламени, в голосе молодого Джена не было ни тепла, ни эмоций, а просто предупреждение, данное без всякой заинтересованности, если Витар подчинится. «Мои соплеменники?» - спросил он, безмолвно предупреждая Асмани ничего не делать, когда Ген в искреннем замешательстве склонил голову. «Они еще живы?»

«Конечно, есть. По какой причине этот Повелитель убивает их? " Изучая Витара и Асмани с любопытством, молодой Джен пробормотал: «И так загадка возрастает. Вы оба за такое короткое время многое изменили, превратившись из бесперспективных в многообещающие. Так немногие из вас, чужеземцы, способны преодолеть целую жизнь идеологической обработки, настолько полагаются на своих «предков» и не могут думать самостоятельно ». Покачивая головой, он вздохнул и добавил: «Но тогда, по крайней мере, ваши недостатки могут быть оправданы обстоятельствами, не зависящими от вас. Напротив, люди Империи празднуют свое невежество и гордо размахивают цепями, рабы собачьего Императора, который заботится только о том, что они могут сделать для него, а не наоборот.

«Объединитель ничем не отличается», - предупредили Предки, и Витар принял этот совет близко к сердцу.

«Зачем ты пришел?»

«Вначале, чтобы убить тебя и вернуть своих соплеменников». И снова ответ был дан без эмоций, поскольку Ген продолжал изучать Витар, как любопытное животное. «Но этот Повелитель передумал. Ваши воины и гаро, на которых они ездят, являются ценнейшим ресурсом, который этот Властелин все еще не может легко заменить. Вы увезли их, и за это вы заслуживаете смерти, но вы слишком многообещаете, чтобы растратить их ».

"А если я откажусь?" Плохой вопрос по мнению Предков, которые уже готовили Витара к битве.

«Тогда ты умрешь, и этот Повелитель поставит на твоё место одного из твоих Чемпионов».

Мальчик был слишком спокоен и расслаблен на вкус Витара, источая уверенность и компетентность далеко не по годам, без неровностей, которые он видел во время долгого путешествия на юг. Предки предупредили его, что это не тот же Ген, но Витар знал это, просто взглянув на него. Молодой человек со светлыми чертами лица, его грозные металлические руки заканчивались когтями с острыми лезвиями, в то время как непробиваемый бронированный нагрудник облегал его тело, как вторая кожа, и на самом деле вполне мог быть одним из них. Тем не менее, даже будучи благословленным Земным огнем, как Ген так любил хвастаться, Витар считал, что сможет хотя бы ранить своего врага перед смертью и выиграть достаточно времени для Асмани, чтобы нанести смертельный удар. «Я уже однажды ехал за Объединителем», - начал Витар, готовясь заставить свой костяной боевой топор прыгнуть ему в руку и игнорируя безмолвную просьбу Асмани остановить его руку. «И все мое племя ушло с нарушенными обещаниями щедрости и кровопролития. Нам обещали спелую землю для взятия, и теперь мы взяли то, что будет нашим ». Без страха встретив взгляд Гена, Витар усмехнулся и сказал: «Мы не будем ездить снова, неспроста».

Цель, которую они нашли здесь, в этом блаженном оазисе, где его люди были счастливы и свободны от постоянной борьбы.

"Цель, которую вы говорите?" Сидя прямо с улыбкой, Ген медленно протянул свою когтистую руку, и Витар почувствовал, как сила сливается внутри, но прежде, чем он успел действовать, бронированные Трансценденты мальчика появились рядом с ним и предупредили Витара от действий. «Вы ищете цель?» - спросил Ген, когда взгляд Витара остановился на невидимой борьбе в ладони Джена. «Что может быть лучше, чем сила? Ваши наездники на гаро - ограниченный ресурс, поэтому в торговле этот Властелин даст вам собственный ограниченный ресурс, который с

трудом потребовал от самого интригующего врага. Без предупреждения сила хлынула в грудь Витара и наполнила его обещанием силы и знаний, Предки вернулись в полную силу. Увидев его недоверие, Ген хихикнул и кивнул. «Да, да, вы это чувствуете? Чистая, незапятнанная Энергия Небес, разорванный и конфискованный собственноручно Пожирателем. То, что вы держите сейчас, - это лишь часть доли, взятой этим Повелителем и подчиненной его воле. Присоединяйтесь ко мне, и вы будете вознаграждены еще больше, потому что наш самый проблемный противник оказался сокровищем, которое стоит взять. Когда Пожиратель сломлен и прячется, мы скоро возьмем его в руки, после чего этот Властелин откроет свои секреты и узнает свой метод очищения Небесной Энергии, и тем самым воспользуется силой самих Небес. Секрет, - добавил Ген, довольно поздно, как указывали Предки, - этот Повелитель затем поделится с вами и вашими. Когда Пожиратель сломлен и прячется, мы скоро возьмем его в руки, после чего этот Властелин откроет свои секреты и узнает свой метод очищения Небесной Энергии, и тем самым воспользуется силой самих Небес. Секрет, - добавил Ген, довольно поздно, как указывали Предки, - этот Повелитель затем поделится с вами и вашими. Когда Пожиратель сломлен и прячется, мы скоро возьмем его в руки, после чего этот Властелин откроет свои секреты и узнает свой метод очищения Небесной Энергии, и тем самым воспользуется силой самих Небес. Секрет, - добавил Ген, довольно поздно, как указывали Предки, - этот Повелитель затем поделится с вами и вашими.

Ложь, но Витар не нуждался в том, чтобы Предки говорили ему об этом. Даже тогда он испытывал сильное искушение. «Я командую гаро».

«Да, да, условия нашего соглашения остаются в силе. Командующий руководит вашими действиями, но вы можете сражаться, как хотите, если вам так захочется.

"Нет" Встретив Гена взглядом, Витар сказал: «Я командую **всеми** гаро. Не только мое племя, но и все племена. Я буду вождем вождей, командиром моего народа, как Гунсунь Ци командует своим.

«Эта головоломка становится все более интересной». Сделав паузу, чтобы обдумать предложение, глаза Джена на мгновение потеряли фокус, прежде чем снова обрести ясность. «Хорошо, о вождь вождей», - сказал он, улыбаясь, как будто смеясь над какой-то большой шуткой. «Собери свой народ и отпусти нас».

«Э-Ми-Туо-Фуо».

Витар и Ген оба вскочили на ноги, но Трансценденты мгновенно отреагировали, прыгнув на скрытого врага, которого они только что обнаружили. Однако это не принесло им никакой пользы, так как хмурый монах с широко раскрытыми глазами вышел из Укрытия и сразил обоих одним ударом. Все, что Витар видел, - это легкий взмах руки, как будто лысый монах в мантии просто прихлопывал муху, но оба Трансцендента разбились вдребезги от прикосновения, прежде чем рассыпаться на части. Пугающий до крайности, толстый, хмурый монах глубоко

вздохнул и трансформировался на глазах Витара, его преувеличенные черты лица таяли, а его устрашающая гримаса превратилась в расслабленную улыбку, настолько большую, что почти скрывала его узкие глаза. «Если вы и ваши друзья захотите уйти, то этот монах не будет стоять на вашем пути, но он не позволит вам привести тех, кто хочет остаться».

Скинув на Витара раздраженный взгляд, Ген вздохнул и сказал: «Итак, Братство уже начало вербовку, прямо под носом Вождя вождей».

«Мы стремимся отвечать на вопросы только тем, кто хочет их задать». Сосредоточив свой взгляд на Витаре, устрашающий улыбающийся монах сказал: «Вы еще не задались вопросом, но этот монах еще видит надежду. Ваше вино и мясо на гриле; вам нравилось их создавать и, более того, делиться ими. Вы не задумывались, почему? »

Потому что впервые в жизни Витара он был кормильцем для своего народа, а не предвестником бедствий. И все же ... хорошие чувства были мимолетными и ненадежными, тогда как власть была абсолютной, силой, которую дал ему молодой Джен. «Вопросы не нужно задавать или отвечать», - ответил Витар. «Только молчание».

«Такая гордость, такой грех». Покачивая головой, монах вздохнул и сказал: «Тогда хорошо. Мы все должны идти своим путем, к лучшему или к худшему, но любой, кто уйдет с вами, сделает это по собственной воле, и ничто из вас или монстра, с которым вы объединились, не изменит этого ». Улыбка по-прежнему оставалась, но поведение монаха потемнело, тонкую угрозу Витар мог только ощущать и не видеть. «Так что уходите, создания греха и беззакония, но знайте, что если наступит день, когда вы действительно будете стремиться к искуплению, Братство будет приветствовать всех и каждого с распростертыми объятиями».

Большинство соплеменников Витара ушли с ним, но многие остались. Задерживаясь изучать их лица, чтобы знать, кого убить, он не мог не завидовать этим неверным дезертирам. Дни мира были спокойными и приятными, но Витар знал, что такая жизнь не для него, иначе он родился бы здесь, в этих безопасных, счастливых странах. С другой стороны, возможно, это было к лучшему. Эти беглецы только утяжелили бы его племя своей слабостью и сомнениями, так что им всем было бы лучше здесь разойтись.

Отказавшись от мыслей о мести, Витар встретился взглядом с Асмани, и на этот раз упрямая женщина отвернулась, даже зашла так далеко, что спряталась за улыбающимся монахом. Сожаление охватило его, когда он оплакивал ее потерю, и он в последний раз взглянул на ее выступающий живот, нарастающий с первыми признаками новой жизни. Кивнув на прощание, он отвернулся и скрыл свою улыбку, воодушевленный тем, что, по крайней мере, некоторые из его соплеменников могут еще жить в этих мирных землях и попробовать свои силы в жизни, для которой он не подходит. Возможно, ребенок Витара вырастет слабым

и испорченным, но не будет такой ужасной судьбой, если он научится быть счастливым и умиротворенным.

«Я буду присматривать за ними», - пообещали Предки, но их заменили более знакомые Предки, с которыми вырос Витар, которые подталкивали его к убийствам и резням. Было ли это изменение реальным или воображаемым, он все же находил утешение в обещании и надеялся на лучшее. Победа или смерть ждали его в Войне против Империи, но независимо от результата, Витар никогда не вернется сюда, чтобы вторгнуться в спокойную жизнь своих бывших соплеменников, и он не позволит никому другому, пока он еще дышит.

Он увидит, что это будет сделано, потому что он был Витар, вождь вождей, главный чемпион внешних земель.

Глава 659

Проснувшись в утреннем свете, Мила нежилась в тепле и комфорте объятий мужа. Пытаясь поцеловать его ключицу, она нежно вздохнула и провела пальцами по его груди, восхищаясь тем, как много он заполнил за последние недели. В их первую брачную ночь он стал зрелищем: стройная, но подтянутая фигура с точеным телом, полученная в результате месяцев изнурительных физических тренировок, отличное человеческое телосложение, которое он изо всех сил старался поддерживать. При этом было ясно, что его тело было растянуто до предела, как разорванный по швам перегруженный рюкзак. Его мускулы были твердыми, как скала, и они почти не поддались даже в расслабленном состоянии, и в его повседневном состоянии часто наблюдались резкие изменения в зависимости от того, сколько еды и воды он принимал. У него также почти не было жира, что, вероятно, было почему ему всегда было холодно,

Таковы были затраты, связанные с поддержанием тела на пике человеческой эффективности, но Боевые Воины были больше, чем люди, и Рейн снова пополнил их ряды. Спустя десять недель после битвы за вторую линию и пятьдесят семь лечебных ванн спустя его телосложение значительно улучшилось, хотя изменения были незначительными и их трудно было заметить без интимного осмотра его тела до и после. На первый взгляд, почти ничего не изменилось, но она снова почувствовала, как его мускулы снова подкашиваются, указывая на то, что его пределы возросли, и ему снова есть куда расти. Его кожа тоже стала более здоровой, мягкой и гладкой после того, как он потерял слабый блеск масла и грязи, прилипший к нему, как к простолюдину, его поры сузились и снова запечатались. Почему Боевые Воины от природы будут чище, Мила не могла сказать, но между простолюдинами и воинами-воинами была заметная разница, один Дождь снова соединил мост. Также отсутствовали слабый мускус ночного пота и кислое утреннее дыхание - две вещи, без которых она была рада обойтись, когда прижалась к ней и глубоко вздохнула, смакуя ощущение его тела, прижатого к ней, и успокаивающий травяной аромат его нежного поцелуя. кожа.

«Теперь осторожнее». Дразнящий тон Яна вырвал последние остатки сна из разума Милы, когда дьявольская женщина уткнулась подбородком на грудь Рейн. «Ты выглядишь достаточно голодным, чтобы сожрать его целиком, но я бы предпочел, чтобы ты разделила» Щеки покраснели от этой инсинуации, разум Милы метнулся назад во времени, чтобы зафиксировать все неловкие, благодарные звуки, которые она издавала, прежде чем вспомнить, что Ян тоже был там, но их было слишком много, чтобы отслеживать. Ухмыляясь от уха до уха, сестра-жена Милы обратила свой взор на дремлющую форму Рейна, и Мила подумала, не было ли у нее самой такой ненасытной физиономии. «Я не могу тебя винить», - пробормотал Ян, с жалобным вздохом целуя его грудь. «Он выглядит достаточно вкусно, чтобы поесть».

Он так и сделал. Дело не в том, что Рейн когда-либо был уродливым, просто его недостатки почти исчезли, за исключением одного, незначительного, но важного факта, что он не был полностью там, мысленно говоря. Проснувшись от разговора Яна и Милы, Рейн лежал в постели и смотрел в потолок полуприкрытыми глазами, совершенно неподвижно, если не считать то, что его грудь вздымалась и опускалась. Приподнявшись на локте, Мила вместе с Яном внимательно изучала его выражение лица и молилась о чуде, вопреки всем надеждам, что его глаза сфокусируются и он улыбнется им обоим, прежде чем сделать какой-нибудь непристойный комментарий или предложение. Она так отчаянно нуждалась в его выздоровлении, что могла даже согласиться с этим, пока его просьбы оставались в пределах разумного, и на короткое мгновение ей показалось, что она видела, как он шевелился под одеялом. Увы, это было только ее воображение,

Напротив, Ян бесстыдно остался в постели и даже соскользнул, чтобы оседлать Рейн, но, судя по ее разочарованному раздражению, было ясно, что он не соответствовал случаю. Сестра-жена Милы приспособилась к их новому режиму сна намного быстрее, чем она, особенно с учетом того, что мама вернулась после тренировки своих штормовых стражей и остановилась в комнате через двор, не говоря уже о том, что папа и все родственники Милы были здесь все. пока. Не то чтобы она делала что-то, за что ей было стыдно, поскольку Рейн был ее мужем и не реагировал на какие-либо раздражения, но ей все равно было трудно смотреть кому-либо в глаза после того, как каждое утро выходила из комнаты Рейна. Однако не так с Яном, который был более чем счастлив отпустить непристойные шутки, раздеваясь и проверяя пределы своего самосознания. все, прежде чем выйти смелым, как можно с огоньком в глазах. Это была ее идея, чтобы они оба остались с ним на ночь после того, как она заметила, что он проснулся, и без всякой подсказки воспользовались ванной, но, к сожалению, даже лежание в постели обнаженным с обеими его женами не помогло вернуть его разум из того места, где он был к.

Ян не предлагал им ни одного из других тестов воображения.

Было бы не так уж плохо, если бы его отсутствие ответа не заставило Милу почувствовать, что ей не хватает привлекательности, или как ее ожидания не оставили ее без конца разочарованной. Это было странное заболевание, которое охватило его сейчас: его тело в прекрасном состоянии, а Ядро, казалось, снова вылечили, но ему еще предстояло восстановить все свои умственные способности. Существовали странные, произвольные ограничения на то, что он мог и не мог делать, например, его способность пользоваться туалетом, не

создавая беспорядка, при этом совершенно не обращая внимания на ухаживания своих жен. Если кто-то усадил его за стол и вложил ему в руки миску и палочки для еды, он бы ел без надзора, но только до тех пор, пока в его миске была еда. Даже если бы они поставили тарелку к стропилам со всеми его любимыми блюдами, его палочки для еды продолжали бы хвататься ни за что в его миске, вместо того, чтобы снимать что-то с тарелки. Более того, если бы они положили ему в руку яблоко, он бы держал его до тех пор, пока оно не стало коричневым и не сгнило, даже если бы он умер от голода в процессе, что, мягко говоря, озадачило. Он мог бы пить из миски и чашки самостоятельно, но не из любой другой емкости без посторонней помощи, и мама знает, что они пытались. По крайней мере, это означало, что они могли легко отслеживать, сколько воды он выпил, и побуждать его регулярно посещать ванную, чтобы он случайно не облегчился во дворе или в другом месте, столь же неудобном.

Это касалось степени его познания, еды, мочеиспускания и дефекации, что оставляло желать лучшего. Более того, эти произвольные ограничения не имели никакого смысла или причин для них, поскольку он отвечал не только на базовые инстинкты, но и на их избранные подразделения. Было бы больше смысла, если бы он реагировал на все раздражители инстинктивно, как это было на поле битвы в Синудзи, но это было даже меньше. Казалось, его разум решил обрабатывать только то, что было абсолютно необходимо для продолжения выживания, но учел лишь несколько избранных сценариев, с которыми он мог бы столкнуться, и забыл обо всем остальном. Странная болезнь, мягко говоря, но любой прогресс - это хороший прогресс.

Надежда ядовита. Примите факты. Он может никогда не поправиться, оставив вас ухаживать за мужем-калекой, пока его смерть не освободит вас от брачных клятв ...

К тому времени, когда Мила была одета и надела легкую шелковую рубашку, Ян наконец выскользнул из-под одеяла, совершенно не стесняясь своей наготы, когда она надела наряд, который Ын оставил для нее прошлой ночью. Помимо брызг воды на лицо и пробежек пальцами по волосам, это была единственная степень ее утренних приготовлений, и Мила мягко обиделась на свою сестру-жену за то, что она так хорошо выглядит с такими минимальными усилиями, когда она борется со своей щеткой для волос перед зеркалом. Заметив ее огорчение, Ян ухмыльнулся и заключил Милу в теплые объятия. «Это цена, которую вы платите за то, чтобы выглядеть великолепно», - сказала она, указывая подбородком на расческу. «Хотя я думаю, что у тебя по-прежнему много очарования, даже если твои волосы спутаны и растрепаны. Вы можете свести всех с ума своим естественным, грязным, "только что проснувшийся" взгляд сочетается с твоим усталым хмурым взглядом. Дергая за рубашку Милы, обнажая бледное веснушчатое плечо, Ян добавил: «И ты должен был видеть, как глаза Рейна выпучивались, когда он мельком видел твою обнаженную кожу. Это бессовестно. Как я должен соревноваться?»

Согретая попыткой неисправимой женщины подбодрить ее, Мила прижалась виском к Яну и сделала вид, что нахмурилась. «Как будто ты не знаешь, какое влияние на него оказывают твои покачивания бедрами. Не знаю, как тебе удастся так ходить, не спотыкаясь о собственные ноги».

Глаза загорелись дьявольским восторгом, Ян ответил: «Я мог бы научить тебя. Разве это не было бы зрелищем, чтобы увидеть, как Рейн опрокидывается, когда вся кровь стекает с его головы и устремляется к его ...»

«Ян!»

«Не« янь »меня, Мила, ты теперь замужняя женщина, а не какая-то прекрасная девушка, не подозревающая, что происходит между простынями».

«Это не значит, что мы должны говорить об этом, как пьяные моряки на берегу».

«Даже самый упорный морской волк покраснел бы, услышав о ваших подвигах».

«И они побежали обратно к своим кораблям, узнав о твоём».

Их добродушное подшучивание внезапно прекратилось, когда простыни зашевелились, подняв обе их надежды до нереальных высот, но они рухнули, когда Пинг Пинг, Мама Бун и Гуай-Гуай вышли из-под одеяла у подножия кровати. Обычно мама Бун спала, распластавшись на груди Рейна, но, по словам Яна, Мила продолжала толкать бедного кролика во сне, а мама Бун с тех пор отступила, чтобы прижаться к черепахе и красной панде. В то время как Ян помог Пинг Пину встать с кровати, чтобы не повредить половицы, Мила поймала Гуай-Гуая после того, как он бросился ей в объятия. Настроение угрюмой красной панды значительно улучшилось за последние недели, что было иронично, учитывая, что его имя было омонимом слова «угрюмый», хотя Сонг, выбравший это имя, настаивал, что оно должно быть «гуай» от «хорошо себя вести». ¹. Мила все еще не знала, как обращаться с этим чудовищем загадочного происхождения, но его очаровательные выходки начинали влиять на нее. Возможно Гуай-Гуай **была** возрождением Гуань Суо, но, по ее мнению, это возрождение было сродни взятию ржавого меча, плавлению его и перековыванию на его месте нового меча. Хотя он был создан из тех же материалов, в процесс было вложено достаточно усилий, чтобы считать его новым мечом, точно так же, как Гуай-Гуай была новорожденной красной пандой, а не ее перевоплощенным предком.

Помогло то, что Гуай-Гуай был чертовски милым, протирает глаза и зевал, обнимая ее, и все это время выглядел сварливым.

Что касается Мамы Бун, она возобновила свой пост на груди Рейна и уставилась на его лицо, ее нос почти касался его, пока она смотрела и ждала знака. Сначала все думали, что это потому, что она была очень расстроена, но теперь они уже не были так уверены. Бдительный взгляд Мамы Бун имел цель, выходящую за рамки

простого траура, и не только потому, что она не казалась такой грустной, а только смущенной и расстроенной, эмоции, которые Мила хорошо понимала. Встретив взгляд своей сестры-жены, они пришли к молчаливому соглашению, когда Мила надела шерстяное пальто, подняла Маму Бань с кровати и вывела Пинг Пина на улицу, в то время как Ян готовил Рейна к дню и, несомненно, дразнил его еще немного. Что ж, возможно, дразнить было неправильным словом, и было бы лучше сказать, что она пыталась вызвать ответ, но в любом случае, от ее смелых действий щеки Милы покраснели от смущения, хотя ее сердце жаждало того же. Тесты так и не продвинулись, несмотря на очевидную готовность Янь сделать это, но она отказалась продолжать без очевидного ответа, и до сих пор Рейн не смогла даже моргнуть глазом, не говоря уже о том, чтобы продемонстрировать энтузиазм по поводу любого из бесстыдных предложений Яна.

Фактически, это была единственная причина, по которой она предложила им разделить кровать Рейна вместе, и Миле потребовалось три дня обсуждений, чтобы убедить ее, что добавление Луо-Луо в микс ничего не изменит, не говоря уже о Сорье, Анри, Сон, Линь-Линь или кто-нибудь еще, о ком только мог подумать Ян. Она была гораздо более открытой, чем Мила, в отношении того, чтобы делиться Рейном, но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

Если и была серебряная подкладка для продолжительной комы Рейна, так это то, что она позволила Миле, Яну, Лин-Линь и Ло-Луо объединиться в общих невзгодах и стать ближе, чем когда-либо. Большое преимущество для обеспечения прочного многопартнерского брака, которое облегчило их жизнь, поскольку они не боролись за привязанность своего мужа. В качестве доказательства их крепких связей, Мила остановилась, чтобы осторожно разбудить Ло-Ло и напомнить ей об их планах на день, и даже помогла суетливой женщине с ее волосами и одеждой, не рыча и не огрываясь. Хорошо, что Ло-Ло воздержалась от макияжа в течение дня, иначе Мила могла умереть от голода, прежде чем была готова покинуть комнату.

Ладно, значит, еще надо было поработать, чтобы укрепить их отношения, и вовсе не потому, что Мила боялась, что Рейн по уши влюбится в красивую и очаровательную Ло-Луо и забудет все о других своих женах ...

Снаружи они встретились с Яном, Ли-Ли и полусонной Лин-Линь, крепко цеплявшейся за руку ее мужа, в то время как Блэкджек тихонько храпел между ее ушами. Одетый в теплое шерстяное пальто, Рейн выглядел броской фигурой во дворе, в то время как животные по очереди пытались привлечь его внимание, но, увы, они не добились большего успеха, чем Мила. Это тоже хорошо, потому что, если он проснется, чтобы погладить животных, проигнорировав, на что они с Яном пошли, она вполне могла бы избить его до крови, пока он снова не впадет в кому.

Окруженный приступом хихиканья, Линь-Линь сонно улыбнулся и сказал: «У Ми-Ми и Гуай-Гуай одинаковые хвосты и хмурые взгляды».

«Ну, у вас с Блэкджеком одинаковый храп».

«Лжец». Подняв голову высоко, полузаяц заявил: «Я не храплю».

Пощипывая мягкие щеки Линь-Линь, когда она вмешивалась, Ян улыбнулся и сказал: «Ты определенно хочешь. Как тростник, свистящий на ветру, очаровательно, но очевидно».

«Ли-Ли, надо мной издеваются». С широко раскрытыми глазами в притворной печали Лин-Линь спросила: «Я правда храплю?»

«... Очень изящно».

Насмешливое горестное выражение предательства Лин-Линь заставило остальных рассмеяться, и даже Ли-Ли слабо улыбнулась, без сомнения, используя свою чудесную Ауру, чтобы показать Лин-Линь ее любовь. Несмотря на то, что она это знала, Милу все же удивило, когда она узнала, насколько эмоциональной может быть Ли-Ли. Фактически, это была причина, по которой теперь она была «Ли-Ли», а не «Сонг», потому что Мила поняла, что ее сестра предпочитает девичье имя после того, как она продолжала использовать свою ауру, чтобы выразить это. За каменным выражением лица Ли-Ли было так много скрыто, и теперь Мать Вверху позволила ей поделиться своими чувствами так, как она была знакома. Конечно, маленькое чудо по сравнению со всем, что произошло во время той роковой битвы, но тем не менее чудо, и Мила была благодарна за это благословение.

Несмотря на то, что Мила была женщиной, которой нужно было содержать собственное хозяйство, она все еще была дочерью своей матери и еще не была взрослой, но достаточно мудрой, чтобы понимать, что она не всегда может полагаться на своих родителей, чтобы все уладить. Таким образом, она еще больше дорожила усилиями мамы, когда она помогала ей собираться и готовиться к их однодневной поездке, просто совершив короткую прогулку по городскому рынку, прежде чем отправиться в бамбуковую рощу. По словам Ло-Ло, Рейн был абсолютно необходим, чтобы показать свое лицо публично, даже если это было с вялым, пустым выражением лица. Лучше люди Империи думают, что он устал и унылый, чем нездоровый и невосприимчивый, последнее из которых они могут легко скрыть, ограничив возможность любого говорить с ним. В конце концов,

Взявшись за руки со своей сестрой и грозным Императорским Слугой, Мила вывела Гуай-Гуая, когда она последовала за Рейном, Линь-Линем и Яном через рынок, и поразила тому, как хорошо полузайчик отвлекал от него внимание. Поразительно, насколько хорошо она выдерживала невзгоды, особенно сейчас, когда наступил и закончился новый год, когда она и Рейн должны были пожениться. Бедный Линь-Линь и бедный Ло-Луо тоже, кто знал, когда они дадут

клятву Рейну? Независимо от того. В глазах Милы они были женами Рейна почти во всем, что имело значение, поскольку обе они продемонстрировали свою решимость стоять рядом с ним, несмотря на все трудности.

Им повезло: они влюблены в калеку, но не женаты на нем. Они по-прежнему могут искать другие варианты, как и она, поскольку не было известно, выздоровеет ли Рейн и когда когда-нибудь ...

Заметив две стойки с украшенными драгоценными камнями вуалью и прозрачными шальями в торговом прилавке, Мила покраснела, когда она остановилась, чтобы полюбоваться ими. «Во время своего первого визита к Шен Хо, - сказала она, рассказывая ради Ли-Ли и Ло-Луо, - Линь Линь потащил меня и Рейна за покупками. Я тогда думал, что он был просто большой помехой, глупым мальчиком, который задавал слишком много вопросов, Линь-Линь был слишком очарован. По той или иной причине я был раздражен и начал изо всех сил игнорировать их, а также хотел, чтобы они заметили, что я их игнорирую. В итоге я слишком пристально разглядывал такую одежду, как эта, и Рейн совершила ошибку, предположив, что она мне подойдет».

"О, Боже." Ло-Ло сразу понял и объяснил ради Ли-Ли. «Это южные танцевальные шали, которые носят жены, танцующие для своих мужей, танец, в котором женщина ... теряет свою вуаль и шаль по мере продвижения. В более сложных нарядах может быть до двадцати семи предметов одежды, но для большинства двух более чем достаточно».

Понимающе кивнув, Ли-Ли склонила голову и спросила: «Что случилось потом?»

«Я ударил его по лицу и рванулся». Покраснев щеки, когда она смущенно взглянула на Рейна, Мила объяснила: «Когда я была маленькой, я нашла один из этих нарядов в маминном туалете, и она сказала, что это особая одежда, которую мамы носят для пап, и я этого не поняла. пока я не стал старше. Когда Рейн предложил мне прекрасно выглядеть в одной, он не знал, для чего они нужны, и подумал, что это просто то, что можно носить на публике поверх обычной одежды».

В то время как Ло-Луо скрывала улыбку за шоком, а Ли-Ли делилась своим весельем через Ауру, Мила закусил губу и нежно уставилась в спину Рейн, вспоминая, как, когда она наконец добралась до извинений, он уже простил и забыл об этом. . Были времена, когда она задавалась вопросом, как на Небесах он мирится с ее скверным характером и пламенным настроением, особенно с Янь, Линь-Линь, и Ло-Ло так сильно в него влюблена. Когда Мила рассказала ему о намерении мамы обручиться с ними, Мила даже имела наглость сказать Рейну, что она не очень заинтересована в том, чтобы выйти за него замуж и передать ему список качеств, которых, как она ожидала, будет придерживаться ее будущий муж.

И Рейн придерживался каждого, кроме целого «никаких любовных интересов», но в свою защиту он был дураком, который слишком легко влюбился. Иначе почему бы ему полюбить саму Милу?

~~~~~

Горит ненавистный телефон, и, прежде чем я это узнаю, я уже проверяю его содержимое, настроив его так, чтобы он предупреждал меня только о самых важных сообщениях, включая все, что было связано с моим поведением. Проблема с тем, чтобы оставить Натальную Душу для пилотирования моих останков из плоти, заключается в том, что я понятия не имею, станет ли и когда упомянутая Наталья Душа осознает себя и разрушит все, для чего я так усердно работал. Обливион ждет, но моя цель кажется еще более далекой, чем когда-либо, поскольку я снова углубляюсь в красную пыль мира смертных, и для чего? Грубые селфи и ложные срабатывания.

Но одно достойно внимания. Мила, моя милая, сильная, уверенная в себе жена, вспоминающая давно минувшие времена и поддавшаяся печали и меланхолии, хотела, чтобы я смотрел ей в глаза, как раньше, взглядом, полным тепла, любви и привязанности. Я всегда знал, что у нее есть своя доля сомнений и неуверенности, но я никогда не знал, насколько глубоко они зашли. Как она может задаваться вопросом, люблю ли я ее вообще или люблю ее так же, как я люблю других? Если это испытание или уловка, то я должен передать это Чжэнь Ши, потому что он научился нажимать мои кнопки, чтобы причинять максимальную боль. Это больно почти так же, как видеть, как она умирает, потому что я люблю Милу больше, чем можно описать словами, и теперь я знаю, что мои действия не смогли передать всю глубину моей привязанности. Я знал, что мое отсутствие повредит людям, которых я оставил, но это уже слишком. Я думал, что Мила знает, как я люблю и дорожу ею, но какие слова я мог набрать здесь, чтобы сказать ей это? Никто. Я не могу представить себе жизнь без нее, потому что она - солнце в моем небе, огненная и темпераментная, но в то же время теплая и заботливая. Красная нить судьбы связывает нас вместе, и она идет от первого вздоха, который мы сделали как муж и жена, до того момента, когда она испустила последний вздох на полях Центрального. Я ничто без нее, ничто без Янь, Линь-Линь и многих других, жалкий неудачник, который не может оставаться в одиночестве. Легче поверить, что все это ложь и что я никогда не покидал шахт, чем рискнуть обнаружить своих близких живыми только для того, чтобы снова потерять их. но в то же время тепло и заботливо. Красная нить судьбы связывает нас вместе, и она идет от первого вздоха, который мы сделали как муж и жена, до того момента, когда она испустила последний вздох на полях Центрального. Я ничто без нее, ничто без Янь, Линь-Линь и многих других, жалкий неудачник, который не может оставаться в одиночестве. Легче поверить, что все это ложь и что я никогда не покидал шахт, чем рискнуть обнаружить своих близких живыми только для того, чтобы снова потерять их.

После того, что я испытал, как я могу быть достаточно уверенным, чтобы отличить реальность от иллюзии? Я вообще жил жизнью Falling Rain? Или это был еще один сон, который показал мне Чжэнь Ши, великая жизнь, которую он

позволяет мне вспомнить, чтобы потом использовать, чтобы выманить меня из укрытия и вернуться к моей жизни в шахтах? Я действительно женился на Миле и Яне? Был ли я действительно талантом номер один в Империи? Сбежал ли я даже из рабских шахт, или все это был чудесный, блаженный сон, придуманный изможденным умом между приступами изнурительного труда? Я так долго был здесь в пустоте, не имея ничего, кроме воспоминаний, воспоминаний, от которых я давно избавился от всех эмоций, так как я должен знать, настоящая ли любовь, которую я чувствую, или результат воображения?

Это имеет значение? Реальны ли мои воспоминания или воображаемые, живы ли люди или мертвы, боль, которую я чувствую здесь и сейчас, достаточно реальна, и я отчаянно желаю положить конец своим страданиям.

Так что же мне делать? Мила болит и сомневается в глубине моей любви. Она ошибается? Я сижу в пустоте, а она и все, кого я люблю, ждут моего возвращения. Ян упорно трудится, чтобы поставить на храброе и счастливого лице, но внутри, она больно так же, как Мила, озабоченно она потеряет все, что она дорожит. Не только я, но и теплая и любящая семья, с которой она только что вышла замуж, и сестры, которых она подобрала по пути. Ло-Ло подчеркивает общественное мнение, задаваясь вопросом, может ли кто-нибудь сказать, что я не весь здесь, или они просто думают, что мне скучно ходить по магазинам, и все это время переписывается с Му Яном через Посылку, чтобы управлять делами внешних провинций. Беспокойство Сонг сосредоточено на благополучии ее сестры, она задается вопросом, может ли она что-нибудь сделать, чтобы поднять плохое настроение Милы, в котором она оказалась в ловушке с тех пор, как я впала в кому.

А еще есть Лин-Линь, яркий, жизнерадостный, оптимистичный Линь-Линь, который прекрасно проводит время со всеми на рынке. Нет никаких сожалений, которые тяжело давят на ее разум, никаких внутренних тревог, разъедающих изнутри, никаких сомнений, с которыми ей нужно бороться, или беспокойства, на котором она могла бы остановиться. Там нет ничего, кроме того, что здесь и сейчас, и она счастлива, насколько это возможно, висит у меня на руке в окружении большинства своих любимых людей и животных. Несмотря на то, что она знает мое состояние, она говорит так, будто я полностью контролирую свои способности, а не совсем из них, - уловка, которая хорошо работает, поскольку торговцы слишком заняты склонением голов, чтобы хоть раз взглянуть мне в мертвые глаза. «Они пахнут так вкусно, муженек», - говорит она, когда мы останавливаемся у киоска с жареным мясом. «Двадцать четыре шпайки из свинины, пожалуйста, с арахисом и соусом сатай».

Это похоже на нее - покупать по одному для всех, даже для Скрытых охранников, присутствие которых она только что выдавала, но ее это не касается. Для Мэй Лин, моя милая и прямолинейная жена, это обычный день на рынке с ее любимым муженьком, и это все, что нужно, чтобы сделать этот день прекрасным. Еда, одежда, безделушки для домашних животных и многое другое - она покупает все, что бросается в глаза, не забывая поделиться. Не только со своей семьей и близкими, но и с теми, кому повезло меньше, чем она. Слухи распространились, и довольно скоро у нас есть след голодных детей, идущих по нашим следам, поэтому Линь-Линь платит целую улицу продавцам еды, чтобы накормить их, при этом невинно задаваясь вопросом, почему люди предпочли бы позволить еде

пропадать, чем делиться с нуждающимися . В отличие от меня она не закичивается на расходах,

Именно так моя милая жена видит вещи, всегда сосредоточенная на том, что перед ней в любой момент. Ее оптимистичное и беззаботное отношение - вот что мне в ней больше всего нравится, и в то же время я ей завидую. Мир был бы намного лучше, если бы мы все были немного больше похожи на Линь-Лин, так почему я не могу быть больше похожим на нее, а не на меня? Почему я не могу просто отбросить свои заботы и наслаждаться жизнью так же, как она? Она никогда не задумывалась, что она будет делать, если я никогда не вернусь, потому что в ее глазах я все еще рядом с ней. Наполняясь любовью и ревностью, я смотрю, как она прыгает от прилавка к прилавку с Блэкджеком, зажатым между ее ушами, и Мамой Бун в руках, все время сжимая мою руку и таща меня и Яна за собой в сегодняшнее приключение. Следя за происходящим, Я просматриваю сообщения на своем телефоне и догоняю все, что намеренно игнорировал. Надежды мамы постепенно рушатся, несмотря на все ее попытки цепляться за них, и папа уже давно смирился с моей возможной смертью. Дело не в том, что ему все равно, но он знает, что это часть жизни, и даже если я останусь таким, какой я есть, еще на сто лет, он все это время будет любить и заботиться обо мне. Аканай во многом то же самое, гадая, как она когда-либо будет обсуждать с Милой тему о поиске другого мужа и не будет ли десять, двадцать или даже тридцать лет слишком рано, в то время как Хусолт болит за свою драгоценную дочь и хочет, чтобы он мог что-то сделать, что угодно чтобы ее боль ушла. Это то влияние, которое моя трусость оказывает на людей, которых я люблю больше всего. Все, что я сделал, это вызвало у них душевную боль, беспокойство и страдания, все это будет задерживаться и гноиться, пока я существую. Возможно, было бы лучше, если бы я просто умер, но даже со всем своим страхом и сожалением я не могу заставить себя покончить с собой, потому что ...

Потому что там, где есть жизнь, есть надежда, и именно эта ядовитая изменническая надежда является корнем всех несчастий.

Надежда и сожаление мешают мне положить трубку, потому что даже если эта жизнь была блаженной иллюзией, я не могу оставить своих близких вот так, но я также не знаю, что еще делать. Я не понимаю, они все должны быть в порядке без меня, так почему же все так плохо с этим справляются? Почему мои Натальные Души не позаботились обо всем этом? Они должны были сказать Миле, как сильно я ее люблю, заверить Яна, что все будет хорошо, помочь Ло-Ло нести свое бремя и медленно побудить Сун выйти из своей оболочки. Затем есть остальные члены моей семьи, которые все еще держатся, но не так хорошо, как должны, а это значит, что что-то не так. Включив компьютер, я сижу и жду, пока все загрузится, чтобы я мог видеть, что происходит в реальном мире, только для того, чтобы меня приветствовал небольшой значок в правом нижнем углу экрана. крошечный белый шар с красным крестиком на нем. Соединение не обнаружено, это то, что он говорит, когда я нахожу указатель мыши, чтобы проверить его, и Энергия Небес отказывается отвечать за меня на мои вопросы. Что случилось с моим ограниченным всеведением? Что-то изменилось с тех пор, как я уединился в пустоте, но что?

Это не важно. В любом случае мне не нужна была вся эта сила, потому что мои Натальные Души все еще связаны внутренне. Вроде, как бы, что-то вроде. Я не знаю. Они - часть меня, и я все еще могу отследить их, если потребуется, используя компьютер в качестве интерфейса. Натальная Душа 8 945 486 - самая близкая к моему физическому телу, она привязана к Янь и объясняет, почему она должна отказаться от надежды. «Посмотри на него», - говорит Натальная Душа, переводя взгляд на мое пустое выражение лица. «Это ваш муж, пустая оболочка мужчины, который дышит, но мертв внутри. Какая у вас будет жизнь с ним? Когда-то вы беспокоились о том, чтобы разделить его, но теперь вы должны быть счастливы, если другие помогут разделить это тяжелое бремя».

Все это правда, но чувство вины, которое слова моей Натальной Души вырывают внутри Яна, причиняет мне боль, и я пожираю ее целиком в приступе ярости, осознавая, что я сделал, только постфактум. Что еще более важно, я также выясняю, что пошло не так. Эта Натальная Душа не была создана с надеждой, любовью и привязанностью, как мои предыдущие творения, потому что после того, как я разделил почти девять миллионов душ эмоций, томясь в пустоте за последние десять недель, похоже, у меня закончились положительные эмоции. продать. Раскаяние и сожаление составляют основную часть того, что осталось, из которых 8 945 486 были переполнены и медленно отравляли Яна этим же. Ошибка, и к тому же серьезная, поскольку я в очередной раз чуть не обрушил на свою семью разрушение, ибо в моих поисках ничтожества и забвения я выпустил сонм Призраков на людей, которых люблю больше всего.

Еще больше моих Призраков болтается с Яном, Луо-Луо, Сонг, Милой и остальной частью моей семьи, Призраками, которых я пожираю, не задумываясь. Без моей связи с Энергией Небес я привязан к своему физическому телу и не могу выйти слишком далеко за его пределы, но благодаря моим многочисленным лечебным ваннам мое Ядро снова целое и полностью созвучно моей Душе. Захватывая власть с Небес, я высвобождаю свой Домен и пожираю каждого Призрака в области, будь то успех или неудача. Первым замечает начальник стражи, за ним Аканай, дедушка Ду и остальные, и внезапно наша небольшая прогулка по рынку резко останавливается, когда все они карабкаются, чтобы затащить меня в карету и скрыться из виду. .

Мой телефон гудит, когда в моих собравшихся близких растет поток надежды и оптимизма, но я еще не готов им ответить. Вместо этого я продолжаю исправлять ошибки своего пути и пытаюсь выяснить, что пошло не так. Очевидно, пытаюсь избавиться от всех эмоций, я зашел слишком далеко в отрицательную сторону, при этом мое подсознание решило, что лучше всего убедить всех отказаться от меня, чтобы я мог двигаться дальше с миром. Я мог бы добавить, что все это незаметно, в основном потому, что я был так поглощен избавлением от боли и страданий. Проблема в том, что я не могу разорвать связи с этой жизнью, реальной или воображаемой, если оставляю ее без меня хуже, потому что это было бы безответственно. Во мне этого просто нет, так что мне делать дальше? Я настойчиво стараюсь достичь ничтожества и оставаться здесь в пустоте, **больше** боли и страданий, когда я обнаруживаю, что все это была ложь?

Или, проще говоря, я рискую собой ради людей, которых люблю, или остаюсь эгоистичным трусом, скрывающимся от всех своих проблем?

Лишенный Небесной Энергии, которая направляла меня, на этот раз ответ дается не так легко. Я мог бы снова разделить свою Натальную Душу, наполнить единственную часть всеми лучшими частями меня и оставить худшее здесь, в пустоте, но чем это будет отличаться от Балдага и Брата? Ну ... на самом деле, было бы хуже, потому что они оба в основном были мной, только с разным уровнем знаний и неврозов. В данном случае, однако, ни одна Натальная Душа не была бы мной, потому что в мире нет человека, который состоит исключительно из положительных или отрицательных эмоций. Игнорируя, насколько раздражающим был бы «хороший» меня, оставшаяся Натальная Душа принципиально не отличалась бы от Призрака, лишенная отрицательных эмоций, заключенная в оторванной части души. Без лучших частей меня, чтобы держать мою темную природу под контролем, что удерживает этот отрицательный Призрак на этом пути к забвению? Если все его существование - несчастье, зачем ему валяться во всем этом в одиночку?

Не поэтому ли Призраки жаждут существования и возвращения в мир живых? Потому что они также стремятся быть счастливыми, цельными и снова ощутить любовь и привязанность. Разве не этого все мы хотим? Быть счастливым?

Не знаю, что буду делать дальше, но одно можно сказать точно. У Лин-Линя секрет счастья разгадан, в то время как остальные из нас, простых смертных, все еще пытаются найти свой путь.

Глава 660

После недель и месяцев испытаний и невзгод у Ян наконец появилась надежда, что все это скоро останется позади и ее муж снова вернется к ней.

Крепко обняв Балу, пока милый медведь устроился в ее объятиях, она прислонилась к стене кареты, чтобы смотреть в окно на заднюю часть машины Рейна. Хотя его шторы были задернуты, и у нее не было подходящего угла, чтобы смотреть в окна, она все еще хотела знать, как он поживает, и не могла оторвать глаз. После нескольких недель, проведенных в крепком сне, и нескольких дней, блуждающих в бессонном оцепенении, сегодня, возможно, он наконец придет в полное сознание и полностью вернется к ним. Идеалистическая точка зрения и, возможно, преждевременная, но Ян покончил с умеренными ожиданиями. Она хотела, чтобы ее муж вернулся не только телом, но и сердцем, разумом и душой, чтобы он увидел его улыбку, услышал его смех и почувствовал, как его рука сомкнулась вокруг ее руки, когда он заключил ее в свои объятия.

Все это испытание сказалось на ней, и она быстро приближалась к своим пределам. Сначала Ян была уверена, что ее муж проснется достаточно скоро, но затем она начала замечать детали, которые не могла просто игнорировать. Рейн никогда не спал крепким сном, склонен ворочаться даже после долгих,

изнурительных часов напряженной деятельности, но, потеряв сознание на поле битвы несколько недель назад, он заснул сном мертвых. Он ни разу не пошевелился во сне, даже когда она пощекотала ему нос и ступни, и он не вздохнул и не причмокнул, когда Ян или мама Бун прижались к его изгибу шеи. Фактически, помимо дыхания, единственным признаком жизни, который он демонстрировал, было быстрое движение глаз за закрытыми веками, что, по словам Лин-Лин, означало, что он видел сон, факт, который она узнала из вторых рук от Рейна.

Ян не мог бы назвать своего мужа лжецом, но настанет день, когда он наконец почувствует себя готовым сказать им правду. У нее были подозрения, что его знание было результатом Небесного Проницания, но столкновение с ним только заставило бы его упереться пятками и отрицать это еще сильнее. Такой противный мужчина, ее муж, Падающий Дождь, любимый Небесами, но все же обиженный на них ...

Трудно было видеть его таким безжизненным и неодушевленным, совершенно безразличным к окружающему миру. Проходили дни и недели, ее разум уходил в темное место каждый раз, когда она видела его, гадая, перешла ли его душа уже в теплые объятия Матери, и это было просто тем, что осталось. Хуже всего то, что она чувствовала легкое облегчение каждый раз, когда обдумывала это, поскольку это означало, что она могла освободиться от брачных клятв, облегчение, которое быстро сменилось личной ненавистью, но всепроникающие мысли продолжали мучить ее. Ей было лучше без него, он в любом случае ее никогда не заслуживал, какая у нее была бы жизнь в качестве одной из его пяти жен, причины продолжались, хотя она никогда не хотела их. Все они были ложью, но они исходили из ее собственного разума, и часть ее интересовалась, не потому ли, что она действительно так думала.

Но каждый раз, когда ее мысли становились невыносимыми, она смотрела на Рейна, и ее сердце разрывалось до тех пор, пока не грозило разорваться, и именно поэтому она знала, что любит его. Боль была напоминанием о том, как много он для нее значил, боль, которая только усиливалась с каждым днем и боялась, что однажды она утихнет.

Затем, чудо из чудес, однажды он открыл глаза, встал с постели и вышел в туалет, сам по себе, хотя и менее чем на минуту преследовал Яна по пятам. Не совсем то воссоединение, которого она ожидала, когда он ворвется голым с брюками, сброшенными вокруг его лодыжек, как раз в тот момент, когда она собиралась опорожнить свой мочевой пузырь. К счастью, она угадала его намерения как раз вовремя, чтобы уйти с дороги, прежде чем он открыл ворота наводнения, и ни на секунду раньше. Этого было достаточно, чтобы сказать ей, что с Рейном не все в порядке, но его вялое, невидящее выражение лица заставило задуматься. Это не был ее теплый и любящий муж, просто его тень, холодная, бездумная версия, бездумно заботящаяся о его телесных потребностях. Некоторые считали его отчужденным и отстраненным, человеком, который заботился только о своих близких и не доверял незнакомцам, но правда была в том, Рейн был просто неловким и нервничал с новыми людьми, потому что был социально некомпетентен. Благодаря кропотливо подготовленным урокам Ло-Луо в последнее время он намного лучше научился общаться с другими людьми, но все, что потребовалось, - это один двусмысленный комментарий,

чтобы выбить его из игры. Было забавно наблюдать, как Рейн останавливается на безобидном заявлении и задается вопросом, что на самом деле имел в виду говорящий, когда в большинстве случаев люди редко бывают такими хитрыми и хитрыми, как он ожидал.

Конечно, Ло-Луо был одним из таких людей, и многие люди, с которыми Рейн работал в качестве Легата, были такими же, так что, возможно, это было больше, чем Ян понимал. В любом случае, именно поэтому Рейн предпочитал животных людям, потому что они всегда были открыты и честны в своих чувствах и поэтому их легко читать. О, как она скучала по своему выразительному, сочувствующему, эмоциональному мужу и отчаянно хотела его вернуть, лишь бы увидеть, как он снова улыбается и смеется. Именно за эту нить она цеплялась, ее безграничная любовь держала ее дух на плаву, когда она пыталась и не смогла добиться от него ответа, вербального, соматического или иного. Несмотря на то, что она наблюдала, как он становится здоровее и активнее с каждым днем, ее мрачное настроение не улучшалось, поскольку она размышляла о своих темных мыслях.

«Это твой муж, пустая оболочка мужчины, который дышит, но мертв внутри». Эти слова эхом разносились в голове Янь, когда она смотрела на мужчину, которого любила, пока они шагали под руку по рынку. «Какую жизнь вы будете с ним проживать? Когда-то вы беспокоились о том, чтобы разделить его, но теперь вы должны быть счастливы, если другие помогут разделить это тяжелое бремя».

Все правда, но не вся правда, потому что, даже если он не проснется, она никогда не откажется от него. Ей не нужна была клятва, чтобы заставить ее, потому что любовь и надежда делали достаточно прекрасную работу сами по себе.

О, как забилося ее сердце, когда она почувствовала, как он направляет Небесную Энергию рядом с ней, и за короткое мгновение перед тем, как свекровь Аканай увела его прочь, Ян подумал, что она что-то увидела, то, во что она не осмеливалась поверить. На какое-то мгновение в прищуренном взгляде Рейна промелькнул намек на сосредоточенную концентрацию, его янтарные глаза были сосредоточены на чем-то поблизости, вместо того, чтобы бесцельно смотреть вдаль. Затем он ушел, то есть физически, его почти несли в его карете вместе с Лин-Линем, Сун и свекровью Сарнаи, оставив Ян гадать, не представляла ли она все это. Добавьте к этому тот факт, что все кролики уже ждали внутри, и Пинг Пин с трудом протиснулся внутрь, у Яня не было другого выбора, кроме как ехать в карете дедушки вместе с Милой и Луо-Луо. Медведи и дикие кошки присоединились к ним и собрались плотно,

Не в силах помочь себе, она повернулась к дедушке и Посланному: «Как он? Они сообщили? Он что-нибудь сказал?»

«Без сдачи, но это хороший знак», - ответил дедушка «Отправленный», улыбаясь, похлопывая ее по колену. «Мы подозревали, что Ядро вашего мужа было отремонтировано более двух недель назад, но он впервые использовал его, развернув свой Домен и показав Чистоту довольно впечатляющим образом. Хотя я

не знаю, почему, по крайней мере, это говорит нам, что не все потеряно и что его дух все еще живет внутри, так что даже если его разум останется закрытым после сегодняшнего дня, у него еще есть надежда ».

Ободренный доверием дедушки, Ян с радостью поделился хорошей новостью с Милой и Ло-Ло, желая, чтобы она могла крикнуть ее Небесам вместо того, чтобы передавать ее через Посылку. Ло-Ло настаивал на этих строгих мерах при обсуждении здоровья Рейна в любое время, несмотря на все заверения, что они могут свободно говорить, когда их защита будет развернута, как это, без сомнения, было прямо сейчас. Ло-Ло ответил, что не может быть слишком осторожным, поэтому лучше все время сохранять бдительность, чтобы, если их защита потерпит неудачу без предупреждения, они не были застигнуты врасплох и случайно не раскрыли слишком много. Не самая плохая идея, учитывая Син Юн Вэй, Имперское Божество и предполагаемый Защитник Дао Рейна, которого еще не видели снова, и он вполне мог прятаться у них под носом.

Ян отметил, что в то время как дедушку Ду оттолкнуло возможное присутствие божества, скрытого в их среде, ее родственники, казалось, были совершенно не обеспокоены такой перспективой и, возможно, даже немного позабавили их заботы. Информация, которую она приняла за *людей* них были дружественные Божества, которые охраняли Рейн, хотя ни Мила, ни Сун, ни Линь-Линь не смогли вырвать какую-либо информацию из своих родителей, но не из-за отсутствия попыток. Ян также не сказала об этом дедушке Ду, потому что она знала, что его любопытство возьмет верх, и он будет активно искать спрятанные божества, но она также знала, что Звери предков гор Скорби святого оставались скрытыми по уважительной причине. . В детстве она придумывала всевозможные глупые *гаionales* для их добровольного изгнания, но когда она выросла и узнала больше о Звери предков в целом, она поняла, что ответ был гораздо менее сложным, чем она представляла.

Эти могущественные существа двинулись в Горы Скорби Святых, потому что все хотели, чтобы их оставили в покое. Вот и все. Они не хотели иметь ничего общего с людьми, которые там жили, даже с детьми-полуживотными, которых они породили, и поэтому были лишь слабо связаны с *Часовыми*., насколько Ян мог судить. Даже Мила многого не знала, прожив всю свою жизнь, полагая, что ее прародитель тоже жил в горах с ними. Ян полагал, что то же самое и с ней, хотя она никогда не встречала другого полуживотного того же типа, с прямыми заостренными оленьими рогами, торчащими из ее лба, а не из висков, как это было более распространено в других частях Северной провинции. . В любом случае, было мало любви потеряно между людьми гор Святых Скорбей и Звери предков, которые также называли его своим домом, так что если дедушка Ду своими любопытными исследованиями должен был свить шершневое гнездо, то даже Мать-в-Закон Аканай мог защитить его от вреда.

Ду Мин Гю был живой легендой и экспертом Империи, но даже тогда он не мог сравниться с божеством. Боевой путь был длинным и трудным, и немногие когда-либо достигали таких высоких высот, но Ян была полна решимости предпринять попытку, даже если ее полуживотное наследие обрекло ее на неудачу. Мать любила всех Своих детей одинаково, по крайней мере, так было сказано, и был установлен предел на полуживотный потенциал, чтобы восполнить другие их дары. Для Яна это никогда не имело смысла, но именно так говорили все, и ни

один полуживотный в истории Империи никогда не становился успешным Божеством, ложным или каким-либо другим. Такова жизнь, и Ян не могла спорить, но и не из тех, кто позволял другим устанавливать для нее пределы.

Вот почему она так любила Рейна. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы освободить, воодушевил ее следовать своей мечте и тем самым поймал ее сердце надежнее, чем любая клетка могла удержать ее.

Минуты тянулись мучительно медленно, она ждала, затаив дыхание, надеясь услышать хорошие новости из кареты Рейна в любой момент. Ее внимание было настолько поглощено ее мужем и его постоянным проявлением Чистоты, что она не могла заметить направление, в котором они направлялись, пока не достигли восточных ворот цитадели. Бросив на дедушку вопросительный взгляд, он улыбнулся и отправил: «Мы публично объявили о наших планах посетить Округ, и Луо-Ло справедливо указал, что мы не можем отказаться от наших планов, не вызвав подозрений, особенно с учетом беспокойства, которое поднимает ваш муж. Почти каждый воин в Цитадели прямо сейчас может почувствовать его Направляющее, и многие могут ощутить его значительный Домен, но им остается только задаться вопросом, почему. Умный Ло-Луо уже незаметно распространяет информацию о том, что кто-то тайно покушался на его жизнь и потерпел неудачу. От удивления Янь отвела челюсть, и она обратила свой взор на слишком красивую Имперскую Слугу, которая улыбалась и подмигивала, без сомнения, понимая причину своего восхищения. «Никаких движений не было сделано, и вокруг было достаточно любопытных глаз, чтобы увидеть это», - продолжил дедушка, говоря почти неуверенным тоном, что означало, что он повторял то, что ему сказал кто-то другой. «Но все будут подозревать, что молодой Рейн почувствовал угрозу и действовал преждевременно».

«И оттуда поверьте, что он играл дурака, ложного ягненка, поставленного на место тигра, - роль, которую он продолжает играть сейчас, когда мы направляемся из Цитадели». Ян не был полностью безнадежным, когда дело касалось вопросов политики, просто в основном. Тем не менее, она училась благодаря терпеливым урокам Ло-Луо и даже некоторым из того, что выслушивала жалобы Рейна перед его спиной к коме. Ян никогда не хотел оказаться в положении, как у дедушки Ду, когда он доверял не тем людям управлять своими финансами и в конечном итоге в старости оказался почти нищим. Конечно, теперь, когда Ян женился на Рейне, это больше не было проблемой, и хотя она чувствовала себя виноватой из-за того, что потратила его деньги на покупку вещей для своего дедушки, он никогда не поднимал этот вопрос и даже поощрял Яна делать больше. Однако это было не так просто, потому что это было только лицо, и все проиграют, если Рейн финансово поддержит дедушку Ду, не предлагая сделать то же самое для его родителей и Милы, хотя ни одной паре это не нужно. Свекровь Аканай уже заявила о своем недовольстве условиями проживания, в которых дедушка Ду переехал к Рейну и Яну, но Аканай не получила приглашения переехать к Миле. Ошибка, которую Рейн исправил, быстро пригласив и ее, и хотя Ян был немного сбит с толку, чтобы жить под присмотром грозной женщины, это была небольшая плата за то, чтобы все были счастливы, включая Рейна. но Аканай не получил приглашения переехать к Миле. Ошибка, которую Рейн исправил, быстро пригласив и ее, и хотя Ян был немного сбит с толку, чтобы жить под присмотром грозной женщины, это была небольшая плата за то, чтобы все были счастливы, включая Рейна. но Аканай не получила приглашения переехать к Миле. Ошибка, которую Рейн исправил, быстро пригласив и ее, и хотя Ян был немного сбит с толку, чтобы

жить под присмотром грозной женщины, это была небольшая плата за то, чтобы все были счастливы, включая Рейна.

Странно, что у него не было жалоб на то, что он живет со всеми своими родственниками, особенно так скоро, как он женился, но он был именно таким человеком. Другие могли этого не замечать, но Рейн просто хотел отдать столько любви, что он не мог ограничиться любовью только к избранным. Стоит только посмотреть, как он собирает домашних животных, как другие собирают предметы искусства, только Рейн никогда не оставит без внимания ни одно живое существо, особенно близкое и родное его сердцу. Вот почему Ян был готов поделиться им со своими другими женами, потому что независимо от того, сколько других женщин он имел в своей жизни, он делал все и вся, чтобы все они чувствовали себя любимыми и обожаемыми.

Когда их карета отъезжала от цитадели, она заметила прибывающего с высоты Святого врача, стремительно падающего с неба с головокружительной скоростью только для того, чтобы приземлиться перед дверью кареты Рейна, не обнаружив ни единого волоса с места, ни единой морщинки. Все произошло в мгновение ока, и Тадук сделал это так легко и без усилий, что Ян почти не задумывался об этом, пока она не вспомнила, что они все еще находились почти в часе езды от его бамбуковой рощи. Прошло не так много времени с тех пор, как Рейн начал направлять Энергию Небес, но причудливый Целитель уже был здесь, чтобы проверить свое здоровье. И снова Ян повернулся к дедушке Ду и Сенту: «Как быстро ты сможешь пройти через Облако из Цитадели в бамбуковую рощу?»

"Десять минут? Возможно, меньше, если я действительно буду стараться». Оторвавшись от ласки Аури, дедушка спросил: «Почему?»

«Святой врач здесь». Дедушка Ду был так же удивлен, как и Ян, возможно, даже больше, когда она поняла, что быстрое прибытие Тадука осталось незамеченным. Несмотря на то, что он нянчился с Аури и другими животными, дедушка Ду, вероятно, был в полной боевой готовности, обыскивая территорию в поисках Скрытых присутствий и различных угроз их конвою. Если Тадук мог незаметно проскользнуть через Облако в три раза быстрее, чем это мог сделать дедушка, то это означало, что боевые таланты святого-медика не ограничивались только исцелением. Тем не менее, было трудно представить себе милого, но глупого полузайца в боевом сценарии, особенно если учесть, как он провел последние шесть месяцев, бодаясь головами с сурком и оставаясь побежденным. Подозреваемый Духовный Зверь был очарован садом Тадука и, будучи упорным пацифистом, не обидел ни муху, Бедный Целитель не мог остановить очаровательного грызуна. Хотя у него не было никаких сомнений в том, что он вербовал других, чтобы убить сурка вместо него, Рейн и Линь-Линь полюбили вороватого сурка и намеревались привести его в семью. Зная это, Тадук вряд ли мог убить его из-под контроля, а зверь был слишком хитрым, чтобы попасть в ловушку в клетке или сети, позволяя ему свободно приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. После стольких успешных грандиозных ограблений без сучка и задоринки, умный зверь осмелел и стал совершать набег на сад духовных растений среди бела дня и даже был счастлив принимать от большинства из них угощения с рук, пока мама Бун была должным образом сдержана. . Рейн и Линь-Линь полюбили воровского сурка и намеревались привести его в семью. Зная это, Тадук вряд ли мог убить его из-под контроля, а

зверь был слишком хитрым, чтобы попасть в ловушку в клетке или сети, позволяя ему свободно приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. После стольких успешных грандиозных ограблений без сучка и задоринки, умный зверь осмелел и стал совершать набег на сад духовных растений среди бела дня и даже был счастлив принимать от большинства из них угощения с рук, пока мама Бун была должным образом сдержана. . Рейн и Линь-Линь полюбили воровского сурка и намеревались привести его в семью. Зная это, Тадук вряд ли мог убить его из-под контроля, а зверь был слишком хитрым, чтобы попасть в ловушку в клетке или сети, позволяя ему свободно приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. После стольких успешных грандиозных ограблений без сучка и задоринки, умный зверь осмелел и стал совершать набег на сад духовных растений среди бела дня и даже был счастлив принимать от большинства из них угощения с рук, пока мама Бун была должным образом сдержана. .

Это был план Лин-Линя - поймать зверя с добротой, и до сих пор все, что им удалось сделать, это выбросить буквально целое состояние духовных растений. Конечно, цены резко упали бы, если бы кто-нибудь когда-нибудь узнал, как легко можно выращивать зрелые растения, требующие немногим больше, чем дружба с Божественной черепахой, постоянный запас креветок и от трех до двенадцати недель времени. К сожалению, Понг Понг не проявил никакого интереса к тяжелому положению Рейна, не то чтобы Ян ожидал, что крошечная Божественная Черепаха что-нибудь предпримет. Как часто указывал Рейн, Божественное Зверь или нет, ключевым словом было «Зверь», и вряд ли можно было ожидать, что черепаха схватит сложные человеческие концепции, не говоря уже о том, чтобы что-то с этим сделать.

Тем не менее, было бы неплохо, если бы Понг Понг проявил себя и проявил некоторую заботу о Рейне, вместо того, чтобы прибыть незамеченным для его ежедневной порции креветок и уйти, даже не задумываясь, как вы это делаете ...

Откинувшись на свое место, чтобы продолжить смотреть на карету Рейна, она проводила время в безмолвной молитве, в то время как Ло-Луо играл тихую мелодию, а Мила тушилась и нервничала, грызя свои волосы, как нервный ребенок, а не грозный воин, которым она была на самом деле. Протянув руку, чтобы пожать ей руку, Ян предложил Миле молчаливую поддержку, точно зная, через что она проходит. Ни один Воин не любил чувствовать себя беспомощным или, что еще хуже, обузой, но простая правда заключалась в том, что Рейн был в большей безопасности там, где он был, чем рядом с ними. Если его экипаж подвергнется нападению, Аканай, Сарнай и командир стражи будут готовы к облачному шагу, взяв Сонг, Дождь и Лин-Линь соответственно. Один доминирующий эксперт по пикам на человека, при этом присутствие Сонг было жизненно важным из-за ограничений, вынуждающих ее оставаться рядом с Рейн, и добавляя Милу, Ян, или Луо-Луо в смеси только усложнили бы дело. Конечно, это означало, что кролики останутся позади, но грустная правда заключалась в том, что если трех могущественных пиковых экспертов вынудят покинуть экипаж, есть хороший шанс, что кролики в любом случае будут почти мертвыми.

Мысль, которая мало повлияла на настроение Янь, но, по крайней мере, она не заикливалась на «а что, если» и не представляла худшие сценарии, как в последние несколько недель. Несомненно, дурная привычка, которую она переняла от Рейна, дала ей небольшое представление о том, каково это жить с

такой тревогой и тревогой. Были моменты, когда ее мысли почти доводили ее до паники, и ей просто **нужно** было проверить, дышит ли он, и другие, когда она убеждала себя, что ей лучше без него, и начинала думать о том, что она будет делать дальше. Что было хуже, она не могла сказать, но теперь она знала, что чувствует Рейн большую часть времени, и ненавидела каждую секунду этого.

Гармоничный шнур послал волну тихого ободрения, поднимающуюся изнутри, и Ян улыбнулся Ло-Луо в знак благодарности. Красиво сияя, когда она срывала пипу, красивая женщина выглядела совершенно безразличной к их нынешнему положению. Дело не в том, что ее не волновало состояние Рейна, а скорее она верила в его выздоровление и верила, что он выйдет из этого невзгодного невредимого, с уверенностью, которой Ян очень завидовал. Приятная мелодия успокаивала боль в груди Яна, а угрюмая Мила даже немного ослабила напряжение в плечах, когда она вздохнула и утонула в шерсти Банджо, а большой ребенок с бульканьем вылетел из ее объятий. В музыке Луо-Луо чудесным образом использовалась Чи, такая похожая на Ауру, но в то же время совершенно другая. Аура была разделением эмоций, будь то храбрость, надежда, любовь или даже ужас, но как только аура угасла, то же самое сделали и сопутствующие эмоции. Таким образом, Ян считал, что музыка Луо-Луо была превосходной формой Ауры, потому что эмоции, вызванные ее песнями, сохранялись еще долго после ее выступления, а иногда даже могли быть вызваны заново с помощью простых воспоминаний. Это была разница между светом свечи и далекой звездой на небе. Оба были источниками света, но хотя свеча могла казаться ярче, в конечном итоге она была конечной, в то время как звезда была источником сама по себе.

Путешествие к бамбуковой роще прошло без происшествий, хотя Дождь перестал направлять Энергию Небес примерно на полпути. Согласно отчетам дедушки, Рейн все еще был в коме и не отвечал, но как только Ян увидел его, она поверила, что дело не только в этом. В его теле было напряжение, которого раньше не было, его плечи квадратные, а шея напряжена, когда он двигался жесткой, почти неуверенной походкой. Исчезло вялое, пустое выражение лица, а на его месте был слегка сфокусированный взгляд, но ни один не заикленный на чем-либо вокруг, его брови нахмурились, а голова слегка опустилась. То, на что смотрел Рейн, не существовало здесь, в реальном мире, его разум был сосредоточен на чем-то внутри, но это означало, что он был ближе к выздоровлению, чем когда-либо. Шагая просто коснуться его лица, ей было больно видеть, что он не отвечает, но она продолжала ждать. *«Вернись ко мне, - Послала она, легко целуя его в щеку. « Вернитесь ко всем нам. Мы скучаем по тебе ».*

Боль. Поражение. Позор. Эти эмоции пронеслись в голове Яна так быстро, что она не была уверена, вообразила ли она это, но подергивание бровей Рейна было достаточно реальным. Он был там, и ему было больно, но по какой-то причине он не хотел выходить. *« Ты там ?»* Она Послала, ее сердце болело, когда она смотрела ему в глаза, вопреки всякой надежде увидеть, как он смотрит в ответ, но, увы, его взгляд оставался далеким и безразличным. *« Ты меня слышишь? »*

На этот раз она почувствовала это наверняка, его страх и сопротивление, но он все равно не ответил. Что бы ни было причиной этой комы, это отличалось от того, что случилось после вознесения Пин Пин, осознание этого, которое наполнило Яна страхом. Несмотря на все подсказки, указывающие на то, что все

было по-другому, все они придерживались убеждения, что Рейн в конечном итоге выздоровеет, как в прошлый раз, но что, если он этого не сделает? Что, если что-то действительно не так, и никто из них этого не видит?

«Что случилось, Ян-Ян?» Вглядываясь в выражение ее лица, Линь Линь крепко обняла Рейна и спросила: «Что ты видишь?»

"...Ничего." Заставив себя улыбнуться, она знала, что никого не обманывает, и Линь-Линь меньше всего, но она надеялась, что все списали это на ненужные заботы Яна. Не должно быть ничего. Было время, когда он жаждал смерти и искал ее на поле битвы, но с тех пор многое изменилось. Пока его близкие еще дышали, не было мира, в котором Рейн когда-либо покинул бы их, кроме этого. Он вернется, Ян был в этом уверен, как только он справится с тем, что удерживало его внутри, и когда он вернется, она встретит его с распростертыми объятиями и без вопросов.

Вместо того, чтобы рассказать кому-либо и рискнуть запаниковать или недопонимать, Ян просто крепко обнял Рейна и отправил: *« Я не знаю, что случилось, но все будет хорошо. Пока мы вместе, все остальное не имеет значения, так что не торопитесь и возвращайтесь к нам как можно скорее. Я люблю тебя, Падающий дождь. Мы все делаем. »*

Прервав объятия, она отступила и улыбнулась всем, чтобы показать, что с ней все в порядке, и схватила Сун и Ло-Луо за руки. «Пойдемте», - сказала она, ведя их в бамбуковую рощу. «Там есть земляной боров, и я хочу приручить его сегодня, чтобы у Рейна был новый друг, который ждал, когда он проснется».

Что, надеюсь, случится раньше, чем позже ...

~~~~~

Прервать миссию! Нас открыли. Прервать! Aborttttt!

На самом деле это не работает, когда мне некуда прервать, но теперь Ян знает, я думаю. Или, по крайней мере, она подозревает, но вместо гнева из-за моего трусливого предательства, она обижена моей болью и обеспокоена тем, что ей недостаточно поддержки. На самом деле хуже всего то, что она винит себя в моих ошибках, хотя это явно моя вина. Мерцающий экран монитора освещает Пустоту и избавляет меня от необходимости видеть собственное ненавистное отражение, что хорошо, потому что я действительно не могу смотреть на себя. Хотя я больше не могу слышать ее мысли, я все еще могу почерпнуть их из выражения ее лица и эмоций, исходящих от нее, которые так легко читать, если

вы хотите посмотреть; она беспокоится, что я снова пытаюсь покончить с собой, что, и это звучит глупо, чтобы даже сказать, я никогда не думал, что это так.

Технически я не пытаюсь умереть, но функционально ли то, что я делаю, отличается? Моя цель - не смерть, а только сбежать в забвение, но независимо от того, реален мир или иллюзия, конечный результат одинаков для тех, кого я оставляю. Я знал это на каком-то уровне, потому что я пытался привести в порядок все свои нерешенные проблемы, чтобы я мог уйти, не чувствуя себя виноватым, но я никогда не мог оторваться. Я мог бы винить сотовый телефон в том, что он искушал меня взглядами на мою старую жизнь, но я почти уверен, что это просто я выдал себя. Я хотел видеть, что происходит, с минимальным взаимодействием, и мобильный телефон позволял мне это делать. Это вся возня с Демоном Снов Вивек Даатей снова и снова, только на этот раз наоборот. Тогда я знал, что все эти жизни были иллюзиями, но все же хотел погрузиться в них, потому что они были счастливы, идеальная жизнь, которая позволила мне избежать проблем реального мира. Теперь я все еще пытаюсь сбежать, но вместо того, чтобы погрузиться в иллюзию, я пытаюсь забыть всех и все, что я когда-либо знал, чтобы я наконец мог обрести покой.

Я все еще не уверен, является ли мир иллюзией, но я начинаю задаваться вопросом, способен ли Чжэнь Ши даже вплетать такую глубину и сложность в свои работы. Я хочу, чтобы эти видения были реальными, я хочу вернуться и увидеть всех снова, чтобы знать, что их смерти были ложью, и все по-прежнему живы и здоровы, но я не могу найти в себе смелости выйти за пределы этой холодной бесчувственной оболочки и рискуете ошибиться. Здесь, укрывшись в колл-центре Пустоты, я был изолирован от своих эмоций, но не больше, потому что все эти разорванные эмоции вернулись домой и расселись. Поглотив все доступные Натальные Души, я взял все это обратно, весь гнев, стыд, страх и тоску, которые я отделил и отбросил, все плавно слилось обратно в мою Душу, откуда они пришли. Пустота Пустоты не может сравниться с пустым запустением моего сердца, и поддержка Яна только подчеркивает, каким дураком и трусом я был все это время. Что лучше - спрятаться здесь и пропасть в одиночестве в пустоте или рискнуть еще большей болью и страданиями в надежде снова обрести любовь и привязанность? Даже если эта жизнь реальна, я не заслуживаю ее, потому что с тех пор, как я открыл глаза на этот ненавистный, злобный мир, я лгал всем, кого знаю.

Я не Падающий Дождь, испуганный ребенок, ставший легатом внешних провинций.

Я Рейн, бывший сотрудник колл-центра и бесполезная трата плоти.

Больше всего я боюсь своего тайного побега, который неизбежно приведет к подавляющему отвержению. Я не помню всю свою прошлую жизнь, но я помню достаточно, чтобы знать, что я лжец и фальшивка. Мама приняла бы меня как своего сына, если бы знала правду? Как отреагируют Мила и Ян, когда поймут, что вышли замуж за мужчину как минимум вдвое старше, если не больше? А как насчет солдат, которые следуют за мной, потому что я «молодой» талант? Что они будут чувствовать, когда мои «сверстники» с легкостью догонят и превзойдут

меня, потому что я уже давно достиг своих пределов, а все остальные все еще растут до своих? Таким образом, прежде чем этот мир сможет отвергнуть меня за то, что я не падающий дождь, я должен отвергнуть мир, но все же я жажду вернуться к своей жизни самозванцем и притвориться кем-то, кем я не являюсь, при этом обманывая людей, которые любят мне больше всего.

Именно поэтому я создал Баледаг, в первую очередь, не для предотвращения Осквернения, которое никогда не имело смысла, поскольку Брат подвергался опасности. Вот почему он был пойман Призраками, когда мы встретили Цин Цин, потому что Брат был готов сдаться и сдаться, но Баледаг не позволил ему, потому что он воин. Вот для чего он мне был нужен, чтобы быть тем человеком, которым я устал притворяться, человеком, которым я **должен был** быть, Падающим дождем этого мира без воспоминаний о Рейне из прошлого.

Затем Махакала разрушил эту иллюзию, и я снова стал самим собой, ошибкой, аномалией, человеком вне времени и пространства. Было бы лучше, если бы Рейн мог исчезнуть и исчезнуть, оставив на своем месте только «Падающий дождь», но, к сожалению, я, как ни странно, выжил.

И что теперь? Я поглотил все Натальные Души, которые мог, большинство из которых были на острие бритвы, не совсем злобные Призраки, но далекие от доброжелательных ангелов, которыми я хотел их видеть. Плод отравленного дерева, так как в конце концов мои Натальные Души были отражением меня, а я горький, сломленный, напуганный человек, который не знает, что делать дальше. Должен ли я выключить компьютер, избавиться от телефона и погрузиться в пустоту, или я рискую еще одной вечностью боли и страданий, вернувшись в мир живых? Реальный или иллюзорный, я не могу представить ничего, кроме бедствия, ожидающего меня, хотя бы потому, что я не думаю, что смогу продолжать лгать людям, которых люблю. Они заслуживают того, чтобы узнать меня такой, какая я есть, но я не могу потерять их снова, и на этот раз это будет навсегда.

Как и следовало ожидать, я не делаю ни того, ни другого и продолжаю наблюдать за своими близкими через мерцающий монитор на моем письменном столе. Труднее узнать их мысли без прямой связи с Небесной Энергией, но я знаю своих близких достаточно хорошо, чтобы разбираться в знаках. Небесная Энергия никогда не предлагала мне способности читать мысли, а только информацию, которая была доступна людям при каждом действии или бездействии. Невербальное общение, детализированное лишь до такой степени, что его почти можно принять за чтение мыслей, потому что люди в целом не умеют скрывать свои внутренние мысли. У некоторых это получается лучше, чем у других, но моя семья и близкие - открытая книга, поскольку я изо всех сил пытаюсь принять решение.

Ян и Мила усаживают меня с Аури и Саранхо перед тем, как помочь маме накормить всех домашних животных, в то время как Лин-Лин с радостью приставляет свои «ловушки» к сурку, который в настоящее время прячется под землей и ждет, когда все шаги стихнут. Тадук занимается проверкой своих растений, все время ворча о том, как медленно они растут, беспокоясь о том, что

недостаток корма замедляет мое выздоровление, и мучится из-за того, что он может сделать, чтобы ускорить процесс даже на одну секунду. Настроив цитру, Луо-Луо играет единственным известным ей способом, играя успокаивающую мелодию, призванную заверить аудиторию, что все будет хорошо, - чувство, в которое она должна искренне верить, иначе она не смогла бы поделиться им через музыку. Наконец, послушная Сонг приступает к уходу за Джимджамом, присматривая за мной и кроликами,

О верно. Я избавился от Натальной Души, отвечающей, помимо прочего, за уборную. Это ... может вскоре стать проблемой ...

Ло-Луо и Линь-Линь в стороне, они все пытаются отвлечься от больших проблем так же, как и я, проливая любовь и привязанность на тех очаровательных болванов, которые всегда будут отвечать тем же. С этой целью я обращаюсь к сурку и пытаюсь убедить его, что люди наверху будут относиться к нему хорошо, но его инстинкты должны оставаться скрытыми и охраняемыми, за исключением случаев крайней необходимости. В конце концов, я думаю, он придет в себя или, по крайней мере, начнет видеть всех в более благоприятном свете, но он все еще травоядный и достаточно умен, чтобы бояться хищников в целом, в отличие от одного милого, очаровательного, бесстрашного кролика. .

Как будто по команде, мама Бун запрыгивает мне на колени и встает, чтобы посмотреть мне в глаза, и в моем отчаянии я по умолчанию не отвлекаюсь через потоки. Вместо серии снимков-селфи, компьютер отображает запросы мамы Бун как снимающуюся камеру в прямом эфире, но, как бы мне ни хотелось потеряться в ее очаровательных выходках и паршивых функциях, что-то не так с видеопотоком. Камера находится под тем же неудобным углом, что и всегда, мама Бун готова поцеловать меня в нос или понюхать глаза, но на этот раз что-то загораживает мой обзор. Как ни странно, я не могу понять, что это такое, но я полон решимости перестать думать о своих проблемах и сосредоточиться на пустяках, поэтому я просматриваю видео на весь экран, чтобы изучить его поближе. Вот оно. Что-то в лапках мамы Бун, что-то она держит у меня в лицо, как будто преподносит подарок,

Так мило, но мне больно знать, что я виноват в ее страданиях. Конечно, мне больно знать, что я причиняю страдания другим, но все они рассуждают о людях, которым без меня будет хорошо. Мама Бун - простой кролик, который не понимает, почему я больше не буду обнимать и гладить ее, и меня убивает, когда я вижу, как усердно она работает, чтобы привлечь мое внимание.

Не останавливайся. Не сосредотачивайся на своих провалах, обращай внимание на тупик. Что она там держит? Почему я этого не вижу? Это не проблема освещения и не проблема, когда что-то мешает. Как будто в ее лапах пустота, которую мой мозг игнорирует и автоматически заполняет тем, что, как я знаю, должно быть там, восхитительно мягким и воздушным животом мамы Бун. Скрытность? Тихо активируя свой Домен, я держу его как можно ближе к коже, чтобы не насторожить стражей, наблюдающих за каждым моим движением, и осторожно протягиваю руку, чтобы исследовать пустоту между лапами Мама Бун. Полагая, что я решил эту несколько очевидную головоломку,

мне кажется странным, когда нет ответа, мой Домен проходит через пустое пространство, не встречая никакой обратной связи или сопротивления, но ответ вскоре обнаруживается, поскольку Pong Pong делает то же самое.

Крошечная черепаха с широко раскрытыми глазами и открытым ртом выглядит симпатичнее, чем я помню, особенно с учетом того, что ему не хватает обычного хмурого взгляда. «Друг», - восклицают его эмоции и выражение лица, почувствовав мое присутствие внутри. "Играть в?"

Ой. Мой. Бог.

Он скучает по мне!

Я думал, что ему все равно, и он был здесь только ради креветок, но, похоже, он понял, что я на самом деле не в духе или что-то еще, поэтому он просто проигнорировал мое физическое присутствие. Его приглашение к игре пронизано чувством надежды и тоски, потому что у него действительно не так много шансов расслабиться и повеселиться. Я должен поиграть с ним, дать ему понять, что он любит, но я не могу. Он хочет, чтобы я приехал и повидал его, но я не решаюсь по очень многим и другим причинам. Не только Чжэнь Ши, хотя бугимен Империи - большая часть того, почему я здесь, но еще и потому, что я сделал слишком много ошибок и не знаю, где я мог бы даже начать исправлять их все. Для меня уже поздно, мне больше нет места в этом мире, и всем было бы лучше без меня, но этот комплекс, Тонкое сообщение выходит за рамки даже замечательного понимания Понг Понга, тем более что я не могу использовать слова, чтобы объяснить его. «Нет игры», - посылаю я, точно так же, как он общался со мной, через сочувствие и эмоции. "Страх. Опасность."

Ошибочно приняв мое сообщение за то, что я в опасности, а не за меня, Понг Понг вытягивает руки и ноги в свою раковину, но оставляет его голова торчащей наружу. «Бежать?» - спрашивает он, и нет никаких сомнений в его негласном подтексте, что мы бежим вместе. "Спрятать?"

"Нет" пытаюсь найти способ объяснить свое затруднительное положение, я представляю Понг Понгу образ себя, запертого в сети, скрепленной камнями, чтобы затащить меня в темные бездонные глубины. "Нет выхода. Отчаяние. Бедствие. Запустение ».

Ответ Понг Понга наполняет меня теплом, когда он выскакивает из своей раковины, оглядывается и спрашивает: «Где опасность?» В послании нет никакого беспокойства, только мрачная решимость, готовая отбить все, что может угрожать мне, при этом излучающая спокойное заверение. А тут я подумал, что ему все равно. Маленький парень немного трус, но это в его природе. Он не ходит на драки, но если кто-то к нему подходит, готов бросить. Более того, он даже не колебался, прежде чем предложить помощь, хотя

было ясно, что опасность для меня, а не для него. Маленький парень не проявляет привязанности, как Пинг Пинг или другие мои домашние животные, но он до конца верный друг.

Что не делает этого проще. Как мне объяснить, что с этим нельзя бороться? Что я устал от борьбы и больше не хочу идти вперед? Что я люблю его и буду скучать по нему, но он должен жить без меня, потому что я слишком слаб, чтобы продолжать? Как вы прощаетесь со своими близкими, когда собираетесь бросить их? Как заставить их понять?

Вы не можете. Или, по крайней мере, не могу. Теперь я это понимаю. Реальность или иллюзия, я не могу бросить людей в моей жизни, не так. Все это время я пытался придумать, что делать дальше, но ответ был только один. Обливион был несбыточной мечтой, недостижимой целью, которой я никогда бы не достиг, чем-то, к чему нужно стремиться, ожидая подходящего предложения, чтобы броситься и бежать. Будь то смерть, заброшенность или что-то еще, я просто хотел найти причину, чтобы оправдать мою эгоистичную трусость в том, что я даже не попытался увидеть, живы ли мои близкие. На самом деле, я совершенно уверен, что это не только тщательно продуманная иллюзия Чжэнь Ши, и что истинной иллюзией было катастрофическое поражение Имперской Армии на полях Центрального. Слишком много сложных тонкостей и подразумеваемых тонкостей даже для такого мастера, как Чжэнь Ши, или, по крайней мере, я так подозреваю, но боль потери всех так больно, что я боюсь потерять их снова. Не просто увидеть, как они умирают, но и зная, что даже если они останутся живы, они отвергнут меня, как только они неизбежно поймут, что я не тот, кем я притворялся, что является мостом, который мне в конечном итоге придется перейти. Чем дольше я жду, тем хуже будет, но я уже далек от точки невозврата. Стресс от притворства кем-то, кем я не являюсь, слишком силен, потому что я не воин или легат. Я просто парень, который так заблудился, что это уже даже не смешно. это мост, который мне в конце концов придется перейти. Чем дольше я жду, тем хуже будет, но я уже далек от точки невозврата. Стресс от притворства кем-то, кем я не являюсь, слишком силен, потому что я не воин или легат. Я просто парень, который так заблудился, что это уже даже не смешно. это мост, который мне в конце концов придется перейти. Чем дольше я жду, тем хуже будет, но я уже далек от точки невозврата. Стресс от притворства кем-то, кем я не являюсь, слишком велик, потому что я не воин или легат. Я просто парень, который так заблудился, что это уже даже не смешно.

"ОБЪЯТИЕ!" приходит требование, и я инстинктивно отвечаю. Не моим телом, а моим разумом, и внезапно Мама Бун оказывается здесь, в Пустоте, закутанная в мои руки и прижалась к моей груди. Прилив любви и счастья почти невыносим, так как привязанности милого кролика обнажены, настолько выразительны и последовательны, что она могла бы с таким же успехом делиться всем своим счастьем со мной. Высунув голову из-под ее шерсти, Понг Понг оглядывается вокруг, понимает, где он, и тут же устраивается обратно в мех Мама Бун, когда я сжимаю их обоих крепко, не в силах сдержать поток слез, льющихся из моих глаз, потому что есть нет ничего более чистого и чудесного, чем любовь к животным.

Я идиот, что убегаю от всего этого. Даже если бы я подозревал, что все мои близкие мертвы, моей целью должно было быть не убежать от их убийцы, а отомстить за них и добиться справедливости.

Когда мои слезы, наконец, утихают и боль утихает, я обнаруживаю, что лежу под своей кабиной с мамой Бун на руках. Понг Понг тоже там, вылезает, чтобы посмотреть мне в глаза. «Дом», - объявляет он, используя беспорядочную смесь тепла, безопасности и комфорта, чтобы передать свое значение, прежде чем снова использовать те же эмоции, чтобы выразить аналогичную, но совершенно другую концепцию. «Семья».

Это та же самая аура, которую я использовал, чтобы выманить его из Лазурного моря, сообщение, которое в первую очередь заставило его выбраться из укрытия, чтобы найти меня. Конечно, в то время я искал Blobby, но Pong Pong был тем, кто ответил, и с тех пор мы стали семьей. Теперь он говорит мне, что какой бы ни была моя проблема, он здесь, чтобы помочь мне, и эта поддержка означает больше, чем он мог когда-либо знать. Я даже не могу понять, через какие испытания и невзгоды он прошел, но, почувствовав всю глубину его отчаяния и подавленности, не могу представить, что это было легко. Однако, основываясь на обещании дома и семьи, а также на предложении креветок, Понг Понг пригласил меня в свой дворец Натала задолго до того, как я понял, какие опасности это влечет, все потому, что он хотел, чтобы семья любила и лелеяла.

Разве не этого все мы хотим? Любить и быть любимым, но животные просто более честны в этом. У всех нас есть свои трудности, свои личные испытания и невзгоды, поэтому пора мне перестать убегать от своих и вернуть все хорошее в моей жизни.

Оглядываясь на колл-центр Пустоты, я избавляюсь от этой удушающей, удручающей атмосферы и возвращаю нас в свою спальню со всеми прекрасными домашними удобствами. Окна от потолка до стены предлагают мне заглянуть в мир, но не в мир, из которого я впервые родился, а в мир, в котором я оказался, в котором так много моих близких наблюдают за мной. У всех них тоже есть свои внутренние демоны, демоны, которые не имеют ничего общего со Спектрами, Отцом, Врагом или Чжэнь Ши, и хотя они также борются со своими проблемами незримо, в отличие от меня, они не сдались.

У Милы вспыльчивый характер и она склонна усваивать все свои разочарования, в то время как у Ян есть проблемы с отказом и беспокойство о потере людей, которых она любит. Ло-Луо - умная, уверенная в себе, способная женщина, но ей совершенно не хватает индивидуальности или амбиций, и маму слишком волнует, что думают другие люди, когда видят ее с ее «молодым» мужем. Папа и Альсанцет слишком любят кровопролитие - недостаток, который они оба признают, но один папа не собирается исправлять, в отличие от моей доброй, заботливой и преданной сестры. Нельзя сказать, что у нее нет других проблем, но она справляется с ними, не моргая, почти так же хорошо, как Ли-Ли справляется со своими различными травмами. Тадук никогда не сможет сосредоточиться на какой-либо одной проблеме, если она не заинтересует его, а Аканай -

помешанный на контроле, которому нужно брать на себя ответственность, когда это возможно, но из всех присутствующих,

Потому что Хусольт, счастливый, дружелюбный медведь кузнеца, который одновременно является моим тестем и дедушкой, последние пять десятилетий борется с нерешенными проблемами жгучего гнева и тяжеловесной вины.

В отличие от всех остальных, эмоции Хусолта ясно говорят мне, исходя от него грохочущими волнами, когда он изо всех сил пытается найти Баланс в бамбуковой роще. Его гнев проистекает из его слепого глаза, травмы, которую он получил много лет назад, сражаясь вместе со своей любимой женой. Однажды я спросил его об этом, и он сказал мне, что это никогда не заживает из-за неразрешенной обиды, и в некотором смысле он сказал правду. Пятьдесят лет назад Часовые откликнулись на призыв Империи о помощи, в котором Аканай спасла отца Фунг от оскверненного вторжения, подвиг, который принес ей Имперский вызов в Централ. Хусольт пошел с ней, надеясь, наконец, увидеть, что его жена получит должное признание, потому что она веками трудилась до костей, чтобы защитить и обогатить народ Империи, которую она так любила.

Но вместо этого он видел, как ее высмеивают и унижают, прежде чем ее выгнали из Централа и начали преследовать, как приза, который нужно выиграть, пока он был беспомощен, чтобы защитить ее.

Это было во время одной из тех многочисленных битв, в которых Хусольт потерял глаз, рана, которая, как я теперь вижу, гноилась и пустила корни в самой его душе. Это стало частью его личности, слепого дурака, который должен был раньше увидеть истину и избавить свою жену от боли и страданий и, таким образом, противостоять всем попыткам исцелить ее. Травма зажгла в нем огонь, пылающий пожар ярости и ненависти, который он бережно хранит и сдерживает, опасаясь, что он поглотит его целиком. Это заставило его отложить оружие из страха перед Осквернением, но теперь, полвека спустя, он надеется побороть свой гнев, чтобы снова сражаться на ее стороне, и это чувство он передает всем, кто может слышать, а именно к сожалению, ограничивается только его женой, его сыном и мной. Даже Мила и Сонг ничего не знают о его проблемах,

Увидев эту его часть, я полон сожаления, потому что я видел ту его часть, которой он очень стыдится и никогда не хотел, чтобы кто-то знал, но теперь я знаю и не могу забыть. Как он может винить себя за действия других? Я лично видел, как его гнев овладел им, когда Хусольт до смерти забил девятнадцатилетнего Дугу Анга за то, что тот осмелился угрожать Миле. Хуже всего то, что его прикосновение к Defilement происходит не только из-за Спектров, потому что в его природе свойственно быть страстным и вспыльчивым. Я ничего не могу сделать для него, потому что это его внутренние Демоны, и он должен победить их или быть под их контролем, битва, с которой он боролся молча всю свою жизнь.

Но не в одиночку. У него есть его любящая жена, на которую он может опереться, которая, как могла, поддерживала его в эти тяжелые времена, а теперь - дочь, сын и многое другое, чтобы согласиться с этим. У него есть семья, на которую можно положиться, как и у меня, и хотя я опасаюсь, что однажды это перестанет быть правдой для меня, я не могу скрыться от того, что могло бы произойти. Я, как Хусольт и многие другие, могу идти по жизни только шаг за шагом и надеяться на лучшее.

«Гнев - не враг», - шепчу я, надеясь оказать хоть какую-то небольшую помощь. «Ни страха, ни стыда, ни чего-либо еще. Все они являются частью человеческого существа, поэтому не пытайтесь их устранить. Вы должны принять их».

Советом я мог бы воспользоваться и сам, хотя до сих пор боюсь сказать правду о том, кто я на самом деле.

... Что ж, худшее приходит к худшему, по крайней мере, мои тупицы всегда будут любить меня. Это что-то.

Забравшись на свою гигантскую кровать, я легла с Мамой Бун и Понг Понг и поделила свою любовь с ними обоими, прежде чем закрыть глаза. Не так-то просто покинуть Пустоту, не со всеми мерами, которые я предпринял, чтобы разделить мой разум и тело, но довольно скоро я вернусь в мир живых и снова столкнусь со своими страхами. Возможно, я ошибаюсь, и, возможно, Чжэнь Ши будет ждать меня, чтобы схватить меня, но на этот раз я отказываюсь сдаваться без боя.

Я не Падающий Дождь, Воин и Легат, и я не Рейн, сотрудник колл-центра и выловивший рыбу из воды. Я ... кто-то другой, кто-то посередине, и хотя я не знаю, кто это, пора перестать отрицать это и понять, кто я на самом деле.

Это мое путешествие. Путь стоит передо мной, и, что бы там ни было, я должен довести его до конца, потому что, несмотря на то, что изо всех сил старался сделать это, я действительно не знаю, как бросить.

Глава 661

«Мама Бун, Мама Булочка, О, мама, мама, мама. **Мама Булочка!** Ба бум бум бум бум ... »

С ветерком в волосах и пипой в руке, Тали сыграла глупую мелодию, пока ехала в бамбуковую рощу. Хотя впереди еще многое, ее щеки уже болели от такой

улыбки, потому что впервые за всю жизнь вся семья собиралась вместе для групповой прогулки. Они не собирались никуда идти новым или интересным, просто чтобы попасть в сад глупого господина Тадука и, возможно, в их поместье в округе, но это все же было лучше, чем встречаться со всеми в Цитадели, где улицы были шумными, загроможденными и вонючими. Бабушке и Рейни пришлось там жить из-за работы, и Тали очень любила их обоих, но она была счастлива, когда мама и папа объявили, что они уезжают в деревню, еще до того, как появился район, который нужно было посетить. Вдали от толпы все было намного лучше, и пока квартира,

Паку, щебечя, бегая по открытому полю, наверняка согласилась. Следуя по пятам за мамой и Сурет, милая Паку прекрасно провела время, пыхтя и пыхтя, чтобы не отставать от стремительного темпа своей матери. Так Тали узнала, что у мамы что-то на уме, иначе она бы притормозила, чтобы младшие квины не отставали, и чтобы она могла подпевать игре Тали. Что-то случилось с семьей, поэтому мама была в таком большом спешке, но это было еще одной причиной для Тали петь и играть громче, чтобы поддерживать настроение мамы. Если не считать непослушных выходок Тейта, Рейни был единственным человеком, который мог так взволновать и взволновать маму, а это означало, что какой бы ни была проблема, дядя Тали, склонный к проблемам, наверняка окажется в ее центре.

Однако она не волновалась, потому что, хотя никто ничего не сказал, она уже могла сказать, что это хорошие новости, а не плохие. Хотя мама и спешила добраться до бамбуковой рощи, не потому, что они опаздывали, а потому, что Рэйни и все остальные покинули Цитадель рано. Если бы действительно была чрезвычайная ситуация, бабушка и бабушка не привели бы Рейни навестить мистера Тадука, мистер Тадук пошел бы к ним вместо этого, а мама привела бы их в Цитадель, а не в бамбуковую рощу. Жаль, что Тейт не поверил ей и нахмурился, его хмурый и задумчивый вид почти не отличался от взгляда Сурры. По крайней мере, у его квинки было оправдание своему дурному настроению, видя, как его бедное плечо все еще болело и натиралось из-за перекрученной сбри, когда они в последний раз катались, но Тейт просто волновался без причины.

Однако с ним не было разговоров, когда он уже принял решение, поэтому Тали продолжала играть и петь, игнорируя его пристальные взгляды и мрачные взгляды. Ему не нравилось ее пение, и он сказал, что у нее это плохо получается, и, по правде говоря, Тали знала, что он прав, но это не имело значения. Сейчас она плохо пела, это было не то же самое, что говорить, что она будет плохо петь вечно, но она никогда не поправится и не будет звучать так же хорошо, как Луо-Луо, если не будет практиковаться. Несмотря на то, что он снова был в другой коме, Рэйни был живым доказательством того, что тяжелый труд окупился, потому что никто не работал больше, чем он, и теперь он был даже выше в рейтинге, чем дедушка и великая бабушка.

Падающий Дождь, легат Внешних провинций, так его все называли, но когда другие дети спрашивали, какой на самом деле была Рейни, Тали часто приходилось лгать, но только потому, что никто никогда не верил ей, когда она говорила правду. Все видели в нем этого большого, храброго героя и воина, блестящего лидера, который приведет Империю к победе над Оскверненными, но Рейни Тали знала, что это плакса, большая напуганная кошка, которая

беспокоится обо всем и обо всем. Он ненавидел драки, охоту, тренировки и выполнение работы по дому, и ему нравилось все время жаловаться на них, хотя мама и бабушка никогда не заставляли его выполнять свои обязанности, как они это делали с Тали и Тейт. Услышав это, он бы весь день сидел без дела, играя со своими домашними животными, и никогда не выходил из дома, если бы у него был выбор, но даже если бы он действительно хотел этим заниматься, он всегда упорно работает, чтобы помочь всем остальным. Именно таким был Рейни, что сделало его еще более героем в глазах Тали. Было легко быть храбрым, когда ты был уверен в себе, как мама, или жестоким, как бабушка, или пугающим, как иногда могла быть бабушка, но для такого напуганного кота, как Рейни, даже элементарная храбрость давалась ему нелегко, поэтому ему приходилось работать в два раза труднее всех его найти.

Тали все еще помнила время, когда Рейни запирался в своей комнате на несколько дней и отказывался выходить, или она находила его крепким сном в загоне для квинков, потому что ему приснился кошмар и он не хотел спать одному. Мама и папа сказали, что это произошло из-за того, что Рейни пережил очень тяжелые испытания, прежде чем вернуться в свою семью, но Тали только недавно узнала подробности после того, как Рейни сказал всей Империи, что когда-то был рабом. Ужасная вещь, рабство, которое нельзя было разрешить в деревне, и она не могла понять, почему Император допускал такие ужасные обычаи, но мама сказала: «Такова жизнь». Тем не менее, несмотря на все, чем он был, Рейни никогда не сдавался, а вместо этого с головой ушел в тренировки. Тали однажды подслушал мама говорят Дождливый упорно трудились, чтобы стать Воином внимания, потому что он на самом деле не доверяет кому-либо держать его в безопасности, но Тали знал лучше. Он не боялся за себя, на самом деле. Он просто не хочет, чтобы кто-то любил, чтобы пройти через то, что он сделал, поэтому он столкнулся со своими страхами и упорно трудился, чтобы стать достаточно сильными, чтобы защитить все остальные. Это был добрый, трудолюбивый, трусливый дядя Тали, Рейни, и ей было грустно, как никто никогда не верил ей, когда она рассказывала правду о том, каким удивительным он был на самом деле.

Конечно, она все еще считала его глупым - так много работать над чем-то, что он явно ненавидел, особенно когда он был так талантлив во многих других областях. Рейни не умел играть ни на каких инструментах, но он всегда напевал ту или иную приятную мелодию, которую никто никогда не слышал, и рассказывал самые творческие истории о людях в чужих странах с невероятными обычаями. Он также был прекрасным поваром, блестящим врачом, успешным торговцем, проницательным изобретателем и разносторонне одаренным человеком, но ему просто нужно было идти по Боевому пути. Все поддерживали Рейни всем своим сердцем, но Тали думала, что Рейни было бы лучше, если бы они все собрались вместе и сказали ему, что ему было бы лучше делать что-нибудь, кроме следования Боевому Пути.

Ну, может, не живопись или каллиграфия. У Рейни была ужасная манера письма, но опять же, если бы он действительно усердно работал над этим, Тали была уверена, что он станет одним из лучших художников или каллиграфов всех времен. Зная это, даже при том, что было неловко видеть, как Тейт вздрагивает каждый раз, когда она начинает петь, она решила быть больше похожей на Рейни и практиковаться, пока ей не станет лучше. Играя на пипе, она пела и прислушивалась к странным трелям, которые возникали, когда она пыталась сопоставить свой голос с инструментом, но все время не могла понять это

правильно. Ло-Луо назвал это диссонансом, несовпадением гармоний, поэтому Тали очень сильно сосредоточилась на нотах и работала над тем, чтобы немного улучшаться с каждым днем. Несмотря на то, что она не была хороша в этом, она любила петь, танцевать и играть на пип, так что она будет работать, чтобы стать лучшим певцом, танцовщицей и музыкантом она могла бы быть. Если бы Рейни могла усердно работать и стать талантом номер один в Империи, тогда Тали могла бы стать, по крайней мере, сносной певицей, да?

Однако пение было не всем, над чем она работала, и эта поездка была не только для развлечения, потому что у нее был особенный секрет для Рейни. Слишком скоро их небольшой забег подошел к концу, когда они все вместе прибыли в сад мистера Тадука. Бабушка и бабушка ждали снаружи, чтобы поприветствовать их большими яркими улыбками, улыбками, которые были слишком редки в последние несколько недель. Не в силах сопротивляться, Тали подтолкнула Паку к последнему рывку скорости, прежде чем остановиться, чтобы броситься со спины квин в ожидающие руки бабушки. Разрываясь от смеха, когда он крутил ее, Тали уткнулась головой в его грудь и притворилась, что не слышит мамины «тч», слишком много раз предупрежденная о том, насколько это может быть опасно. Это тоже было глупо, потому что Дедушка был одним из сильнейших Воинов во всей Империи.

Голова кружилась от всего этого кружения, Тали хихикала и задыхалась, пока не отдышалась и снова не встала на ноги, только чтобы обнаружить, что она заключена в теплые объятия бабушки, в то время как бабушка подошла, чтобы бороться с Тейтом. Никто никогда не верил Тали, когда она рассказывала им о своих веселых бабушке и дедушке, что было позором, потому что они были лучшими, как и все остальные члены ее семьи. «Тейт, милая», - позвала бабушка после того, как он и бабушка повеселились. «Будьте добрыми и помогите своей сестре внести все внутрь, пожалуйста. Нам нужно кое-что обсудить с твоими родителями.

Вероятно, причина, по которой они пришли в рощу так рано, вместо того, чтобы дождаться обеда, как планировалось. С помощью Тейта Тали схватила седельные сумки со спины квин и позволила им порезвиться перед тем, как отправиться в бамбуковую рощу. Пыхтя от слишком большого количества вещей, Тейт остановился, чтобы послушать музыку Луо-Луо, хотя Тали была уверена, что его больше интересовало создание лунных глаз вместо нее. Не то чтобы она действительно могла его винить, потому что Луо-Ло была такой красивой, что даже Тали иногда ловила себя на том, что смотрит. Ми-Ми, Янь-Янь, Ли-Ли и Линь-Линь тоже были красивыми, но они походили на красивый природный пейзаж, в то время как Луо-Луо был невероятно совершенным изображением того же самого. На оба было приятно смотреть, но пейзажем было предостаточно, но лишь несколько картин красивее настоящих.

Глупый мистер Тадук глупо улыбнулся Тали, когда она поздоровалась, копаясь в земле рядом с таким количеством булочек, в то время как прабабушка и прабабушка позвали ее, чтобы пощекотать ей щеки и подсунуть ей сладости, как будто она все еще была шестилетний ребенок, которого нужно было очаровать. Не то чтобы она возражала, поскольку любила сладкое, но больше всего она любила то, насколько большой стала ее семья за последние годы. Великая бабушка и Великая бабушка поначалу были немного пугающими,

особенно великая бабушка с его пугающими шрамами, но Тали давно это пережила и знала, что они оба милые и заботливые, насколько это возможно. Помимо, было забавно наблюдать, как бабушка и бабушка ведут себя как дети вокруг них, всегда в своем лучшем поведении, точно так же, как Ян-Ян и Ми-Ми были вокруг них. Прадедущка тоже был действительно забавным, и с жадной улыбкой смотрел на коробки Тали. "Ой?" - прорычал он, его нос подергивался от преувеличенного вдохновения. «Я чувствую запах чего-то ... восхитительного. Пойдем, девочка, покажи великой бабушке, что у тебя там запрятали. Человек может умереть от голода после того, как проделал весь этот путь, когда ему не осталось ничего, кроме кроличьей пищи, чтобы набить ему живот.

«Ах! Это не для тебя! » Прижав свою коробку поближе, когда она двинулась, чтобы защитить бабушку, Тали надула щеки и сказала: «У папы есть для тебя еда, великая бабушка, так что наберись терпения. Это для Рейни ».

"Ах, так вот как тогда?"

Увидев фальшивое печальное выражение лица великой бабушки, Тали вздохнула и сказала: «Это просто ингредиенты. Здесь ничего не приготовлено, а?

"Ой? Так ты говоришь, что это еще не **все** для парня, и что, когда все будет готово, твоя прадедущка тоже сможет поесть? Хорошая девушка, вы достойный сыновний. Что это такое? Вареники, пахнет. Бьюсь об заклад, свинина с зеленым луком, любимые парнишки. Моя тоже, если вы не знали, так что я не могу дожидаться.

Закатив глаза, Тали поджала губы и фыркнула, как и мама. «Хорошо, но только одно, хорошо? Остальные принадлежат Рейни. Это был не просто один, потому что Великий Дедушка был обжора, который украл еду с тарелки Рейни, если никто не наблюдал за ним, но в основном он делал это, чтобы приставать к Ми-Ми и маме. К счастью, Тали ожидала этого и принесла больше свинины и теста, чем было необходимо, но остался еще один последний ингредиент, который ей просто пришлось приберечь только для Рейни. Это она получила от Лин-Линя, которой пришлось пробираться сквозь толпу кроликов-попрошайничеств, которые требовали угощения, но Тали сдерживала свое сердце и игнорировала их обнадеживающие взгляды, похлопывание лап и истерику, потому что Рейни в этом нуждалась больше. Внутри льняной мешочка был последний кусок духовного кориандра мистера Тадука, из которого Тали собиралась приготовить что-нибудь полезное и вкусное для Рейни. Папа,

«Привет, Рейни», - сказала она, приветствуя его с максимальным энтузиазмом. Обычно он всегда улыбался, когда она его видела, но сегодня он все еще был таким же пустым и безразличным, как и всегда, сидел в траве и вообще ни в что не смотрел. Тали ненавидела видеть его таким, таким деревянным и далеким, потому что это заставляло ее скучать по нему еще больше. Бедная Аури прижалась к нему, крепко прижимаясь друг к другу в

надежде на объятие или поцелуй - две вещи, которые Тали приготовила для дикой кошки вместо Рейни. «Не грусти, Аури», - прошептала она, потирая щеки большой глупой кошечки, как это делала бы Рейни. «Он просто спит, а? Он не ушел, он просто отдыхает, вот увидишь».

"Вы не слышали, не так ли?" Озорно сияя, когда она крепко обняла Рэйни, Лин-Лин прижалась к его щеке и сказала: «Муженек чуть не проснулся раньше, когда мы гуляли по рынку».

"В самом деле?"

«Я! Он высвободил свой Домен, и это было похоже на «Вау!», А затем он начал направлять всю эту Ци, от которой моя кожа стала покалывающей и покалывающей. Он также выглядел немного напуганным, но никто этого не заметил, поэтому я думаю, что он просто набирается храбрости, чтобы вернуться». Глядя на него восхищенными глазами, Лин-Линь еще раз сжала Рэйни и прошептала: «Все в порядке. Нечего бояться муженька. Мы все здесь, ждем вас, так что вам не о чем беспокоиться, хорошо?»

Лин-Линь понимала Рейни лучше всех, даже лучше, чем Тали. Обрадованная этой новостью, Тали легонько обняла Рейни и удостоверилась, что ее вещи в безопасности от воровских кроликов, любопытных котят и голодных медведей, прежде чем отправиться поздороваться со всеми животными. Она уделяла особое внимание птицам, особенно птенцам, потому что они были милыми, любопытными и не хотели, чтобы их игнорировали. Жаль, что Рейни не проснулся, потому что он хотел бы обнять и поцарапать этих неуклюжих птичек, которые были настолько доверчивыми и любящими, что прижимались к вам на коленях, но, поскольку он все еще был в коме, Тали просто бы испортил птичек вместо него. Кролики тоже, но они роились в ней только из-за пачки духовных растений, засунутых в ее рукава, и она отказалась поделиться ими, так как знала, что мистер Тадук дал им более чем достаточно, чтобы они могли есть.

Почти час спустя Тали, наконец, была готова приступить к обеду, хотя ей нужно было, чтобы все остальные помогли держать животных подальше. Здесь даже Рэйни протянула руку помощи, хотя и не специально, потому что мама Бун заснула у него на коленях, не меньше сжимая Pong Pong. Он был самой красивой черепахой, которую Тали когда-либо видела, даже красивее, чем милый и очаровательный Пинг Пинг, и хотя это был редкий шанс погладить таинственную черепаху, Тали не позволяла себе отвлекаться от помощи Рейни. Он почти не спал, но все еще был напуган, поэтому она готовила ему восхитительную духовную еду, как имперский пудинг с тофу, о котором он все время рассказывал.

Если Имперский клан мог готовить духовные растения, то не было причин, по которым Тали не могла делать это, поэтому, вымыв руки, она принялась за работу и сделала все в точности так, как ее учила Рейни. В эти дни все ее уроки кулинарии проводил папа, но именно Рейни познакомила ее с этим много лет назад в деревне. Она все еще помнила, как они впервые приготовили вместе,

когда он показал ей, как складывать складки на клецках, чтобы они выглядели красиво. «Хочешь узнать секрет приготовления восхитительных пельменей?» - спросил он, улыбаясь одной из своих редких, настоящих улыбок, а не фальшивой улыбкой, которую он обычно надевает, чтобы никто не волновался.

«Да», - сказала Тали, и Тейт тоже вмешался, он был так счастлив помочь, даже если он не любил готовить. «Расскажи нам, расскажи нам!»

Обняв их обоих своими тонкими, но сильными руками, Рейни крепко обнял их и прошептал: «С любовью. Надо вложить в пельмени с любовью, иначе это просто приготовленное на пару мясо и тесто. Вот почему вы, ребята, так сильно помогли, потому что я очень, очень люблю вас обоих ».

Взглянув на пустое выражение лица Рэйни, Тали крепко держалась за воспоминание и принялась за работу, раскладывая все так, как раньше. Вот почему она решила приготовить пельмени, а не что-то более легкое для него, например суп или отвар, потому что они были чем-то общим, особенным воспоминанием между ними, и она хотела, чтобы он запомнил это и вернулся. Тесто было уже приготовлено, а мясо измельчено, приправлено и размякнуто, поэтому Тали нарезала зеленый лук, нарезала кубиками кориандр Духовный и все тщательно перемешала голыми руками. Метод Рейни определить идеальное количество начинки заключался в том, чтобы взять большую пригоршню и сжать кулак, пока из его большого и указательного пальцев не сочтется шарик, при этом все время хихикая. Существовали более чистые и лучшие способы измерения начинки, например, с помощью ложки подходящего размера, но Рейни предпочитал использовать руки, потому что «так веселее». Совершенно Rainy способ делать вещи, не лучший способ, но его способ, поэтому Тали намеревалась уважать это и доводить до конца.

Кроме того, он был прав. Так **было** веселее.

Рэйни никогда не заботилась о внешнем виде, но Тали считала, что еда вкуснее, когда она выглядит красиво, поэтому вместо того, чтобы делать базовые, тройные обертывания, как ее научила Рэйни, она решила завернуть клецки как можно красивее. Первую порцию она обернула в виде трехконечных звезд, а вторую - в стиле «круглой корзины», который папа назвал «круглой корзиной», с тестовой миской наверху, куда люди могли сбрызнуть соевый соус, уксус или острый соус. Она также завернула некоторые из них с открытым верхом, чтобы Рейни могла сначала съесть, а другие - в сложенный мешочек, потому что она знала, что мама любит прокусывать кожуру клецок, чтобы выпустить весь пар и нагреться, прежде чем съесть их залпом. Наконец, после приступа вдохновения,

Пока она работала, Тейт разжег огонь и нагрел воду до кипения, поэтому, когда Тали закончила заворачивать, все, что ей нужно было сделать, это положить бамбуковые пароварки в кастрюлю и потушить огонь, чтобы убедиться, что это не так становится слишком жарко или слишком холодно. Это была деликатная вещь, поскольку пельмени в другой упаковке требовалось разное время в пароварке, а у

нее не было карманных часов, как у Рейни. Все, что она могла сделать, это наблюдать за огнем и руководствоваться здравым смыслом, поэтому она устроилась и стала ждать. Когда клецки были готовы примерно на три четверти, она вынула из кастрюли трехконечную звезду и замесила клецки, прежде чем жарить их на сковороде со свиным жиром. Она использовала одну и ту же начинку для всех пельменей, так что это добавило бы столь необходимого разнообразия, чтобы было интересно.

Внезапно почувствовав себя истощенным от всех своих усилий, Тали вытерла лоб и ударилась о землю, но Лин-Линь подошла с носовым платком в руке. «Вау, ты так много работал», - сказала она, вытирая пот Тали, прежде чем поцеловать ее в лоб. «Пахнет так вкусно, и выглядит красиво. Ты такой отличный повар, Тали.

Все остальные поддержали схожие чувства, и только сейчас Тали поняла, что они все наблюдали за ее работой. Папа с широкой улыбкой на лице даже расставлял ей вещи, а щеки Тали покраснели от смущения. "Я слишком долго?" - спросила она, недоумевая, почему все смотрят. "Сожалею."

«Вы совсем не задержались», - сказал папа, и рядом с Рейни мама подтвердила это, кивнув и так ярко улыбнувшись. «Мы все просто наблюдаем, потому что ты проделал такую потрясающую работу, милая. Как вы себя чувствуете?"

«Устала», - ответила Тали, уткнувшись носом в плечо Линь-Линь, когда она поняла, насколько измотана она на самом деле. "Ты действительно сонный?" Зевая, потерев глаза, она добавила: «И у меня немного болит голова».

«Выпей чаю», - сказал Лин-Лин, помогая Тали сесть рядом с Рейни, у которого на коленях все еще спали Мама Бун и Понг Понг, а Аури прижалась к его спине. «Папа сварил это специально для тебя, так что пей медленно и допивай все».

Тщательно понюхав травяной чай, чтобы убедиться, что это лекарство, Тали была удивлена тем, насколько ароматным и приятным пахнет чай. Тщательная проба на вкус подтвердила, что напиток был пропитан медом, но не для того, чтобы скрыть горечь или странные сюрпризы, поэтому она жадно проглотила его с улыбкой. «Спасибо, мистер Тадук», - сказала она, уже чувствуя себя лучше, когда Лин-Лин снова наполнил чашку. «Чай восхитительный».

«Не за что, дорогая девочка», - ответил он, похлопывая ее по голове с теплой улыбкой. «И я уверен, что ваши клецки будут еще вкуснее».

Пока все уселись поесть, Тейт подошел к ней и прошептал: «Ты в порядке? Ты был действительно странным там.

"Что вы имеете в виду?"

"Вы не помните?" На секунду Тали подумала, что Тейт, возможно, пытается ее обмануть, но он был искренне сбит с толку. «Вы действительно замерли несколько минут и не ответили, когда я спросил вас, что-то не так. Я собирался встряхнуть тебя, но потом бабушка остановила меня и сказала, что мы должны оставить тебя в покое. Задумчиво поджав губы, Тейт наклонился и сказал: «Я думаю, ты проводил ченнелинг. Может быть, у вас было понимание? "

«Я так не думаю». Наклонив голову, чтобы подумать, она спросила: «Извини, что игнорирую тебя. Я просто делал пельмени и думал о Рейни ».

"Ах." Хотя ему больше нечего было добавить, Тали видела, что Тейт волновался, что Рейни никогда не вернется. Они были так похожи в худшем из возможных смыслов, потому что, хотя Тейт знал Рейни не хуже Тали, он боготворил Рейни и хотел быть таким же, как он, не извлекая уроки из его ошибок. Тейт тоже не любил сражаться, он просто хотел быть сильным, как и вся семья, но это не было хорошей причиной, чтобы стать Воином-Боевым. Необязательно быть преданным воином, чтобы быть сильным; Папа, бабушка и прадедушка были живым доказательством. Конечно, Рейни был велик во всем и теперь стал героем и легатом, но Тали знала, что он скорее предпочел бы снова быть неизвестным и беззаботным, чем бороться каждый день, чтобы справиться со всей славой, стрессом и опасностями.

Жаль, что Тейт этого не понял, но, надеюсь, скоро он одумается ...

Обняв своего брата, она крепко сжала его, пока он не перестал извиваться, чтобы уйти. Не обращая внимания на его нахмуренный вид, она усмехнулась и прошептала: «Не волнуйся, глупый. Рэйни будет в порядке. Вот увидишь."

«Вы этого не знаете».

Даже он не верил, что с Рейни все будет в порядке, но Тейт просто должен был над чем-то мучиться. В конце концов, именно такой Рэйни и Тейт перенял эту дурную привычку. «Я знаю», - заявила Тали, освобождая брата от хватки, и каким-то образом она действительно это сделала. "Я просто делаю."

Затем пришло время поесть, и все хвалили пельмени Тали, а ей было жаль папу, который так много работал над всем остальным. «Лапша выглядит очень вкусно», - сказала она, что вызвало мягкую улыбку у папы, когда он добавил ей в миску лишний кусок баранины. «А это жареные креветки? У нас не было этого вечно ».

«Потому что какой-то жадный зверь все это ел», - ответил папа, его взгляд остановился на спящей маме Бун на коленях у Рейни. «Даже порции, предназначенные для других».

"Счастливей!" Напомнив о присутствии Понг Понга, Тали на мгновение посмотрела на симпатичную черепаху и подавила желание погладить его сонную голову. Это был первый раз, когда он доверял им достаточно, чтобы заснуть в их присутствии, и она не хотела ничего делать, чтобы разрушить это доверие, поэтому она оставила его и храпящую маму Бун наедине. Вместо этого она гладит Пинг Пинга, который отдыхал головой между Тали и Рэйни, и милая Черепаха-Хранитель радостно пищала в ответ, прежде чем снова смотреть на пустое выражение Рэйни.

Слегка вздохнув, Тали вцепилась в надежду и вложила ему в руки миску и палочки для еды Рейни. Обычно он брал их и начинал закачивать воздух в рот, но сегодня он чуть не уронил их обоим. Тали пришлось сомкнуть его пальцы вокруг миски и слегка сжать ее, прежде чем она успела отпустить, и даже тогда Рэйни лишь слегка держала ее. То же самое касалось его палочек для еды, которые он не держал в руке, а балансировал на ладони, что было странно, поскольку обычно он ел без посторонней помощи. Несмотря на усталость и головокружение, Тали решила уговорить Рейни съесть ее клецки, поэтому она переместилась на колени и взяла у него его миску и палочки для еды. Наклонившись вперед, чтобы схватить один из пельменей с открытым верхом, она осторожно положила его в миску и подула на нее, чтобы она остыла. Затем она добавила одну каплю соевого соуса и большую каплю масла чили, как ему понравилось, и, по прихоти, снова предложила ему миску. «Вот, Рэйни», - сказала она. "Видеть? Я приготовила для вас вкусные пельмени, чтобы вы снова были сильными и здоровыми. Ваши любимые свинина и лук".

Несмотря на то, что она не ожидала ответа, она все же пыталась разговаривать с ним как можно чаще. Когда бабушка была в коме, она слышала, как бабушка разговаривает с ней, поэтому не было причин думать, что Рейни их сейчас не слышит. К ее удивлению, на этот раз он даже ответил, подняв руки, чтобы взять миску и палочки для еды из ее рук. У нее перехватило дыхание, пока она не вспомнила, что это нормально, что он всегда ел свою пищу самостоятельно, и это ничем не отличалось, по крайней мере, так она говорила себе, пока не подняла голову и не увидела, что он смотрит на нее.

Выражение его лица по-прежнему оставалось пустым, но его глаза, те, которые рассказывали Тали обо всем, были такими полными тепла и любви, когда он поднес миску к губам и съел внутри. Медленно жевая, чтобы насладиться вкусом, его взгляд переместился на Тейта, а затем на рошу, чтобы осмотреть остальную семью. С каждым мгновением его лицо наполнялось жизнью, цвет возвращался к его щекам, когда он возвращался в мир бодрствования незамеченным никем, кроме Тали. Ее улыбка угрожала расколоть ее щеки, когда она наблюдала, как все это происходит, и к тому времени, когда его взгляд снова остановился на ней, она знала, что Рейни вернулся навсегда.

Потому что только Рейни могла выглядеть такой усталой, взволнованной и счастливой одновременно.

"Вы вернулись!" Бросившись к нему на грудь, Тали плакала от радости, когда он обнял ее и погладил по волосам. «Рейни вернулся!»

~~~~~

Выход из добровольной комы ... дезориентирует, мягко говоря. Поток вопросов обрушивается на меня, как приливная волна, когда все бросаются проверить мое здоровье, и, если бы не их забота и дисциплина, меня вполне могло бы раздавить ногами. Их голоса слышны в моих ушах, и слова кажутся узнаваемыми, вплоть до тех пор, пока я не пытаюсь распознать их значения, когда все становится беспорядочно и запутанно. Я могу разобрать отдельные слова и даже некоторые фразы, но я не могу всю жизнь разбирать их предложения целиком, хотя могу сказать, что их беспокоит мое замешательство. Понимание ускользает от меня, и мой разум кажется запутанным и невосприимчивым, но нет такого барьера для эмоций, как моих, так и всех остальных. Поток невыразимых ощущений огромен и устрашает, неотразим и вызывает тревогу, парализующий и внушающий трепет одновременно, опыт, непохожий на все, что я когда-либо испытывал раньше, когда я впервые за вечность заново переживаю всю гамму эмоций. Слишком быстро меня охватывают любовь и забота, излучаемые вокруг меня, невидимые для глаз, но слишком отчетливые, исходящие не только от этих любимых людей, стоящих надо мной, но и от прижатых ко мне пушистых и пернатых существ.

Семья. Животные. Жены. Родители. Домашние питомцы. Слова приходят с запозданием, как запаздывающие голосовые сообщения, приходящие на несколько секунд позже, и играющие на одной десятой скорости, создавая знакомые звуки, которые требуют значительных усилий, чтобы разобрать их, и беспокоят меня до бесконечности. Можно подумать, что в этом нет ничего особенного, эта небольшая задержка и беспорядочная речь, но это настолько заметно, что я почти не могу этого вынести. Как будто я только что перешел от локальной игры без задержки к онлайн-игре с более чем 300 пингами и различными элементами управления для всего, не совсем невыносимо, но далеко не приятно. Раздается голос, и я поднимаю голову в соответствии с указаниями, мое тело отвечает, прежде чем мой разум складывает сообщение. «Поднимите голову», - сказал Тадук, и теперь я смотрю ему в глаза. Как ни озадаченный своей автоматической реакцией, я вскоре очарован взглядом Тадука. У него такие мягкие добрые глаза, мой Учитель и суррогатный отец, полные надежды и заботы, пахнущие травами и корицей - приятное и уникальное сочетание, которое я нигде больше не слышал. Пока я смотрю ему в глаза, он говорит что-то еще, команду из тона, и на этот раз мне требуется недолгая вечность, чтобы понять его намерения. «Сожми мою руку».

Сожмите. Оказывать давление.

Мой. Местоимение и притяжательное прилагательное в данном случае указывают на что-то от Тадука.

Рука. Конечная часть руки человека за запястьем, включая ладонь, пальцы и большой палец.

Окажите давление на руку Тадука.

Ох, ну ладно. Он хочет, чтобы я сжал его руку.

Я сжимаю. По крайней мере, я хотел, но через некоторое время Тадук снова заговорил. Я разбираю сообщение и обнаруживаю, что он повторил себя, прося меня сжать его руку и оставляя меня гадать, действительно ли я это сделал. Я думал, что да. Или я просто думал об этом и никогда ничего не делал? Если я нажму дважды, это что-нибудь изменит? Нет, он просто проверяет, насколько я отзывчив, что на данный момент не очень. Сожмите его руку. Ах, я вижу проблему. Его рука передо мной. Я его уже не держал. Я должен сначала взять его за руку, а потом сжать. Имеет смысл, имеет смысл. Вот так. Поднимите руку, возьмите его, а затем сожмите.

Боль и дискомфорт на лице Тадука. Почему? О нет, я слишком сильно сжал. Отпустить. Чувак. Позволять. Идти. Расслабьте пальцы и отпустите. Вот и все. А теперь ... теперь скажи что-нибудь. «Я сжал». Скажи что-нибудь еще, как будто тебе жаль. «Вам очень жаль». Нет, извини меня. Скажи это. "Сожалею."

Ответ Тадука приходит слишком быстро, чтобы я мог его уловить, но он обнимает меня за щеки и улыбается, чего достаточно, чтобы сказать мне, что все прощено. Что происходит? Почему мой мозг не работает? Нет, он работает отлично, просто он не ... синхронизирован со мной. Как ни странно, все работает нормально, когда я не обращаю внимания, потому что я только сейчас заметил, что Тадук постоянно просил меня что-то делать, а я все это делал, не задумываясь. Подними мою правую руку. Закройте один глаз. Закройте другой. Покачиваю ушами. Скажите ему, что два плюс два равно. Обдумывание того, что я только что сделал, и понимание того, что произошло, занимает даже больше времени, чем потребовалось, чтобы сделать это, и когда я, наконец, выхожу из созерцания, я оказываюсь перед встревоженным Тадуком, в то время как остальные мои близкие смотрят. Опять же, мне нужно время, чтобы понять, что произошло,

"Сожалею." Извинения приходят естественно, даже если мой тон и выражение лица не соответствуют его словам. Я погрузился в размышления, но я не знаю, как это выразить, и после долгих минут размышлений я понимаю, что все говорят мне, что не нужно извиняться. Конечно, когда я это понимаю, мне становится только хуже, тем более что я чувствую их осязаемый страх и осязаемое облегчение на этих американских горках недопонимания и эмоций.

Что происходит? Почему я не могу нормально работать?

Когда Тадук успокаивается на медосмотре, Тали возвращает меня закончить обед, позволяя мысленно отступить и позволить моим рефлексам взять верх. Какое-то время мне кажется, что ничего не изменилось, что я вернулся в пустоту, в то время как мое тело работает на автопилоте, чтобы есть и делать другие вещи, за исключением того, что на этот раз я одновременно контролирую и не контролирую свои действия. Я не совсем понимаю это, но после того, как я обдумал это в течение ... ну, долгого времени, я считаю, что все мои проблемы связаны с тем, как я разорвал связь со своим разумом и телом. Дело не в том, что я не могу «воссоединиться», потому что я, очевидно, уже сделал это, а скорее в том, что из-за того, что я провел так много времени в Пустоте, я забыл, как на самом деле пилотировать этот мясной костюм.

Путь к работе. Вы разучились быть человеком. Молодец, идиот.

Однако это не совсем безнадежное дело. Я могу делать что-то, если я действительно, действительно, действительно сосредотачиваюсь на этом и направляю себя через каждый крошечный шаг на этом пути. Слова по-прежнему являются проблемой, потому что я перестал думать словами, или, по крайней мере, я так думаю. Не уверена. Это больше похоже на то, что все, что я думаю, является скорее концепцией, уникальной для моего собственного понимания. Я не думаю об этих мыслях как о чтении слов со страницы, я просто переживаю все сразу.

И даже тогда я не могу перестать монологи. Удивительный.

Я не заметил этого в Пустоте, но вот так я адаптировался. Я больше не был телесным существом, человеком с телесными потребностями и ощущениями, а просто созданием мыслей и воспоминаний. Теперь, когда я думаю об этом, если я отрезал себя от своего тела и разума, как я функционировал в то время?

Ой.

Дои.

Нет тела.

Нет возражений.

Остается только одно. Я существовал в Пустоте как Душа. Не Натальная Душа, а просто ... моя душа. Странно.

Ха! Оказывается, теперь я живое доказательство того, что вам не нужен мозг, чтобы думать.

Хм. Юмор. Я не могу сказать почему, но чувствую, что это хороший знак. Наверное, по той или иной причине. Может быть, потому что я вспоминаю, что значит быть человеком? Понятия не имею. Думаю, теперь мозговая задержка меньше, а может, ее никогда не было. В душе не было нейронов, которые можно было задействовать, чтобы думать, что, вероятно, означает, что я «думал» с буквальной скоростью мысли, поэтому я так легко потерял счет времени. Я просто снова приспосабливаюсь к жизни как личность, со всеми этими незначительными потребностями, такими как дыхание и моргание, которые нужно отслеживать. Хотя это кажется вечным, я не думаю, что вернулся в свое тело больше, чем ... Я не могу точно сказать, но, оглядываясь назад на то, что произошло, я сейчас ем свою ...

Второй пельмень.

...

В самом деле? Это оно? Могу поклясться, что уже давно сижу здесь ...

Человек ... время идет медленно.

Нет это не правда. Время постоянно, просто мое восприятие времени искажено. Сейчас я привык делать все со скоростью мысли, и я забыл, как отслеживать все те реплики, которые использую для обозначения течения времени. Например, дыхание, мигание, сердцебиение и все те другие постоянные ритмы, которые я привык подсознательно отслеживать. Более того, я продолжаю сосредотачиваться на своих мыслях и ни на чем другом, игнорируя бодрствующий мир вокруг меня и заставляя его чувствовать, что время просто ... проходит. Как будто я наблюдаю, как моя жизнь разворачивается в замедленном движении на моих собственных глазах, практически без всякого влияния, и каждый раз, когда я перестаю сосредотачиваться на здесь и сейчас, время либо замедляется, либо ускоряется без всякой причины. Это больше чем что-либо вызывает разрыв между мной и реальностью, потому что трудно чувствовать себя заземленным, когда все продолжает меняться.

Сладкий смех Линь-Линь отвлекает меня от мыслей, и это самый прекрасный звук, который я когда-либо слышал, тот, который наполняет меня любовью и тоской по моей милой, восхитительной жене. Встреча с ее глазами заставляет бабочек порхать у меня в животе, и я прослеживаю ее взгляд вниз, туда, где Пинг Пин пищит шторм, когда я рассеянно гладил ее по голове. Я не заставлял себя этого делать, это просто случилось, и милая девушка восхищается всем вниманием, а ее кожа кажется такой гладкой и мягкой, что я не могу перестать прикасаться к ней. Еще больше оживившись, когда она направляет на меня поток Любящей Ауры, я с опозданием понимаю, что это было ответом на направленную мою собственную Ауру. Мои эмоции просто ускользнули, я не заметил, что мне нужно следить за этим. Фактически, прямо сейчас я все еще использую свою ауру, чтобы сказать всем, что люблю их, но каким-то образом доставляя уникальные эмоции каждому человеку. Любовь, которую я испытываю к Линь-Линю, отличается от той любви, которую я испытываю к Пинг Пин, и то же самое можно сказать о любых других двух людях здесь. Все остальные отвечают тем же, хотя, кроме Сун, которая на удивление восприимчива и отвечает собственной любящей Аурой, никто другой не задействован в их Ауре. Я просто как-то улавливаю их эмоции, и это действительно здорово.

Особенно Мама Булочка. Я имею в виду, я в значительной степени знал это еще до того, как она посетила мой Натальский дворец, но иметь доказательства того, что милый кролик действительно любит меня, просто невероятно. К тому же ее мех на моей щеке кажется таким бархатистым, что я просто хочу обнимать и держать ее весь день ...

Наслаждаясь любовью и привязанностью моей семьи, я делаю все, что в моих силах, чтобы заверить их в моем хорошем здоровье и успокоить их беспокойные умы. Я не могу объяснить это словами, но знаю, что со временем мои проблемы исчезнут. Творческий отпуск из моего разума и тела сказался на мне, и настройка моей Души, чтобы исправить мое Ядро, когда я разделена, вероятно, тоже не пошла мне на пользу, но вскоре все снова объединится. Это как ... надеть новые очки. Некоторое время все выглядит странно, но со временем тело и разум адаптируются.

Обед проходит медленно, и я наслаждаюсь каждым кусочком вкусной еды, изюминкой которой являются восхитительные духовные пельмени Тали, блюдо, которое она каким-то образом успешно приготовила, когда мама и Чарок потерпели неудачу. Любопытно, как ей это удалось, но я ожидал этого от своей умной, талантливой и трудолюбивой племянницы, и подозреваю, что ей будет легче понять это, чем мне. Хотя Тали не любит Боевой Путь, то же самое нельзя сказать наоборот, поскольку она любима Небесами и одарена Талантом, тогда как у бедного Тейта только тяжелая работа идет в его пользу. Ничего страшного, я был таким же, поэтому я уверен, что Тейт преуспеет во всем, во что он вложит свою душу. Я был бы счастлив, если бы он отказался от своей мечты о солдатской жизни и вместо этого выбрал более безопасную работу, но независимо от его выбора,

Когда еда, наконец, закончилась, я провожу день, погружаясь в фокус и теряя его, бездельничая со своими близкими и как можно лучше следуя их инструкциям, чтобы они могли понять, что со мной не так. Я слушаю музыку Луо-Ло и опираюсь на плечо Милы, уткнувшись щекой в мех Аури, пока Ян гладит

меня по волосам, держу Лин-Линь за руку и улыбаюсь, пока мама возится с моими волосами и одеждой, и сижу в успокаивающей тени на спине отца. пока он сидит с Альсанцетом, Аканаем и Хусолтом, чтобы они могли молча наблюдать за мной. На протяжении всего этого теплая улыбка Чарока и широкая ухмылка Тадука приветствуют меня после моего отсутствия, а мои возлюбленные тупицы требуют всей моей любви и внимания, чтобы наверстать потерянное время.

Это моя семья, и я был дураком, когда-либо бросил их.

Хорошо вернуться.

Глава 662

Закутанный в одеяла на удобном диване, Мин Гю потягивал чай у зажженной жаровни, погладил бархатистую шерсть спящего Киши и расслабился, пока его заботы медленно таяли.

У его нынешнего удовлетворения было много причин, последней из которых было неожиданное выздоровление молодого Рейна. Возможно, выздоровление было слишком сильным словом, так как мальчику еще предстояло пройти путь, прежде чем Святой Медик сможет дать ему полное свидетельство о здоровье, но любой прогресс был хорошим прогрессом. После более чем двух месяцев, проведенных в коме и большей части третьей жизни в бодрствующей фуге, когда он осознавал только свои телесные потребности, Рейн, наконец, снова реагировал на внешние раздражители. Было время, когда он ел все, что было перед ним, независимо от того, была ли это миска горячего супа или просто емкость для выброшенных шахматных фигур, но он больше не был тем же пустым сосудом. Когда милая Тали объявила, что мальчик выздоровел, первым побуждением Мин Гю было усомниться в ней. но одного взгляда на лицо Рейн хватило, чтобы принять слова милого ребенка за правду. Хотя выражение его лица было по-прежнему жестким и бесстрастным, его отстраненный, пустой взгляд исчез, и вместо него появился теплый и нежный отведенный взгляд, окрашенный любовью и смущением.

Однако после первоначального восторга стало ясно, что мальчик еще не вышел из леса. Несмотря на способность говорить, слова Рейна выходили медленно и с большим трудом, и никогда не было больше, чем горстка слов за раз, которые редко имели смысл. Затем возникла проблема его недостаточной осведомленности и понимания, до такой степени, что святому врачу приходилось иногда повторять свои инструкции полдюжины раз, прежде чем добраться до юного Рейна. Даже тогда он был склонен отвлекаться или, по крайней мере, более склонен, чем обычно. Рейн так любил позволять себе время от времени отвлекаться, но это было намного хуже, чем простая невнимательность. В течение дня они пытались заставить Рейна читать, писать и решать различные задачи и головоломки, проверяя его познавательные способности, но, увы, он все провалил зрелищным образом.

Хорошо было то, что неудачи мальчика были вызваны не бездарностью, а скорее отсутствием внимания. Когда ему предлагали прочитать набор письменных инструкций, мальчик просто смотрел на бумагу на мгновение, прежде чем его глаза заблудились в другом месте. Он бы предпочел погладить перо с перьями или обмакнуть палец в чернила, чем оставлять какие-либо сообщения. То же самое происходило и с устными инструкциями, независимо от того, были ли они озвучены или отправлены, поскольку он постоянно терялся в глазах говорящего и изучал лица с крайней фиксацией, что делало это чрезвычайно очевидным, когда он переставал смотреть на их слова после факта. Его внимание привлекли не только более красивые лица, хотя он провел чрезмерное количество времени, глядя в глаза своим возлюбленным, но и его родители, бабушка и дедушка, учитель, и даже сам Мин Гю получил почти такое же внимание. Домашние животные получили даже больше, поскольку они постоянно прерывали свои усилия, чтобы привлечь внимание Рейна, и чаще всего это им удавалось, оставляя ему проводить много минут, глядя на своих животных, поглаживая их усы и отслеживая их черты, как будто видя их всех для первый раз.

Он пробовал это и с людьми, но лишь немногие избранные позволяли это, а именно двое детей, Мэй Лин и Святой врач, поскольку они были единственными, кого не смущали слишком интимные действия Рейна. Ли Сун не мог отказаться, но, как ни странно, когда он протянул руку, чтобы коснуться ее лица, его рука остановилась, прежде чем коснуться ее, только чтобы отпустить, не теряя интереса. Мин Гю отметил, что все это без видимых признаков от полукота с каменным лицом, которого было намного труднее читать, чем Кён.

В конце концов, хотя Рейн явно был способен понимать их слова и инструкции, он, казалось, был совершенно неспособен выполнить их, не отвлекаясь. Таким образом, несмотря на то, что они планировали эту экскурсию только как однодневную, Чжэн Ло счел разумным держать его подальше от Цитадели еще несколько дней, хотя бы для того, чтобы дать ей время подготовиться к его возвращению. Таким образом, вся семья использовала усадьбу до конца дня и ночи, даже Баатар и Аканай, у которых, несомненно, были неотложные дела. Мин Гю не мог винить их за их решение, потому что это было не только радостным событием, но и тем важнее было защитить мальчика теперь, когда они знали, что полное выздоровление было в пределах досягаемости.

Казалось бессердечным даже думать об этом, но какое-то время Мин Гю задавался вопросом, была бы Империя лучше обслуживалась, если бы они не держали состояние Рейна в секрете. Это означало бы, что он уйдет с поста легата Внешних провинций, но генерал-полковник Шуай Цзяо был более чем способен сохранить альянс, особенно при поддержке Нянь Цзу и Южен, поддержку, которую они, несомненно, оказали бы по просьбе Баатара. Чжэн Ло проделала изумительную работу по тушению пожаров и поддержанию работоспособности Западной стены, но в первую очередь она была политиком, а не солдатом. Если бы она была таковой, она бы увидела серьезную ошибку в том, что так быстро отошла от второй линии. Хотя ее рассуждения были логически обоснованными, с тактической точки зрения это была катастрофа. На свидание,

Это еще не все. Ранний отход позволил южному перевороту, который все еще разыгрывался по сей день, поскольку он освободил южных генералов от их обязанностей на второй линии прежде, чем маршал Куен успел

подготовиться. Если бы ему дали хотя бы несколько дней для беспрепятственной работы, Мин Гю был почти уверен, что этот грозный человек с легкостью приручил бы своих неуправляемых генералов, будь то натравливание их друг на друга, подача примера самых откровенных или любых других политических деятелей. махинации, которые маршал Куен мог спрятать в рукавах. Однако Чжэн Ло отдал приказ отступить, не посоветовавшись ни с кем, кроме Аканая, и внезапно каждый известный южный офицер ранга и амбиций больше не имел никаких обязанностей, которые отвлекали бы их, и мог только сосредоточиться на высоком титуле, висевшем у них на глазах. : Генерал-полковник Юга.

Было время для смелости и решительности, но, увы, девушка выбрала неудачный выбор времени. Мин Гю считал, что Империи лучше было бы удерживать вторую линию еще на неделю, прежде чем отступить, даже если бы это стоило им большего количества жизней в краткосрочной перспективе. Выбрав самый безопасный вариант, Чжэн Ло вполне мог бы обречь Империю, нанеся тяжелый удар по их моральному духу, когда он должен был быть на пике. Между расколотым Югом, ссорящимся Севером и укоренившейся нестабильностью Центрального, этот преждевременный уход оставил много брешей в имперской защите, которые мог использовать Враг, но, к счастью, они были слишком заняты, оправляясь от своего катастрофического поражения.

Неудивительно, что Defiled попал в бой, но, увидев так называемую Армию избранных на поле битвы, Мин Гю должен быть прощен за то, что упустил такую возможность. Несмотря на постоянные напоминания Рейна о том, что они столкнулись с тем же коварным противником, что и всегда, было легко забыть, что они сражались на поле битвы с Оскверненными, а не с мятежными имперцами, которыми они себя представляли. Даже в официальной документации было четкое различие между Избранными и «Оскверненными помощниками», что само по себе было ошибкой. Лучше называть их `` племенными `` или `` иностранными `` вспомогательными силами, если необходимо, но у генерал-полковников было слишком много дел, чтобы придираться к терминологии, особенно теперь, когда их разведчики сообщали об усилении активности в приграничных городах и вокруг них, где находился Враг. накопление для еще одного вторжения.

Но теперь Рейн вернулся или, по крайней мере, снова был на пути к выздоровлению, и, как ни глупо это могло показаться, дух Мин Гю был поддержан возвращением мальчика. Падающий Дождь был человеком чудес, благословленным Высшей Матерью, и если когда-либо Империи требовалось чудо, то это время настало. Его планы и планы уже отбросили одно вторжение, поэтому второе не казалось таким уж надуманным, хотя вера Мин Гю подвергалась суровому испытанию, когда он наблюдал, как Рейн упивается и резвится во дворе. Хотя выражение его лица было в основном застывшим, а слов мало, его поведение говорило достаточно громко, чтобы заглушить все остальное.

Раньше, позволяя Рейну показывать свое лицо на публике, риск практически отсутствовал, поскольку в его действиях или выражении лица почти не было ничего, что могло бы выдать его. В худшем случае можно было подумать, что он измотан или задумался, но теперь все его внутренние мысли отражались в его слишком выразительных глазах и неотфильтрованных действиях. Дело было не в том, что мальчик вел себя нехарактерно, а скорее в том, что его действия

были **слишком** в характере, до такой степени, что другие стеснялись его. Сначала было забавно видеть, как он потекает своим сокровенным желанием, не задумываясь, как это было достаточно безобидно, простым взглядом и желанием проследить чьи-то черты пальцами. Еда была еще одним явным удовольствием, поскольку он наелся клецками, лапшой, булочками и всем остальным, что молодой Чарок и сладкая Тали приготовили для них всех. Неудивительно, учитывая, что мальчик провел два месяца в коме, питаясь только жидкостью, а последние две недели ел ровно столько, чтобы не засохнуть, не говоря уже о том, что сладкие клецки Тали были самой вкусной и восхитительной вещью, которую Мин Гю когда-либо пробовал. Они были настолько восхитительны, что он почти не мог удержаться от еды и разочаровался, когда Тали снова не приготовила их на ужин. Но это имело смысл, учитывая, насколько истощенной она выглядела после обеда. Она пойдет далеко в жизни, способна найти в Дао Проницательность и вдохновение, занимаясь чем-то таким обыденным, как приготовление пищи, и он еще раз удивился тому, насколько эффективным оказался способ обучения Бекхая.

Утолив голод и провалив тесты в захватывающей фракции, Рейн приступил к исполнению других своих желаний, на этот раз сосредоточившись на любви и внимании своей семьи. Опять же, ничего слишком неприятного не произошло, так как похоть была дальше в списке его желаний, чем можно было бы предположить, но Рейн был настолько ... безудержным в своей оценке всего, что наблюдение за ним почти казалось вуайеристом. В одно мгновение он будет счастливо прижимать своих медведей, а в следующий момент он теряется в глазах Яна. Катание на квин Забу в тандеме с Милой занимало его в течение часа, вплоть до того момента, пока он не захотел лечь на берегу реки и посмотреть, как течет вода. После этого он провел еще час, лежа на Аури и играя в простую игру с Саранхо, кладя руку ей на лапу, после чего она кладет лапу на его руку: только для повторения цикла. Они сохраняли это до тех пор, пока игра не потеряла свою привлекательность для Саранхо, после чего Рейн двинулся на птиц, хотя он просто поглаживал их клювы и перья, сидя напротив принцессы, без сомнения, с нетерпением надеясь соблазнить ласку-медведя. Далее последовала экскурсия из роши, чтобы последовать за красной пандой Гуай Гуай, сопровождая его, когда он бродил по полям без цели и исследовал каждый уголок и закоулки окрестностей.

Рейн весь день был очарован тем или иным, и его сильное обожание было одновременно очаровательным и тревожным. Никто не был избавлен от его внимания, что дало несколько забавных моментов, например, когда он обнял Хусолта за голову и отказался отпускать, даже после того, как высокий кузнец встал и поднял мальчика с ног. Рейн также попытался засунуть голову в небольшой туннель, недавно выкопанный местным воровским сурком, и когда его жены не позволили ему, он слегка надулся и почти пятнадцать минут лежал ничком на животе, глядя в яме без особой причины. В целом, больше всего его внимания уделялось женам, а за ними - домашним животным, но он также находил время, чтобы прижаться к своим родителям, чтобы насладиться их обществом. С восхищением слушайте музыкальное выступление Чжэн Ло и Тали, с энтузиазмом хлопайте в ладоши перед демонстрацией боевых искусств Тейта и не мигая, смотрите на все, что привлекло его внимание, включая морщины на тыльной стороне руки Мин Гю. Добавьте к этому склонность мальчика делиться своими эмоциями через Ауру, и их всех удивило, насколько сдержанно Рейн обычно проявляет себя в повседневной жизни. Падающий дождь, который катался по траве и хихикал со своими кроликами? Видимо, это была его версия сдержанности. Через двадцать минут даже Мама Бун в конце концов стала раздражаться его постоянными объятиями и поцелуями, хотя Аури и Тони-Один,

похоже, не возражали против его бесконечной привязанности, и медведи были более чем счастливы принять свою справедливую долю. и уставиться на все, что привлекло его внимание, не мигая, включая морщины на тыльной стороне руки Мин Гю. Добавьте к этому склонность мальчика делиться своими эмоциями через Ауру, и их всех удивило, насколько сдержанно Рейн обычно проявляет себя в повседневной жизни. Падающий дождь, который катался по траве и хихикал со своими кроликами? Видимо, это была его версия сдержанности. Через двадцать минут даже Мама Бун в конце концов стала раздражаться его постоянными объятиями и поцелуями, хотя Аури и Тони-Один, похоже, не возражали против его бесконечной привязанности, и медведи были более чем счастливы принять свою справедливую долю. и уставиться на все, что привлекло его внимание, не мигая, включая морщины на тыльной стороне руки Мин Гю. Добавьте к этому склонность мальчика делиться своими эмоциями через Ауру, и их всех удивило, насколько сдержанно Рейн обычно проявляет себя в повседневной жизни. Падающий дождь, который катался по траве и хихикал со своими кроликами? Видимо, это была его версия сдержанности. Через двадцать минут даже Мама Бун в конце концов стала раздражаться его постоянными объятиями и поцелуями, хотя Аури и Тони-Один, похоже, не возражали против его бесконечной привязанности, и медведи были более чем счастливы принять свою справедливую долю. и все они были удивлены, узнав, насколько сдержанностью Рейн обычно проявлял себя в повседневной жизни. Падающий дождь, который катался по траве и хихикал со своими кроликами? Видимо, это была его версия сдержанности. Через двадцать минут даже Мама Бун в конце концов стала раздражаться его постоянными объятиями и поцелуями, хотя Аури и Тони-Один, похоже, не возражали против его бесконечной привязанности, и медведи были более чем счастливы принять свою справедливую долю. и все они были удивлены, узнав, насколько сдержанностью Рейн обычно проявлял себя в повседневной жизни. Падающий дождь, который катался по траве и хихикал со своими кроликами? Видимо, это была его версия сдержанности. Через двадцать минут даже Мама Бун в конце концов стала раздражаться его постоянными объятиями и поцелуями, хотя Аури и Тони-Один, похоже, не возражали против его бесконечной привязанности, и медведи были более чем счастливы принять свою справедливую долю.

Все это было весело, поскольку они были в уединении семейного дома, но менее забавными были времена, когда руки Рейна лениво блуждали по телам его жен, к большому огорчению всех. В этом не было ничего слишком извращенного, так как его руки оставались за пределами их мантий, но ни один мужчина не хотел видеть, как их драгоценную дочь или внучку лениво ласкают, даже если этот групер был их мужем ...

В данный момент маленький развратник сидел со своей сестрой и ее детьми, держа Тейта на коленях, пока Чарок рассказывал детям сказку на ночь, но Рейн выглядел более поглощенным из всех. Это была простая история о героях и чудовищах, но его глаза расширились от удивления, когда повествование разворачивалось, хотя и с задержкой, и Мин Гю подумал, что он даже заметил признаки изменения выражения лица. Почему Рейн вел себя таким ... не виновным или наивным, но ... впечатлительным образом, все они задумывались над загадкой, и даже Святой Медик не мог ответить. Их лучшее предположение заключалось в том, что либо с его головой что-то не так, что требовало исцеления, либо этот пылкий Дождь был просто еще одной гранью Дождя, которое они видели в последний раз в Синудзи. Когда ему угрожали на поле боя, он стал охотником, воином, убийца Демонов, потому что это было необходимо для выживания. В том же духе, возможно, этот Дождь, этот глупый, любящий, слишком слащавый ребенок-мужчина, был нужен сейчас, чтобы он выздоровел, но почему это могло быть, остается только гадать.

Свежий ветерок пробежал по старым костям Мин Гю, поэтому он осушил свою чашку как раз вовремя, чтобы заметить Кён, выходящего из кухни с горячей кружкой, которую он приготовил для себя. Возможно, это было потому, что он изучал Рейна весь день, но Мин Гю заметил, что в изумрудных глазах своего внука, которые были похожи на глаза Рейна, были полны энтузиазма и признательности за простую выпивку. Неожиданное открытие сделало его горько-сладким моментом, так как было приятно видеть, как Кён медленно выходит из своей раковины, и обескураживать, когда он узнал, что ему отказывали в таких простых удовольствиях большую часть своей жизни. Хотя он и не из тех, чтобы баловаться ликером, в его чае, несомненно, было достаточно меда, чтобы за ночь сгнить дюжину зубов, и этого было достаточно, чтобы бедный мальчик почти улыбался от уха до уха. Ну не совсем ухмылка,

Все это было разрушено в мгновение ока, когда он заметил внимание Мин Гю, а радость и предвкушение Гюна были унесены потоком мгновенной паники.

От старых привычек трудно избавиться, и Мин Гю винил себя в том, что так плохо обращался с мальчиком. Улыбаясь, он в знак приглашения похлопал по дивану и спросил: «Не хотите составить компанию старику?»

«К счастью, дедушка». Страх и беспокойство Кёна исчезли так быстро, что можно было почти поверить, что это было вообразить, но Мин Гю не мог так легко простить себя, особенно когда он наблюдал, как Кён вместо этого поменял свою кружку на пустую чашку и горшок. «Я вернусь сразу же после того, как наю тебе чай».

«Нет необходимости, нет необходимости, если я больше буду пить, я буду всю ночь ходить от постели в ванную и обратно».

«Потом еще одно одеяло. Ночь холодная, дедушка».

«Я буду в порядке без. Не беспокойтесь обо мне, мне комфортно и без нужды. Однако ты стоишь весь день, так что, безусловно, заслуживаешь того, чтобы сесть и расслабиться». Было трудно уклониться от требований Кён, но позволить ему отказаться - меньшее, что мог сделать Мин Гю. Полукот помедлил еще мгновение, прежде чем, наконец, соизволил сесть, но даже тогда он сел прямо, положив саблю на колени, готовый вскочить на ноги в любой момент. «Не нужно так осторожничать», - сказал Мин Гю, обнимая внука за плечо. «Мы в безопасности здесь, среди семьи». К его удивлению, Кён напрягся, затем расслабился и наклонился в объятия, пока его щелкающие уши не коснулись щеки Мин Гю. Они сидели в уютной тишине, пока Кён пил чай.

«Я почти забыл, как тихо может быть за пределами Цитадели», - начал Мин Гю, подавляя вздох, когда он взглянул на звездное ночное небо. «Мы должны приезжать сюда чаще, подальше от шумных улиц и политических дел Цитадели». Киши, безусловно, одобряла жизнь за пределами Цитадели, так как квин очень любила бегать и играть, хотя ей стало бы одиноко, если бы ее родители были разлучены надолго.

«Если это то, чего хочет дедушка». Плечи слегка напряглись, Кён сделал паузу, прежде чем добавить: «Если так, то, возможно, вы могли бы подумать о том, чтобы взять больше учеников, особенно если мы собираемся путешествовать без сестры Ян. Мы уже напряженно охраняем вас обоих, и теперь, когда рассказы о вашем грандиозном выступлении в последней битве распространились повсюду, бесчисленные Воины снова требуют вашего руководства ».

«Ба, какое грандиозное зрелище? Я был всего лишь гарниром, совершенно недостойным восхищения ». Прошло три месяца с той роковой битвы, а таверны все еще были полны сплетен о его достижениях, но это была болезненная тема для Мин Гю, потому что он почти не слышал разговоров об истинных героях той битвы. Все громко говорили о Шуай Цзяо, Нянь Цзу, павшем Тигрином Генерале и многих других, но если бы Аканай и Ситу Цзя Ян не сдерживали чудовищную Бай Ци достаточно долго, чтобы прибыло подкрепление, генерал-предатель вполне мог бы нанести удар. Императорская армия потерпела катастрофическое поражение, которое обрекло бы весь Центр, если бы не Империю в целом. Более того, Цзя Ян, воин, теперь прославившийся своим оборонительным мастерством, получил серьезные травмы, защищая Бай Ци. их обмена разорвали несколько его внутренних органов, что чуть не убило его. По сей день он еще не получил справку о состоянии здоровья и технически все еще выздоравливал, хотя, судя по всему, он скоро будет годен к работе. Несчастный Мицуэ Дзюичи также получил аналогичные внутренние повреждения в результате столкновения с Бай Ци, и, без ведома большинства, чуть не умер, несмотря на то, что получил немедленную помощь от самого почитаемого целителя Централ, самого Тайи Чжушена. Это было истинной причиной длительного отсутствия Дзюичи от глаз общественности, хотя, увидев реакцию бедняги, Мин Гю согласился со слухами о том, что предательство Хидео разбило старое сердце бедного Дзюичи. он скоро будет годен к службе. Несчастный Мицуэ Дзюичи также получил аналогичные внутренние повреждения в результате столкновения с Бай Ци, и, без ведома большинства, чуть не умер, несмотря на то, что получил немедленную помощь от самого почитаемого целителя Централ, самого Тайи Чжушена. Это было истинной причиной длительного отсутствия Дзюичи от глаз общественности, хотя, увидев реакцию бедняги, Мин Гю согласился со слухами о том, что предательство Хидео разбило старое сердце бедного Дзюичи. он скоро будет годен к службе. Несчастный Мицуэ Дзюичи также получил аналогичные внутренние повреждения в результате столкновения с Бай Ци, и, без ведома большинства, чуть не умер, несмотря на то, что получил немедленную помощь от самого почитаемого целителя Централ, самого Тайи Чжушена. Это было истинной причиной длительного отсутствия Дзюичи от глаз общественности, хотя, увидев реакцию бедняги, Мин Гю согласился со слухами о том, что предательство Хидео разбило старое сердце бедного Дзюичи.

Напротив, травмы Аканай были до смешного легкими, до такой степени, что она даже не требовала внимания Целителя. В то время как ее недоброжелатели утверждали, что у нее были все возможности увидеть одного из них втайне, Мин Гю знала, что она не станет лгать об этом. И она тоже не стала бы этим

хвастаться, но на ее месте так поступили и другие, от гордого Бехая Хишигса и восхищенных имперских солдат, которые воочию убедились в ее феноменальных способностях. Мин Гю даже пытался сам похвалить ее заслуги, но это только заставляло людей хвалить его смирение или шептать, как он был обязан это делать из-за его отношений с Рейном. Это было позором, потому что Аканай был гораздо более достоин похвалы, чем сам Мин Гю, но мало кто позаботился превозносить ее добродетели в Центре, чтобы над ними не посмеялись за восхищение женщиной-полуживотной.

Как будто наследие или пол что-то изменили в силе Воина. Могу сделать правильно? Пей. Ложь, и даже не по правильным причинам.

Сидя прямо напротив него, Кён не совсем смотрел Мин Гю в глаза, когда сказал: «Некоторые избранные могут быть более достойными, но дедушка по-прежнему воин, достойный уважения».

«Ба. Я? » Воспроизводя мысленным взором разговоры между Бай Ци и Аканай, Мин Гю покачал головой в тихом трепете перед ее умением. «Мне больно признавать это, но теперь я вижу, что моим навыкам катастрофически не хватает. Меня восхищает то, как быстро и легко я уничтожаю своих врагов в хаосе битвы, но будь то демон или осквернение, суровая правда в том, что я превосхожу только тех, кто слабее меня, потому что я видел и изучал эти слабости тысячу раз во время обучения студентов и учеников. Против Воина с таким же или более высоким мастерством мне было бы трудно получить преимущество или даже задержать время, как Цзя Ян, хотя и за большую цену. Если бы я противопоставил себя Бай Ци, он бы ударил меня в первый же обмен, потому что я ничего не могу сделать против его безупречного исполнения в сочетании с его невероятной скоростью и мощностью. Я знал это, как только увидел его в действии, поэтому я позволял другим рисковать своей жизнью против него вместо меня и вместо этого оставался лицом к лицу с врагами, которых я знал, что смогу победить ».

«В Трех стратегиях охоты» Использование возможностей »гласит: наносить удары по слабым врагам и защищаться от них там, где вы сильны. Дедушка силен против масс и больше подходит для поддержки линии, в то время как Аканай - беспрецедентный дуэлянт, а единственным примечательным атрибутом Цзя Яна является его превосходная защита ». Слегка приподняв голову, Кён наконец встретился взглядом с Мин Гю и добавил: «Каждый воин должен следовать своим путем. Сколько еще окажется недостойным, если они будут сравнивать себя с сильными сторонами дедушки? »

Застигнутый врасплох страстным голосом Кён, Мин Гю лишился дара речи на долгие секунды, прежде чем разразиться смехом, но только потому, что Аканай послал: «Твой внук замечательный ученик, которого обременяет умный, но дряхлый учитель. Лучше всего тебе будет лучше умереть раньше, чтобы не погубить его своим старческим слабоумием.

Как будто она имела полное право называть его старым, но Мин Гю не мог не улыбнуться. Было легко понять, почему женщину выгнали из Централа, потому что у нее был острый язык и темный юмор, но, черт возьми, если бы она не выросла на нем в их время, проведенное вместе. «Верно», - отправил он в ответ, надуваясь от гордости за своего внука, только для того, чтобы сдуться, когда он задумался над правдой. «Но я боюсь, что он преуспел, несмотря на мое влияние, а не благодаря ему». Не обращая внимания на ответ Аканая, Мин Гю воздвиг Звуковой барьер, но только для того, чтобы спасти то маленькое лицо, которое у него осталось. Прикрыв щеки Кёна с улыбкой, он посмотрел на этого прекрасного Воина и задумался, что же могло быть.

Но, увы, от сожаления не было лекарства.

«Мне очень жаль», - сказал он, и снова Кён застыл от страха или паники, а Мин Гю возненавидел себя за то, что был причиной этого. «Ты был моим лучшим учеником и учеником, но я никогда не видел в тебе ничего, кроме раба. Я обидел тебя, отказал тебе в жизни, которую можно назвать своей, обращался с тобой грубо и без должного внимания. Ты когда-либо знал меня только в худшем случае, калекой, одурманенным наркотиками дураком, опьяненным воспоминаниями о былой силе и славе, но тем не менее ты видел во мне лучшее и выходил за рамки своих обязательств. Две слезы текли из его глаз, но он больше не позволял, потому что Кён достаточно насмотрелся его слабости. «Я знаю, что у тебя нет выбора, кроме как остаться со мной, и ты не сможешь уйти, даже если захочешь, но я хочу, чтобы ты знала, я искренне сожалею о том, как я с тобой обошлась. Хотя ваши клятвы все еще связывают вас, вы больше не раб.

Освободившись от щек Кёнга, Мин Гю собрал свою ци, призвал Клинок Ветра и сказал: «Небеса в качестве моего свидетеля ...». Обрушив клинок на левое предплечье, он дождался струйки крови, прежде чем продолжить. Клятва, но, как ни странно, она так и не пришла. Взглянул на свою руку и рукав и попытался понять, что случилось с его Клинком Ветра, только для того, чтобы вздрогнуть, когда увидел, как тень падает на него. «О, - сказал он, покачивая головой, когда увидел, что Рейн с тем же пустым выражением лица прижимает к груди спящую Маму Бун и Гуай Гуай. "Привет малыш. Что-то случилось?

"Неправильно." В глазах Рейна промелькнуло неодобрение, и это был единственный ключ к разгадке, который должен был дать Мин Гю, и само по себе это не имело смысла. Затем мальчик посмотрел на Кён и добавил: «Не ошибаюсь. Но не так ».

Переглянувшись с Кёном, Мин Гю увидел, как его смущение отразилось на лице полугошки, поэтому он снова повернулся к Рейну и сказал: «... Понятно».

«... Нет. Неправильно."

«Прости, дедушка». Обняв Рейн за талию, Ян попытался осторожно отвлечь Рейн, но тот не сдвинулся с места. «Не хотела прерывать», - продолжила Ян, ворча, когда она приложила к этому немного мышц, но перекованное тело Рейна отказывалось сдвинуться с места. «Я просто уберу его с дороги, и вы двое можете продолжать свое маленькое сердце к сердцу».

«Неправильно», - произнес Рейн, но, опять же, никто не знал, о чем он говорит, и было ясно, что он это тоже знал. Именно так Мин Гю знал, что мальчик в конечном итоге выздоровеет, эти незначительные признаки интеллекта оказались в ловушке за невидимым барьером. Разочарование нарастало в его янтарных глазах, но затем их накатила волна ясности. "Объятие." Потянув Яна за собой, когда он подошел ближе, Рейн наклонился и коснулся своей головой Мин Гю в безруких объятиях. Тихонько посмеиваясь, Ян обняла Мин Гю свободной рукой и тихо призвала Кён присоединиться к ним, после чего Рейн сказал: «Хорошо».

И, как ни странно, Мин Гю понял. Рейн пытался сказать, что Клятва - неправильный способ показать любовь и привязанность. Обнять было лучше, потому что они давались свободно, что могло бы больше не быть правдой, если бы его принуждали клятвой, поэтому он крепче прижался к своим внукам и молился, чтобы его чувства проявились. Они продолжали обниматься еще немного, хотя бы для того, чтобы он мог вытереть слезы, пока, наконец, не отпустил свою хватку. «Ба, хватит об этом. Иди искупайся, мальчик, от тебя пахнет медведем, квинкой, дикой кошкой и еще хуже. Когда он отступил, в глазах Рейна вспыхнуло веселье, но затем его голова опустилась, а глаза расфокусировались. Нахмурившись, Мин Гю протянул руку, чтобы поддержать мальчика, очень кратко проверил его здоровье и сказал: «День был долгим, так что, возможно, ему пора лечь спать».

«Ну, если ты настаиваешь, дедушка. Тогда спокойной ночи.» Неисправимая девушка даже имела наглость ухмыльнуться, увлекая своего мужа, к которому присоединилась маленькая Мила, у которой, по крайней мере, хватило приличия покраснеть, когда они втроем пожелали спокойной ночи и вместе удалились в баню.

Так возмущенный их поведением, Мин Гю даже не подумал спросить, пока все трое не ушли. «Кто-нибудь здесь заблокировал мой Клинок Ветра?» Все во дворе просто оглянулись, и было ясно, что никто из присутствующих не виноват, что означало ...

Мин Гю был не единственным, кто повернулся к комнате мальчика с улыбкой на лице. Каким-то образом Рейн не только услышал их через звуковой барьер, но и заблокировал клинок ветра, который собирал кровь, не поднимая пальца. Утреннее шоу Домена, и теперь, даже не через двенадцать часов, он уже был в состоянии использовать элементарную ци. Мальчик был на пути к выздоровлению, и Мин Гю не мог дождаться, чтобы увидеть, что его ждет в будущем.

Похлопав Кёна по плечу, Мин Гю принял его помощь, поднявшись на ноги, и они вместе двинулись прочь. «Я уже говорил это раньше, но если вы чего-то желаете, просто говорите, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам достичь этого». Улыбаясь Кёну, он добавил: «Я предлагаю это не из-за вины, а в надежде разжечь твои амбиции, дорогой мальчик. Вы не можете жить для старика. Вы должны найти свою собственную цель в жизни, если хотите прогрессировать, будь то слава, состояние, семья или что-то еще ».

Видя нерешительность Кёна, Мин Гю терпеливо ждал, пока он заговорит, из-за боязни вынудить его, и вскоре его усилия были вознаграждены. «Есть проблема, - начал Кён, - но я боюсь, что это будет стоить слишком дорого, со временем, усилиями и последствиями».

«Позвольте мне побеспокоиться о расходах. Вам нужно только выразить свое желание, и я буду просить, брать займы или украсть, чтобы это произошло » Похлопав себя по груди, он добавил: «Не смотри здесь на своего деда свысока. Что бы это ни было, я могу нести цену. Какая? Вам нужно, чтобы я доказал это, прежде чем вы заговорите? Мне нужно только щелкнуть пальцами, и мое украденное богатство будет возвращено мне с причитающимися процентами ». Единственная причина, по которой он этого не сделал, заключалась в том, что он продолжал любить своих покойных братьев и сестер, но в эти дни живые родственники Мин Гю жестоко испытывали его терпение, когда они пытались чинить сломанные мосты и снова торговать его именем. «Я также мог бы снова начать читать лекции, рекомендовать кузнеца сабельщиков или даже попросить армию снова начать выплачивать мне зарплату. Я не могу вспомнить, сколько денег получает генерал-лейтенант, но, видя, насколько я достоин этого звания, я не понимаю, почему я должен продолжать отказываться от зарплаты. Что до последствий? Ха! Какие последствия? Я, твой дедушка, Ду Мин Гю, и даже юстициары не помешают мне делать то, что мне нравится. Успокойся, мальчик, и говори, что душе угодно. Пусть эти плечи несут ответственность за вас, пока они еще в состоянии».

Задумчиво опустив голову, Кён смущенно сказал: «Моя просьба касается моих братьев и сестер».

«Ян и Сун?» Все это взад и вперед, а Кён хотел подарить сестрам подарок?

«Нет, не они. Мои ... другие братья и сестры. Или, по крайней мере, сводные братья и сестры».

Ах. Неудивительно, что Кён так не решался говорить. Это включало немалое количество рабов-полукотов, рабов, которые теперь продавались по более высокой цене, потому что Ли Сон и Гён оба продемонстрировали превосходные боевые навыки. «Вы хотите воссоединиться с ними?»

"Это было бы чудесно." Подняв голову с печальным выражением лица, Кён переключился на «Отправку» и добавил: «Но я действительно желаю положить конец страданиям моей биологической матери. Только тогда я смогу гарантировать, что мои братья и сестры больше не будут отправлены в рабство».

Ах. Неудивительно, что он не решился спросить. Кён хотел, чтобы Мин Гю спас порабощенного зверя предков. Нелегкая просьба, но ... "Не так ли правдами и неправдами я увижу, как это будет сделано". С улыбкой похлопав Кёна по руке, Мин Гю кивнул и сказал: «Нет ничего лишнего для моего внука».

Первым делом на завтра было выяснить, кому принадлежала дикая кошка «Зверь предков» и можно ли заставить их продать ее по дешевке или нет. Маловероятно, поскольку любая сила, владеющая одним рабом Зверя предков, вероятно, владела большим количеством, но, по крайней мере, Мин Гю всегда мог пойти к Рейну после того, как выздоровеет, и убедить его оказать давление на владельца, если не прямо убедить его продать. Кто знает, если повезет, все это может быть решено в течение недели.

Если бы он только верил, что это правда ...

~~~~~

Когда я лежу в постели с Яном и Милой рядом со мной, я понимаю, что действительно, безумно, глубоко люблю их обоих.

Несправедливо заставлять их разделять мои чувства, но это просто означает, что мне нужно больше работать, чтобы они знали, что их любят. Я до сих пор делал это дерьмово, потому что не думаю, что когда-либо брал кого-либо из них на свидание. Я никогда не ухаживал за ними, мы просто ... оказались вместе, и хотя я безмерно благодарен за то, что они есть в моей жизни, и не могу представить, что бы я делал без одного из них, мне нужно убедиться, что они никогда не пожалеют о своих решение, пока я еще дышу.

Но только до тех пор, потому что, если они пожалеют, что вышли за меня замуж **после** моей смерти, тогда я ничего не могу с этим поделаться, так что ... да.

Теперь, когда мое тело спит, мне намного легче сосредоточиться и думать. Или, может быть, «думать» - неправильное слово, потому что любые созерцательные усилия, которые я делаю, могут быть выполнены без моего мозга. Звучит плохо, но я имею в виду, что я способен к независимому мышлению без доступа к моему физическому мозгу или телу, потому что именно это и произошло после того, как я разорвал связь с обоими. В течение почти трех месяцев я исчерпывал

возможности своей души, и хотя с тех пор я восстановил эти разорванные связи, я забыл, как использовать два других аспекта.

Вполне логично, что душа может быть независимой, функционирующей сущностью, особенно с учетом моей прошлой борьбы с раздвоением личностей. Одна личность контролировала разум и тело, а другая - душу. Это то, что «трон» в нашем Натальном дворце должен обозначать, контроль над своим разумом и телом, поэтому у всех остальных обычно на нем сидит душа. В случае с Дженом, учитывая, насколько его личность все еще просачивается, я не думаю, что он уступил свой трон Чжэнь Ши, а скорее прошел через целую серию умственной гимнастики, чтобы оправдать свои решения. Он больше не хочет контролировать ситуацию, но все равно жаждет этого, поэтому он притворяется, что не контролирует, делая все, что ему говорят, потому что, как бы странно это ни звучало, это его способ взять под контроль.

Непонятно, но мозг - штука сложная, а душа, наверное, тем более.

Итак, в настоящее время моя рабочая теория состоит в том, что я полностью покинул свой «трон», так сказать, когда я вышел из своего дворца Натала и попал в ловушку Чжэнь Ши. Вот почему я чуть не умер, потому что тело, лишенное души, не может выжить. Не знаю почему, но это то, что есть, поэтому я могу продолжить экстраполировать только оттуда. Затем я каким-то образом вернулся в свое тело и установил достаточно связи, чтобы удержать его от смерти, но также разорвал все ненужные связи, чтобы искать забвения. Это не сработало, но я вполне мог наткнуться на что-то большое.

Я думаю, что весь тот большой хулиган, который я устроил во время битвы с силами Бай Ци, был возможен только потому, что я существовал исключительно как душа.

Я имею в виду, хотя это было временно и с тех пор исчезло, тогда я обладал ограниченной формой всеведения в течение нескольких минут. Я знал то, чего не должен был знать, мог видеть вещи за сотни километров, вызывать бурю, непохожую на все, что Империя когда-либо видела, и делал вещи, которые даже сейчас я не могу полностью объяснить, все с использованием Энергии Небес. Если бы я все еще был скован своим физическим существом, я сомневаюсь, что мой хрупкий человеческий разум мог бы проанализировать всю информацию, необходимую для всего этого, что, как я полагаю, объясняет, почему я не знаю, как я это сделал, только воспоминания о том, что я сделал. Это. Возможно, человеческая душа уникально приспособлена для того, чтобы обращаться с Небесной Энергией так, как не могут разум и тело, но я не совсем уверен, почему это так. У меня есть подозрения, что душа - это сосуд эмоций и переживаний,

Однако есть еще кое-что, что нужно выяснить, гораздо больше это взрывает мой мозг. Как всегда, ответы привели меня только к открытию новых вопросов, поскольку я понял, что эмоции - это только одна часть уравнения. Обнимать своих питомцев и наслаждаться семейной любовью полезно для души, но тогда почему

я был так очарован звуками журчащей реки или ощущением прохладной грязи, прижатой к моей щеке? Почему мои глаза были прикованы к верхушкам деревьев, чтобы наблюдать, как ветер свистит сквозь листву или солнечный свет отбрасывает тени на травянистые поля? Я продолжал заикливаться на симметрии зазубренной раковины Пинг Пинга, красоте узорных отметин в Понг Понге, на том, как белоснежный мех Саранхо мерцает, когда свет падает точно на него, или на то, как Рок расправляет крылья, чтобы поймать как можно больше воздуха. все эти изображения и многое другое, но я не могу понять почему.

Еще больше подсказок, чтобы добавить к огромной кучке частей головоломки, которые я не могу сложить вместе, в основном потому, что я понятия не имею, что должна изображать головоломка. Полагаю, тайна Небес или что-то в этом роде. Кто знает? Ясно, что не я.

И знаешь, что? Это не самое худшее в мире. Мне не нужны все ответы, потому что я без них прекрасно справляюсь. Конечно, сейчас все немного странно, я не могу полностью контролировать свои действия и наблюдать, как моя жизнь разворачивается, как в игре, но я думаю, что знаю, почему я делаю то, что делаю. Обниматься с семьей и клубами, любоваться видами и звуками, наслаждаться восхитительными блюдами, выложенными передо мной, включая духовные пельмени, которые Тали каким-то образом успешно приготовила. Это моя талантливая племянница, и, честно говоря, Тейт отстает только потому, что он слишком заиклен на горизонте, чтобы видеть, что находится перед его лицом. Нет смысла рассказывать ему, потому что я не могу этого объяснить, и он не поймет, но со временем он все поймет. Я верю в него.

Потому что, в конце концов, все сводится к балансу, и Тейт это хорошо понимает.

Но не я. В течение нескольких месяцев я отделял свои эмоции и отправлял их в мир, вплоть до тех пор, пока я не осознал, что избавился от всех положительных эмоций и оставил только отрицательные. Я пожирал все, что мог, но теперь я наполнен мраком и гибелью, поэтому теперь мое тело и разум инстинктивно работают, чтобы вызвать новые, счастливые эмоции, чтобы заполнить пустоту внутри и уравновесить все это. Это одна вещь, которую Боевой Путь не уделяет достаточного внимания. Баланс - это не просто устранение вещей, вы можете добавить что-то в смесь, чтобы выровнять их, хотя, по общему признанию, это труднее сделать правильно. При этом здесь нет никакой математики, особенно когда дело доходит до психического здоровья. Вам просто нужно вставлять каждый день и работать над этим, потому что, независимо от эмоций, слишком много необузданного всегда вернется, чтобы укусить вас за задницу.

Особенно депрессия. Это тяжелая ноша, которую я еще не понял, как ее нести. Это не так плохо, как кажется, но это определенно непросто, по крайней мере, для кого-то вроде меня, и поэтому я лежал в постели, пока успокаивающие звуки спящих жен наполняли меня радостью и признательностью. Я рада, что мы не позволили себе увлечься, потому что я пока что не контролирую ситуацию, поэтому было бы странно делать что-то более сексуальное. К счастью, мои инстинкты менее извращены, чем я на самом деле, и мое тело полностью удовлетворено просто объятиями, хотя, судя по всему, и Ян, и Мила готовы к

большему. Больше я буду ждать, когда я полностью выздоровею, хотя я также должен брать их на свидания и ухаживать за ними. Лин-Линь тоже, и, возможно, даже Ли-Ли, если она открыта для идеи ухаживания, что не так надумано, как я когда-то думал. За этим нет веских доводов, просто чувство, но все же. Что касается Ло-Ло, она заслуживает того, чтобы узнать меня, настоящего меня, прежде чем принимать решение, поэтому мне нужно поговорить с ней по душам и помочь ей принять осознанное решение, хотя я надеюсь, что она останется. Да, это несправедливо по отношению к женщинам в моей жизни - делить меня со многими другими, но я верю, что могу сделать так, чтобы они никогда не чувствовали себя нелюбимыми или брошенными, потому что у меня просто так много любви, чтобы отдавать.

Понг Понг замечает раньше меня, но только потому, что он всегда начеку. Высунув голову из меха Мамы Бун, он излучает эмоции, которые я слишком хорошо знаю. Беспокойство, но не личное, не совсем. Нет, это озабоченность в более абстрактном масштабе, и хотя эмоции не все банальны, особенно когда они исходят от черепахи, я все же могу понять это из контекстных подсказок. Понг Понг хочет знать, не имеют ли шестьдесят с лишним экспертов, собравшихся по округу, злые намерения, и, к сожалению, я так считаю. «Опасность», - пульсирую я, а затем «Уверенность». По сути, «я получил это», и я думаю, что действительно понимаю.

В ответ на мое сфокусированное Намерение мое тело выскользнуло из объятий Яна и Милы, не разбудив ни одного из них, - тонкая работа Маскировки, которую я не знаю, как воспроизвести. Маму Бун, однако, не обмануть, и у нее всплывает вопросительная голова, но я гладлю ее по голове и делаю вид, что иду в ванную, как в любую другую ночь. Я не контролирую, точнее не полностью, в том смысле, что мое тело не реагирует на команды, а скорее выполняет мое намерение наилучшим образом, который он считает возможным. Накинув мантию, выскользнув за дверь, я прохожу через Звуковой барьер и прохожу незамеченным мимо двух стражников, снова используя Скрытие и Домен каким-то сложным, невыразимым образом. Только когда я выхожу далеко за пределы Округа, я понимаю, что мне, вероятно, следовало попросить о помощи, но я уже зашел слишком далеко от облаков

Кроме того, я не думаю, что мое тело повернулось бы, даже если бы я ему сказал. Он откликается на Намерение, от которого всего рукой подать до желания, и сегодня вечером я не желаю ничего, кроме как взять мое недавно переработанное Ядро и усовершенствованное тело для вращения.

Мои враги еще не заметили моего прибытия, и я намерен в полной мере воспользоваться элементом неожиданности. Я украдкой подойду к ним по одному и отправлю как можно больше, не предупредив остальных. В конце концов они заметят, что на них охотятся, но, надеюсь, не раньше, чем я прорежу стадо, и в этот момент я должен ударить и бежать, чтобы держать их в напряжении. Заметив их в темноте, я вижу, что мои противники несут клинки Призрака, без сомнения покрытые коварным, поражающим нервы ядом, а это значит, что игра окончена, если меня порежут. Я подумал, что мне следовало остановиться, чтобы взять оружие или что-то в этом роде, но опять же, клинки Призрака прорежут все, что не является Духовным оружием, а мои - вся пыль на ветру. Интересно, есть ли способ ...

Ага.

Что это такое? Резко и неприятно, как толчок в глубину моего мозга.

О ... Боль. Это боль.

Взглянув вниз, я нахожу черный клинок, врезанный в мой живот, который держит странно красивый Призрак, который выглядит почти так же удивленным, как и я. Просматривая свои воспоминания о том, что только что произошло, я понимаю, что, возможно, переоценил свои способности и откусил больше, чем мог прожевать. Я прибыл незамеченным и незамеченным, только Призраки не направлялись в поместье, а фактически использовали что-то для отслеживания моего физического тела. Вот как они нашли меня здесь, в этом пустом поле, и, поскольку я был погружен в свои мысли, я не заметил приближения этого неповрежденного Призрака, что привело к моему нынешнему затруднительному положению.

На все это ушла целая вечность, но в реальном мире не прошло и десятой доли секунды. Однако независимо от того, как быстро я смирился с ситуацией, два факта остаются неизменными.

Этот ублюдок только что зарезал меня, и я, возможно, сейчас умираю..

Перевод с английского: Александр Нонин